Служба Ширванца

1726-1909

Тифлисъ Лит. С. Быхова

Служба Ширванца 84-ой п.

1726—1909 г.

ГОСУД.
МУЗЕЙ
49616

идали-ль въ Персіи Ширванскій полкъ!
Ужъ люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ—
Всѣ съ ревомъ такъ и лезутъ въ бой кровавый.
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

А. С. Пушкинъ.

Нашъ славный 84-й пѣхотный Ширванскій Его Величества полкъ существуетъ 182 года.

Въ 1726 году, въ царствованіе Императрицы Екатерины I, на Кавказѣ, на берегу Каспійскаго моря, у города Дербента, было сформировано 5 пѣхотныхъ полковъ для окончанія войны съ Персіей, начатой при Петрѣ Великомъ. Изъ нихъ первый полкъ назывался въ началѣ по именамъ своихъ командировъ: фонъ-Девица, фонъ-Феникъ-Бира; потомъ названъ Рапокуцкимъ, а въ 1732 году Кабардинскимъ.

4-го Ноября 1819 года, переименованъ въ Ширванскій, по имени бывшаго раньше Ширванскаго ханства, перешедшаго во власть Россіи.

Въ 1735 году полкъ былъ передвинутъ съ Кавказа въ Россію, сначала въ гор. Астрахань, потомъ—въ станицу Островскую и Усть-Медвѣдицкую.

Съ 1736 года имя нашего полка встрѣчается уже въ донесеніяхъ со всѣхъ театровъ военныхъ дѣйствій того времени: изъ подъ Азова, съ полей Финляндіи, Пруссіи и Турціи. Особенно отличались кабардинцы въ войнѣ, которую Императрица Екатерина II вела съ турками съ 1769 г. по 1774 г. Тутъ наши предки проходили боевую шко-

лу подъ начальствомъ знаменитаго русскаго полководца графа Румянцева и принимали участіе въ славныхъ бояхъ подъ Ларгой и Кагуломъ. Командиръ полка полковникъ Кличка въ эту войну награжденъ былъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени.

Но самую громкую славу, ту славу, которая составляетъ теперь неотъемлемое украшеніе полка, ширванцы, бывшіе кабардинцы, заслужили на Кавказѣ, куда полкъ нашъ, въ 1776 году, возвращается изъ Россіи и гдѣ остается до сегодняшняго дня. За это время, болѣе ста лѣтъ, онъ проводитъ почти въ безпрерывныхъ войнахъ съ горскими племенами, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ завоеваніи Кавказа, совершаетъ труднѣйшіе переходы по неприступнымъ иногда дебрямъ, сражаясь одновременно и съ непокорнымъ азіатомъ и съ природой.

Первой штабъ-квартирой полка была крѣпость Георгіевская*). Отсюда полкъ выходитъ, чтобы принять участіе въ блистательныхъ походахъ генерала Текелли за Кубань, испытываетъ тяжкія бѣдствія въ неудачной экспедиціи генерала Бибикова подъ крѣпость Анапу, громитъ съ генераломъ Германомъ Баталъ-пашу, съ графомъ Зубовымъ беретъ Дербентъ.

---

*) Нынѣ гор. Георгіевскъ.

Битва при р. Іорѣ.

Слава полка гремѣла уже на всемъ сѣверномъ Кавказѣ, когда императоръ Павелъ I приказалъ передвинуть его вмѣстѣ съ теперешнимъ Эриванскимъ полкомъ въ гор. Тифлисъ, для защиты Грузіи. Дѣло въ томъ, что слабое Грузинское царство не было въ состояніи защитить себя отъ постоянныхъ нападеній турокъ, лезгинъ и потому отдалась въ вѣчное подданство русскому царю.

Въ Апрѣлѣ 1800 года, полкъ, подъ командой знаменитаго впослѣдствіи генерала Гулякова, выступилъ изъ Георгіевска и 23-го Сентября прибылъ въ гор. Тифлисъ; а 7-го Ноября уже участвовалъ въ знаменитой битвѣ съ лезгинами при р. Іорѣ. Эта битва положила прочное основаніе завоеванію Кавказа, и потому составляетъ выдающуюся заслугу полка.

Дѣло было такъ:

Предводитель горцевъ Омаръ-ханъ, съ пятнадцатью тысячами лезгинъ, вторгнулся въ Грузію.

На встрѣчу ему двинулся генералъ Лазаревъ съ 2-мя баталіонами—нашего и Эриванскаго полковъ, при нѣсколькихъ орудіяхъ; по дорогѣ къ отряду присоединилось 3 тысячи грузинской милиціи.—7-го Ноября, у р. Іоры произошла встрѣча съ противникомъ. Горцы, видя нашу малочисленность, сами повели атаку и бросились сначала на эриванцевъ, но были отбиты; тогда они обратились на грузинъ, но и здѣсь потерпѣли неудачу; послѣ чего горцы устремились въ тылъ нашего отряда, но подоспѣвшимъ баталіономъ нашего полка и тутъ были отбиты. Потерявъ около 2-хъ тысячъ убитыми и ранеными, непріятель обратился въ бѣгство.

Въ этомъ бою, нашего полка поручикъ Новицкій, находясь съ охотниками впереди, бросился на наступавшаго противника, закололь знаменщика и овладѣлъ знаменемъ.

За отличіе въ сраженіи при р. Іорѣ императоръ Павелъ I пожаловалъ полку **Мальтійскія** знамена съ надписью: «**За взятіе у Аварскихъ войскъ знамени, при рѣкѣ Іорѣ 7-го Ноября 1880 года**».

Знамена эти въ 1819 году, по приказанію командира Кавказскаго корпуса, генерала *Ермолова*, были переданы, одновременно съ переименованіемъ нашего полка Ширванскимъ, въ нынѣшній 80 пѣхотный Кабардинскій полкъ, а мы получили изъ

прежняго Ширванскаго (нынѣ Казанскаго) полка Георгіевскія знамена съ надписью: «**За сраженіе 23-го Февраля 1814 года близъ Краона**». Подъ сѣнью этой святыни полкъ впослѣдствіи стяжалъ себѣ неувядаемую славу. Знамена эти казанцы—наши родичи, заслужили въ сраженіи съ французами близъ мѣстечка Краонъ, въ далекой Франціи, въ то время, когда мы утверждали силу русскаго оружія на Кавказѣ.

Съ 1800 по 1816 г., до прибытія на Кавказъ генерала *Ермолова*, жизнь полка протекаетъ въ безпрерывной малой войнѣ, т. е. въ постоянныхъ стычкахъ съ лезгинами и въ защитѣ границъ Кахетіи (часть Грузіи) отъ ихъ хищныхъ набѣговъ. Полкъ былъ все время разбросанъ частями по селеніямъ Кахетіи.

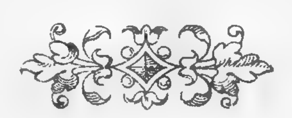
Во время одной изъ экспедицій за рѣку Алазань для наказанія неугомонныхъ аджарцевъ, погибъ нашъ славный командиръ полка генералъ-маіоръ *Гуляковъ*.

15-го Января 1804 г., отрядъ, въ которомъ участвовало и нашихъ десять ротъ, подъ его предводительствомъ втянулся въ Закатальское ущелье,

замкнутое съ обѣихъ сторонъ лѣсистыми горами. Лезгины открыли изъ засады перекрестный огонь, и однимъ изъ первыхъ палъ, ѣхавшій всегда впереди, генералъ-маіоръ *Гуляковъ*.

Вотъ какъ доносилъ объ этомъ государю князь *Цицiановъ*, главнокомандующій войсками: „Потеря сего генерала, отличавшагося толикими подвигами, есть наинесчастнѣйшее слѣдствіе сего сраженія. Отчаяніе войскъ и сожалѣніе всей Грузіи, которая была ограждена отъ всякой опасности его неусыпнымъ бдѣніемъ и мужествомъ, налагаетъ на меня священную обязанность отдать памяти сего генерала должную справедливость. Я лишился въ немъ усерднаго помощника, а войска—начальника отличнаго, друга вѣрнаго и воина неустрашимаго".

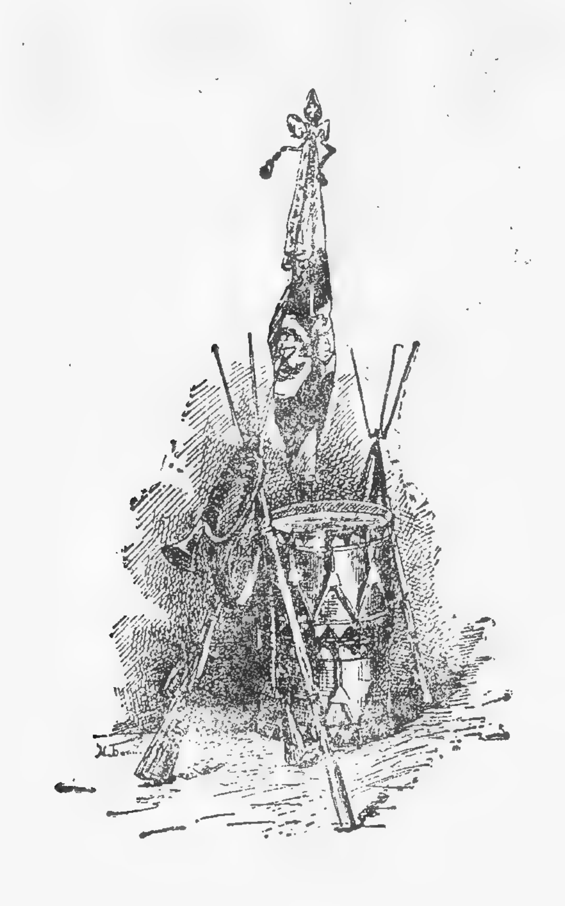
Въ 1845 г. по приказанію государя императора Николая I ему былъ воздвигнутъ памятникъ на мѣстѣ его смерти.

Какъ выдающееся событіе этого періода, надо отмѣтить походъ въ Хевсурію лѣтомъ 1813 года.

Отрядъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Симоновича, долженъ былъ четырьмя колоннами, одновременно, наступать къ аулу Шатиль; тамъ скрывался грузинскій царевичъ Александръ, недовольный присоединеніемъ Грузіи къ Россіи и по-

стоянно возмущавшій мѣстныя племена противъ владычества русскихъ. Въ одной изъ среднихъ колоннъ участвовалъ нашъ полкъ подъ начальствомъ командира полка Полковника Тихановскаго. Историкъ Кавказской войны генералъ *Потто* такъ говоритъ объ этомъ походѣ: „Хевсурскій походъ, совершенный полкомъ, по трудностямъ, перенесеннымъ войсками въ области вѣчныхъ снѣговъ, современники ставили выше альпійскаго похода Суворова“. Хевсуры были разбиты, аулъ Шатиль взятъ.

Прибытіе Ермолова.

Походъ въ Дагестанъ.

Въ 1816 году пріѣхалъ на Кавказъ Ермоловъ, одинъ изъ славнѣйшихъ русскихъ генераловъ. Онъ сразу отличилъ нашъ полкъ, полюбилъ его, какъ родной отецъ, и впослѣдствіи за подвиги его назвалъ: **„десятымъ римскимъ легіономъ“***)

И ширванцы любили его крѣпко, называя между собой не иначе какъ „нашъ дѣдушка Алексѣй Петровичъ“. Не было для нихъ ничего священнѣе его желанія, тѣмъ болѣе приказанія. Съ нимъ совершали они почти всѣ походы вплоть до 1826 года, переносясь съ одного края Кавказа на другой и всюду одерживая блестящія побѣды.

---

*) Въ древности въ Римскомъ государствѣ (нынѣ Италія) у полководца Юлія Цезаря былъ 10-й легіонъ (полкъ), прославившійся своей храбростью на весь міръ: онъ всегда одерживалъ побѣды и никогда не зналъ пораженія.

Но не однимъ штыкомъ и пулей давались намъ эти побѣды. Надо было закрѣплять уже завоеванныя позиціи, вырубать просѣки въ лѣсахъ, проводить дороги, строить крѣпости; много приходилось работать и топоромъ и лопатой.

Въ 1818 году 1-й и 2-й баталіоны нашего полка перешли изъ Грузіи въ Чечню, гдѣ находился Ермоловъ, и здѣсь принимали участіе въ постройкѣ крѣпостей Грозной и Внезапной. Въ тоже время приходилось постоянно отбиваться отъ чеченцевъ, которые, пользуясь густыми лѣсами, безпрерывно тревожили насъ своими нападеніями.

А въ Дагестанѣ въ это время Аварскій ханъ задумалъ поднять горцевъ и напасть на шамхала (князя) Тарковскаго за его преданность Россіи.

Надо было спѣшить къ нему на помощь, и Ермоловъ, несмотря на малочисленность отряда и глубокую ненастную осень, рѣшилъ предпринять походъ въ Дагестанъ.

25-го Октября съ отрядомъ, въ которомъ изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, два были нашего полка, онъ выступилъ изъ крѣпости Грозной. По дорогѣ около большого торговаго аула Андреева, заложилъ крѣпость Внезапную, и 3-го Ноября подошелъ къ Таркамъ. Успокоивъ преданное намъ населеніе, 11-го Ноября Ермоловъ двинулся на Параулъ, лежавшій за горнымъ переваломъ. Здѣсь сидѣлъ враждебный намъ Аварскій ханъ.

Благодаря сильному ненастью и короткому дню, мы къ вечеру подошли только къ подошвѣ высокаго крутого хребта Аскарай. Здѣсь то ожидалъ насъ противникъ: всѣ возвышенности кругомъ были усѣяны лезгинами, въ количествѣ 15 тысячъ.

Едва войска наши подошли къ подошвѣ хребта, какъ горцы открыли огонь, а съ горы Талгинской посыпались на Ермолова дерзкія ругательства. Солдаты, раздраженные, рвались въ бой, но Ермоловъ остановилъ отрядъ и приказалъ варить пищу.

Горцы, видя, что мы расположились на ночлегъ и полагая, что Ермоловъ не рѣшается атаковать ихъ сильную позицію, еще смѣлѣе стали посылать въ нашъ лагерь и пули и брань.

Всѣ были недовольны на Ермолова за бездѣйствіе. Но Ермоловъ не бездѣйствовалъ. И когда, съ наступленіемъ холодной, ненастной ночи, въ лагерѣ всѣ успокоились, не спалъ только самъ Ермоловъ.

Онъ предвидѣлъ, что при открытомъ штурмѣ этой, дѣйствительно очень сильнойпозиціи, отрядъ его понесетъ большія потери, такъ какъ и безъ того крутые подъемы на гору были всѣ перекопаны и заняты сильнѣйшимъ противникомъ.

Объ отступленіи не могло быть и рѣчи:, наши войска впервые появились въ Дагестанѣ; всѣ со

вниманіемъ слѣдили за событіями, и малѣйшая неудача съ нашей стороны могла надолго поколебать вѣру въ силу русскаго оружія. Оставалось одно средство—обходъ. Вѣрный проводникъ сказалъ Ермолову, что онъ знаетъ одну тропу, такую трудную, что ее забросили даже сами туземцы и что „если русскіе солдаты могутъ пройти по такой дорогѣ“ то онъ берется вывести ихъ въ самый тылъ непріятеля.

И русскіе солдаты прошли; это были кабардинцы.

Ермоловъ потребовалъ къ себѣ маіора Швецова, приказалъ ему взять второй баталіонъ нашего полка съ двумя орудіями, обходными тропами, безъ выстрѣла, взобраться на гору, покрытую дремучимъ лѣсомъ и на разсвѣтѣ ударить на непріятеля. „Да помни,—сказалъ Ермоловъ Швецову—оттуда тебѣ нѣтъ дороги назадъ, и я долженъ найти тебя на горѣ живымъ или мертвымъ“.

Кабардинцы въ точности выполнили приказъ Алексѣя Петровича. Преодолѣвъ всѣ препятствія, они подъ покровомъ бурной ночи пробрались въ тылъ противнику. На разсвѣтѣ грянула пушка, и нашъ баталіонъ съ крикомъ „ура“! бросился на горцевъ въ штыки. Тѣ едва успѣли схватиться за оружіе, и, кто не палъ подъ ударами штыка,—въ паническомъ страхѣ бѣжалъ въ разсыпную: 15-ти тысячнаго скопища не стало.

Сводный баталіонъ изъ ротъ Троицкаго и 8 егерскаго полковъ бѣгомъ былъ двинутъ на поддержку Швецова; но помощь оказалась лишней: гора была занята однимъ нашимъ баталіономъ. Весь день войска поднимались на гору и только къ вечеру заняли позицію.

Такъ умѣлъ Ермоловъ согласовать отвагу съ разумною осторожностью. То, что вчера стоило бы намъ сотни жизней, сегодня мы получили, не потерявъ ни одного человѣка.

Вотъ за это то славное дѣло Ермоловъ и називалъ нашъ полкъ «Десятымъ легіономъ», и съ этихъ поръ во всѣхъ реляціяхъ имя Кабардинскаго полка упоминается съ прибавленіемъ слова „храбрый".

Въ своемъ донесеніи государю Ермоловъ пишетъ: „баталіонъ не могъ ни храбрѣе, ни удачнѣе исполнить порученіе".

Селенія Параулъ, Большой и Малый Дженгутаій были взяты; жители бѣжали. Ермоловъ объявилъ имъ прощеніе отъ имени государя и разрѣшилъ возвратиться въ аулы.

Десятый легіонъ.

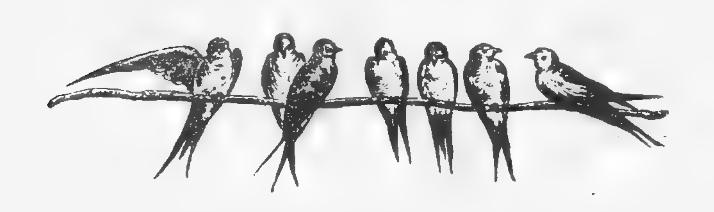
Въ туманѣ древности глубокой,
Сіяньемъ славы озаренъ,
Гремѣлъ извѣстностью широкой
Десятый Римскій Легіонъ.
Не зналъ онъ срама пораженій,
Не вѣдалъ натиску препонъ
Въ пылу безчисленныхъ сраженій
Десятый Римскій Легіонъ.
И всюду, гдѣ ни появлялись
Его побѣдные сыны,
Враги безропотно склонялись,
Иль были въ прахъ обращены.
И такъ до дней послѣднихъ Рима,
Разилъ враговъ отчизны онъ,
Храня прославленное имя,
Десятый Римскій Легіонъ.
Но Римъ погибъ подъ гнетомъ славы,
И вѣкъ его прошелъ, какъ сонъ . . . .
Погибъ и сынъ своей державы,
Десятый Римскій Легіонъ—
И прахъ остался лишь гробовой . . . .
Нѣтъ! то не смерть была, а сонъ,
И блещетъ вновь красой суровой,
Десятый Римскій Легіонъ!

Какъ въ фантастическомъ разсказѣ,
Фениксомъ возродился онъ
Въ полку Ширванскомъ на Кавказѣ,
Десятый Римскій Легіонъ.

И старый духъ орловъ побѣдныхъ
Вновь ожилъ въ юныхъ знаменахъ,
Какъ мощь напѣвовъ заповѣдныхъ
Во вновь натянутыхъ струнахъ.

Геройскихъ дѣлъ живая повѣсть
Гремитъ, какъ встарь, на цѣлый міръ,
И славятъ сказочную доблесть
И даль земли, и неба ширь!

На страхъ врагамъ отчизны милой,
Какъ неприступный бастіонъ,
Будь славенъ ввѣкъ могучей силой,
Десятый славный Легіонъ!

Эти стихи—привѣтствіе были поднесены полку въ день полкового праздника, 15-го Августа 1903 г. подполковникомъ Апшеронскаго полка Осиповымъ.

Битва при Болтугаѣ и переименованіе полка.

Аварскій ханъ не унимался. Въ концѣ Августа 1819 г., съ новымъ скопищемъ горцевъ, онъ появился въ 16-ти верстахъ отъ строившейся крѣпости Внезапной, пытаясь поднять сосѣднія племена. Ермоловъ съ отрядомъ, въ составѣ котораго было шесть ротъ Кабардинскаго полка, 29-го Августа двинулся изъ кр. Внезапной къ нему на встрѣчу. При аулѣ Болтугаѣ произошла битва, въ которой наши двѣ роты, въ самую опасную минуту, рѣшили участь боя въ нашу пользу: безъ выстрѣла бросились они въ штыки на горцевъ и нанесли имъ жестокое пораженіе. Горцы бѣжали.

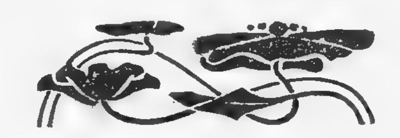
По дислокаціи 1819 года Кабардинскій полкъ долженъ былъ перейти изъ Закавказья на сѣверный Кавказъ, на мѣсто Ширванскаго (нынѣ Казанскаго) полка, который, въ свою очередь, долженъ былъ передвинуться въ Грузію.

Ермоловъ не хотѣлъ разставаться со своими вѣрными Кабардинцами, которые ему были необходимы для окончательнаго водворенія спокойствія въ Грузіи и Дагестанѣ; а потому онъ, вопреки точному смыслу дислокаціи, рѣшилъ, не перемѣщая полковъ, перемѣнить ихъ названіями.

Съ этой цѣлью 4-го Ноября 1819 г. послѣдо-

валъ приказъ о переименованіи нашего полка изъ Кабардинскаго въ Ширванскій.

Вслѣдствіе этого, бывшія у насъ въ полку Мальтійскія знамена за сраженіе при рѣкѣ Іорѣ были переданы въ нынѣшній 80-й пѣхотный Кабардинскій полкъ, а взамѣнъ ихъ мы получили, какъ сказано выше, отъ стараго Ширванскаго (нынѣ Казанскаго) полка Георгіевскія знамена за сраженіе при Краонѣ.

Глубокой осенью 1819 года полкъ нашъ, уже подъ именемъ Ширванскаго, принимаетъ участіе въ экспедиціи Ермолова противъ горнаго общества Акуша, которое упорно не хотѣло покоряться русскому оружію. Въ сраженіи подъ Левашами акушинцамъ было нанесено окончательное пораженіе, и старшины ихъ приведены къ присягѣ на вѣрность русскому царю.

Подвигъ унтеръ-офицера Махонина

Покончивъ съ Акушинцами, полкъ переходитъ изъ Дагестана опять въ Чечню и здѣсь принимаетъ участіе въ вырубкѣ лѣсовъ и проведеніи дорогъ, въ составѣ отряда генерала Грекова. Начались частыя нападенія чеченцевъ на наши отряды.

Такъ въ Апрѣлѣ 1821 года, они въ значительныхъ силахъ бросились на Амиръ-Аджи-юртовскій редутъ. Двадцать пять ширванцевъ, съ унтеръ-офицеромъ Махонинымъ во главѣ, составляли весь гарнизонъ укрѣпленія.

И вотъ горсть этихъ храбрецовъ въ теченіи пяти часовъ выдерживаютъ отчаянныя атаки шестисотъ чеченцевъ. Самъ Махонинъ былъ изрубленъ на валу укрѣпленія, съ нимъ погибло тринадцать ширванцевъ, но остальные двѣнадцать отстояли редутъ, отбивъ всѣ приступы и уложивъ на мѣстѣ до 50 чеченцевъ; подоспѣвшая къ вечеру помощь заставила остальныхъ отступить.

Золотыми буквами должно быть начертано на страницахъ исторіи полка и въ нашей памяти имя Махонина: вѣрный долгу службы до конца, онъ сумѣлъ въ надлежащую минуту воодушевить на подвигъ и своихъ подчиненныхъ.

Покореніе Кабарды и переходъ черезъ Баксанское ущелье.

Въ 1822 году полкъ нашъ участвуетъ въ покореніи Ермоловымъ Большой Кабарды. Тяжелъ былъ этотъ походъ. И не такъ ужъ трудно было сражаться съ горцами, побѣждать которыхъ намъ было не вновь; тяжело было бороться съ мѣстностью. Чего стоилъ одинъ переходъ черезъ Баксанское ущелье.

Владѣлецъ этого ущелья Дау-Султанъ на одной изъ скалъ его написалъ: „Проходитъ только другъ“.

На этотъ разъ прошелъ и недругъ . . . .

Вотъ что говоритъ генералъ Потто: „Чтобы охарактеризовать дѣятельность ширванцевъ, въ этомъ, одномъ изъ труднѣйшихъ Кавказскихъ походовъ, довольно упомянуть о переходѣ ихъ черезъ Баксанское ущелье. Отвѣсныя каменныя скалы обступаютъ кругомъ эту мѣстность; внизу реветъ Баксанъ, ворочая вѣковые дубы и огромные камни, а единственная тропа, не шире полуаршина, по которой лѣпятся Ширванцы, вдругъ обрывается

въ глубокую пропасть. Далѣе дороги нѣтъ—и баталіоны остановились. Тогда изъ рядовъ выходитъ старый ширванецъ и, обращаясь къ баталіонному командиру, говоритъ: „какъ же это такъ, ваше высокоблагородіе, воля ваша, а вернутся назадъ намъ не приходится; еще и примѣра такого не было, чтобы мы не дошли туда, куда послалъ Алексѣй Петровичъ“. И вотъ, по его слову, солдаты бросаютъ въ пропасть шинели и, перекрестясь, спрыгиваютъ съ двѣнадцати аршинной высоты. Баталіоны прошли и, гоня передъ собою бѣгущихъ враговъ, остановились только уже вблизи верховій Баксана, у самой подошвы снѣгового Эльбруса“.

1823 г. — 1826 г.

Послѣ покоренія Кабарды и вплоть до персидской войны ширванцы, какъ сказочные богатыри, переносятся съ одного края Кавказа на другой, появляясь то въ Чечнѣ, то въ Дагестанѣ, то на Кубани, то опять въ Кабардѣ. Всюду, гдѣ возникало серьезное дѣло, Ермоловъ призывалъ свой храбрый „Десятый Легіонъ“.

Въ 1824 году вновь вспыхнуло возстаніе въ Кабардѣ. Экстренно былъ вытребованъ туда съ Кубани 2-й баталіонъ ширванцевъ подъ командой подполковника Волжинскаго. Черезъ шесть дней

онъ былъ уже въ Нальчикѣ, пройдя за это время 300 верстъ, т. е. по 50 верстъ въ сутки. На что Ермоловъ привыкъ къ подвигамъ ширванцевъ, и тотъ изумился такой быстротѣ.

Съ именемъ подполковника Волжинскаго связаны лучшія страницы нашей полковой исторіи. Вотъ отзывъ о немъ одного изъ его современниковъ, отзывъ характерный, какъ для самого Волжинскаго, такъ и для полка: „безгранично храбрый, въ этомъ славномъ полку, гдѣ храбрость ужъ не считалась достоинствомъ личностей, но какъ бы принадлежностью мундира, Волжинскій сумѣлъ такъ служить, что неустрашимость его значительно выдѣлялась и въ этой средѣ".

Славный походъ 2-го баталіона отмѣченъ слѣдующей солдатской пѣсней:

Съ одного конца Кавказа
На конецъ другой
Перешагнемъ силой указа
Твердою ногой.

Ни труды намъ, ни заботы
Путь не преградятъ,
Барабаны наши пѣсни
Хоромъ загремятъ.

Полкъ нашъ славится на Кавказѣ,
Славно мы живемъ.
Мы турецкую пѣхоту
Словно зайцевъ бьемъ.

Офицеры удалые
Хваты—молодцы,
Не смотря, что молодые,
Въ дѣлѣ храбрецы.

Значительную часть 1825 и 1826 годовъ наши 1-й и 2-й баталіоны провели опять въ Чечнѣ, гдѣ подъ наблюденіемъ самого Ермолова продолжалась постройка новыхъ и укрѣпленіе старыхъ крѣпостей.

О работахъ, которыя выпали здѣсь на долю войскъ, самъ Ермоловъ такъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ по корпусу: „Труды ихъ были постоянны, ибо надлежало ежедневно или быть съ топоромъ на работѣ, или съ ружьемъ для охраны рабочихъ. Къ подобнымъ усиліямъ, безъ ропота, можетъ возбуждать одна привязанность къ своимъ начальникамъ, и сія справедливость принадлежитъ г.г. офицерамъ“.

Въ концѣ Ноября работы были окончены; отрядъ распущенъ по станицамъ, и чеченцы разошлись по домамъ.

Стояла суровая зима.

Въ Декабрѣ было получено извѣстіе, что чеченцы наняли за дорогую плату нѣсколько тысячъ лезгинъ и съ ними вмѣстѣ заняли ущелье Ханкала, черезъ которое шла дорога въ Чечню. Ермоловъ не спѣшилъ: онъ выждалъ пока чеченцы съ лезгинами перессорились, и послѣдніе ушли домой;

и тогда только предпринялъ походъ для наказанія возставшихъ. Походъ этотъ составляетъ одну изъ славныхъ страницъ въ исторіи Кавказской войны.

Отрядъ, въ которомъ были наши 1-й и 2-й баталіоны, съ командиромъ полка полковникомъ Ковалевымъ, 22-го Января 1826 года собрался у крѣпости Грозной и сталъ бивакомъ. Солдатамъ приходилось разгребать глубокій снѣгъ и ложиться рядами, прижимаясь другъ къ другу; между ротами образовались снѣговыя горы; часовые смѣнялись каждые полчаса.

Чеченцы собрались встрѣтить насъ въ аулѣ Большой Атаги, расположенномъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Аргуна.

26-го Января подошелъ туда и Ермоловъ съ отрядомъ.

Въ самомъ началѣ сраженія аулъ загорѣлся, а ворвавшіеся туда баталіонъ 43-го Егерскаго и 1-й баталіонъ нашего полка начали рѣзню. Огромный аулъ былъ полонъ чеченцевъ; завязался жестокій рукопашный бой.

Наши медленно подвигались впередъ.—Ермоловъ, чтобы скорѣе покончить съ ауломъ, послалъ нашъ 2-й баталіонъ по берегу Аргуна, на мостъ у мельницы, черезъ который гнали скотъ. Проходившимъ ротамъ Ермоловъ говорилъ: „дружно къ мосту, ребята, мы скоро покончимъ съ ними.“ Но ширванцамъ, говорилъ очевидецъ, не надо было

ободрительныхъ словъ,—они глядѣли на Ермолова и улыбались, какъ бы говоря: „не безпокойся, все разметемъ"!

Аулъ былъ взятъ; намъ досталось много баранты, нашлось и чѣмъ обогрѣться.

27-го числа раненые были отправлены въ Грозную, а 28-го Января чеченцы, воспользовавшись уменьшеніемъ нашихъ силъ, напали на нашъ лагерь, но были отбиты съ урономъ.

Верстахъ въ 3-хъ отъ Атаги былъ аулъ Чахкери, жители котораго, самые отъявленные разбойники, всѣ учавствовали въ нападеніи на лагерь. Ермоловъ рѣшилъ уничтожить этотъ аулъ.

Потто пишетъ: „Ермоловъ зналъ, что посылаетъ отрядъ на опасное дѣло, почему и послалъ своихъ ширванцевъ".

Въ ночь на 30-е число два баталіона нашего, одна рота 41-го Егерскаго полковъ, шесть орудій и 500 казаковъ, были отряжены подъ начальствомъ командира полка полковника Ковалева 2-го. Когда, на разсвѣтѣ, аулъ былъ истребленъ, а жители были обращены въ бѣгство, и отрядъ сталъ отступать по дорогѣ къ лагерю, то бой за обладаніе ауломъ, показался шуточнымъ въ сравненіи съ тѣмъ отчаяннымъ нападеніемъ, которому подверглись наши при отступленіи.

Кругомъ все было окутано туманомъ и дымомъ горѣвшихъ сакель; только что послѣдніе люди

вышли изъ аула, какъ весь отрядъ съ трехъ сторонъ былъ охваченъ тысячами чеченцевъ. Въ изступленіи, съ глазами, налитыми кровью, съ страшнымъ крикомъ, бросились они на нашихъ въ шашки и кинжалы. Ни пушечный, ни ружейный огонь не могъ ихъ остановить. Пришлось пойти въ штыки; завязалась отчаянная рукопашная схватка. Чеченцы отступали и вновь съ яростью бросались впередъ. На разстояніи 2-хъ верстъ было около 15 нападеній. Потери чеченцевъ были огромны; но и мы лишились около трехсотъ ранеными и до двадцати убитыми. —Сами чеченцы потомъ говорили, что незапомнятъ подобной схватки.

Дѣло это считается всѣми однимъ изъ замѣчательныхъ подвиговъ Ширванскаго полка.

Полное успокоеніе Чечни было достигнуто только въ концѣ Мая, и отрядъ былъ распущенъ по квартирамъ.

Время Ермолова приходило къ концу.

Вотъ что вспоминаетъ одинъ изъ участниковъ его славныхъ походовъ: „Да, было время! Бывало, только скажетъ: „ребята, впередъ за мной!“ – „Ура!“ загремитъ въ отвѣтъ, и пошли, нужды нѣтъ, куда, зачѣмъ и съ чѣмъ. „Батюшка Петровичъ и накормитъ, и напоитъ, и къ ночлегу приведетъ, и въ на-

пасть не дастъ". Нехристь, бывало, какъ заслышитъ, что „самъ" идетъ,—куда и удаль дѣвалась, такъ и ложится бывало; бери живьемъ, налагай присягу, бери аманатовъ, только душу пусти на покаяніе. Сама вражья сила говоритъ, бывало: „на небѣ Аллахъ,—здѣсь Ермолай".

Отзывчивый на все кавказскій солдатъ и пѣсню про него сложилъ удалую.

Не орелъ гуляетъ въ ясныхъ небесахъ,
Богатырь нашъ потѣшается въ лѣсахъ,
Онъ охотится съ дружиной молодцовъ,
Съ крѣпкимъ строемъ Закавказскихъ удальцовъ.

Что буранъ крутитъ песокъ въ степяхъ,
Онъ громитъ и топчетъ горцевъ въ прахъ.
Съ нимъ стрѣлою громовой мы упадемъ,
Все разрушимъ, сокрушимъ и въ прахъ сотремъ.

Съ нимъ препятствій не встрѣчаемъ мы ни въ чемъ,
Съ нимъ намъ жизнь—терпиха нипочемъ.
О! да здравствуетъ нашъ батюшка Сардарь!
Для побѣдъ его далъ Богъ и Государь!.

Ермоловъ похороненъ въ городѣ Орлѣ, въ кладбищенскомъ Троицкомъ храмѣ.

О своемъ дѣдушкѣ Алексѣѣ Петровичѣ благодарные ширванцы навсегда сохранятъ благоговѣйную память.

Персидская война.

Въ томъ же 1826 году возгорѣлась война между Россіей и Персіей. Шестидесятитысячная персидская армія, вторгнулась въ наши предѣлы и осадила крѣпость Шушу. И Ермоловъ спѣшилъ вызвать въ Тифлисъ тотъ же, хорошо знакомый ему, 2-й баталіонъ нашего полка.

«Расправьте крылья, кавказскіе орлы и спѣшите бить персіянъ», писалъ онъ баталіонному командиру подполковнику Волжинскому. Эти слова, прочитанныя солдатамъ, замѣнили имъ маршрутъ.—Объ этомъ замѣчательномъ переходѣ самъ Ермоловъ писалъ въ приказѣ по корпусу: «Всегда видѣлъ я съ особеннымъ уваженіемъ службу подполковника Волжинскаго и знаю, что для него не существуетъ никакихъ затрудненій и что тѣ же чувства его подчиненныхъ. Отъ подошвы Эльбруса прошелъ онъ съ чрезвычайной поспѣшностью, но

далѣе скорость его была неимовѣрная: выступивъ 8-го числа изъ Екатеринограда*), онъ 16-го Августа уже былъ у самого Тифлиса». — Такимъ образомъ нашъ 2-й баталіонъ въ эти 8 дней прошелъ опять болѣе 300 верстъ, совершивъ при этомъ трудный перевалъ черезъ Кавказскія горы, и не оставивъ ни одного отсталого.

Противъ 60-ти тысячной персидской арміи двинулись наши войска, въ количествѣ 8-ми тысячъ человѣкъ; въ числѣ ихъ два баталіона Ширванскаго полка; изъ нихъ 3-й баталіонъ особенно отличился въ битвахъ при Шамхорѣ и Елисаветполѣ. Генералъ Мадатовъ, командовавшій войсками въ битвѣ при Шамхорѣ, представляя Ермолову подробности этого дѣла, доносилъ: „такъ храбрые воины Императора нашего исполнили приказаніе Вашего Высокопревосходительства итти съ малыми силами и побѣдить непріятеля въ пять разъ числомъ превосходившаго".

Мы захватили два непріятельскихъ лагеря, до 2-хъ тысячъ ружей и нѣсколько орудій.

Персидскій главнокомандующій, принцъ Аббасъ-Мирза, узнавъ про движеніе нашего отряда, бросилъ осаду Шуши и устремился навстрѣчу русскимъ, думая разбить ихъ сейчасъ же, благодаря численному превосходству своей арміи. Встрѣча произошла 13-го Сентября подъ стѣнами города Ели-

*) Станица Екатериноградская, Терской области.

саветполя, гдѣ 7 тысячъ нашихъ сразили 40-ка тысячную персидскую армію.

3-й баталіонъ ширванцевъ, баталіонъ егерей и 12 орудій составили 1-ю линію, во второй линіи стали: баталіонъ грузинцевъ и другой баталіонъ егерей; въ резервѣ остались эриванцы и 2-й баталіонъ ширванцевъ; конница стала на флангахъ. Персы сами начали наступленіе, охватывая оба наши фланга, какъ бы желая захватить насъ въ кольцо. Завязалась съ обѣихъ сторонъ жаркая перестрѣлка; персы несли большія потери, но это ихъ не остановило, и они продолжали наступленіе. Генералъ князь Мадатовъ, командовавшій первой линіей, спокойно подпустилъ ихъ на 100 шаговъ и тогда только, выхвативъ шашку, скомандовалъ: „впередъ, ура!" Этого наши только и ждали: первая линія, поддержанная потомъ второй, съ грознымъ „ура!" стремительно бросилась на персіянъ. Ширванцы врѣзались въ самую середину ихъ, и пошелъ рукопашный бой. Командиръ 3-го баталіона подполковникъ Грековъ и всѣ офицеры, подавая собой примѣръ, дрались наравнѣ съ нижними чинами. Не выдержалъ противникъ и сталъ сдавать. Въ это время съ фланговъ появилась наша конница, и персы, охваченные съ двухъ сторонъ, обратились съ самое безпорядочное бѣгство, преслѣдуемые по пятамъ на разстояніи 15 верстъ. Генералъ Паскевичъ, начальствовавшій надъ всѣ-

ми нашими войсками въ сраженіи, приписывалъ благополучный исходъ его почти однимъ ширванцамъ, и особенно 3-му баталіону. Командиръ баталіона подполковникъ Грековъ палъ геройскою смертью, сраженный пулей въ животъ; его замѣстилъ маіоръ Юдинъ. Убиты также капитанъ Заадовъ и прапорщикъ Бенкевичъ. Дорого заплатили персіяне за смерть нашихъ офицеровъ: на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ поле было устлано ихъ трупами. Маіоръ Юдинъ писалъ командиру полка: „Сорокъ тысячъ персіянъ и 23 орудія не могли затмить славы, пріобрѣтенной нами въ теченіи многихъ лѣтъ. 13-го Сентября былъ тотъ достопамятный день, въ который храбрость нашего баталіона создали подвиги истинно геройскіе".

Въ добычу намъ досталось одно орудіе и четыре знамени, отбитыя штыками.

За этотъ славный бой Государь Императоръ Николай I пожаловалъ полку знаки на шапки съ надписью **„за отличіе"**, а маіора Юдина наградилъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

Во второй годъ персидской войны полкъ нашъ также принималъ участіе во многихъ битвахъ и особенно отличился въ дѣлахъ при Айганлы и подъ Эриванью. Въ апрѣлѣ 1827 года отрядъ, въ которомъ состояли наши 1-й и 3-й баталіоны, подъ начальствомъ генерала Бенкендорфа, заняли городъ Эчміадзинъ. Передъ этимъ, пришлось преодолѣть труднѣйшій перевалъ черезъ снѣжный хребетъ Безобдала. Съ первыхъ же шаговъ обозы и орудія стали, лошадей пришлось выпречь, а телѣги и пушки тащить на людяхъ.

А въ Эчміадзинѣ не оказалось никакого продовольствія; отрядъ былъ въ критическомъ положеніи. Двѣ роты ширванцевъ, подъ командой маіора Юдина были отправлены въ сел. Айганлы, чтобы добыть продовольствіе. Непріятель встрѣтилъ эти двѣ роты сильнымъ огнемъ. Рѣшительнымъ натискомъ роты сбили противника, выгнали штыками изъ селенія и заняли его; но не нашли въ немъ ни одного зерна. По присоединеніи остальныхъ двухъ ротъ, баталіонъ пошелъ по эриванской дорогѣ, и тутъ часть непріятельской конницы окружила его. Цѣлыхъ два часа отражалъ ба-

таліонъ стремительныя нападенія непріятеля и заставилъ его отступить.

Наконецъ 23-го апрѣля подвезли провіантъ, и отрядъ въ тотъ же вечеръ двинулся къ Эривани.

26-го числа нашъ 1-й баталіонъ былъ посланъ занять сѣверный форштадтъ крѣпости. Съ барабаннымъ боемъ и распущеннымъ знаменемъ прошли ширванцы, подъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ мимо всего восточнаго фаса крѣпости, вступили въ форштадтъ, заняли базаръ, мечеть и все предмѣстье. 27-го числа нашъ 2-й баталіонъ подполковника Волжинскаго сталъ противъ восточнаго фаса.

Крѣпость была обложена со всѣхъ сторонъ.

Началась блокада Эривани.

Въ іюнѣ нашъ отрядъ смѣнила 20-я дивизія, незадолго передъ тѣмъ пришедшая изъ Россіи, подъ начальствомъ генерала Красовскаго.

17-го августа Паскевичъ получилъ извѣстіе, что генералъ Красовскій, въ стычкѣ съ противникомъ потерпѣлъ неудачу.

Одинъ изъ современниковъ по этому поводу пишетъ: „Съ кавказскими войсками этого бы не случилось. Если бы у Красовскаго былъ одинъ капитанъ съ ротою Ширванскаго полка—дѣло было бы выиграно“.

Такъ прочно установилась за полкомъ слава непобѣдимости.

А вѣдь Паскевичъ въ началѣ насъ не жаловалъ. Его глазъ слишкомъ привыкъ къ хорошо одѣтымъ, вымуштрованнымъ россійскимъ войскамъ.—И вотъ, когда ширванцы, впервые, послѣ усиленнаго перехода, веселые, бодрые, увѣренные въ себѣ, проходили въ Тифлисѣ мимо дворца главнокомандующаго, Паскевичъ смотрѣлъ на нихъ съ балкона. Большинство были въ синихъ холщевыхъ шароварахъ, вмѣсто форменныхъ суконныхъ; многіе вмѣсто мундировъ—въ курткахъ разнаго покроя. На ногахъ лапти или кавказскіе чувяки; на головѣ черная мохнатая шапка.

Паскевичъ пришелъ въ негодованіе. Ширванцевъ это не смутило: они ждали другого смотра.

И дѣйствительно. Подъ Елисаветполемъ нерасположеніе Паскевича смѣнилось „удивленіемъ", а подъ Ахалцыхомъ, какъ увидимъ дальше,—„восхищеніемъ" доблестью ширванцевъ.

Подвигъ Куксенко.

Въ октябрѣ 1827 г., послѣ взятія Эривани, войска наши заняли столицу Персіи Тавризъ и простояли тамъ до конца марта 1828 г.

Во время стоянки здѣсь, мѣстные жители часто нападали на нашихъ солдатъ и иногда уводили ихъ въ плѣнъ.

Однажды нѣсколько ширванцевъ были задержаны персіянами въ одномъ изъ домовъ, въ самой отдаленной части города. Узнавъ объ этомъ, офицеръ съ патрулемъ немедленно отправился туда, и солдаты были освобождены. На шумъ сбѣжалась толпа персіянъ и напала на патруль. Въ это время двое рядовыхъ ширванцевъ,—одинъ по фамиліи Куксенко,—были отрѣзаны отъ своихъ и очутились среди толпы персіянъ. Товарищъ Куксенки, оступившись, упалъ въ яму и, хотя успѣлъ выскочить, но безъ ружья. Тогда оба они бросились въ первую попавшуюся хату и въ ней заперлись. Персіяне сломали дверь, но наши молодцы не потерялись: выстрѣливъ два раза изъ ружья, Куксенко громко скомандовалъ самому себѣ „на руку“ и съ крикомъ „ура!“ поднялъ на штыкъ ближайшаго персіянина; затѣмъ онъ устремился въ толпу и, прокладывая себѣ путь штыкомъ, отбился отъ персіянъ и провелъ сквозь остолбѣневшую толпу и своего безоружнаго товарища. За этотъ геройскій подвигъ Паскевичъ собственноручно надѣлъ на Куксенко Георгіевскій крестъ.

„Въ бою выручай товарища“.

Ширванецъ крѣпко это помнитъ.—

Какъ сказано выше, персидская армія, вторгнувшись въ началѣ войны въ наши предѣлы, осадила крѣпость Шушу. Гарнизонъ этой крѣпости

составлялъ 3-й баталіонъ 42-го Егерскаго полка подъ начальствомъ подполковника Реута. И вотъ этотъ крошечный гарнизонъ выдержалъ сорокасемидневную блокаду крѣпости, окруженный, въ 30 разъ превосходнѣйшимъ, противникомъ и не имѣвшей достаточно ни съѣстныхъ ни огнестрѣльныхъ припасовъ. Ничто не могло поколебать стойкости этой горсти храбрецовъ, и блокада была выдержана до конца. Персы уже подкопались подъ стѣны и башни крѣпости и готовились взорвать ихъ минами, когда пришло извѣстіе о движеніи русскихъ войскъ подъ начальствомъ Паскевича; и они отступили къ Елисаветполю, снявъ блокаду крѣпости Шуши.

Въ 1834 году, этотъ 3-й баталіонъ 42-го Егерскаго полка вошелъ цѣликомъ на укомплектованіе нашего полка. Егеря стали въ ряды доблестныхъ ширванцевъ, достойные этой чести: они принесли съ собой пожалованное имъ Государемъ Императоромъ Георгіевское знамя съ надписью: **„за оборону крѣпости Шуши противу Персидской арміи въ 1826 году“.**

Персидскую войну солдаты увѣковѣчили лихой, веселой пѣсней.

Не туманъ изъ за моря
Тучей поднялся,—

Не туманъ, не дождичекъ,
Нѣтъ, орелъ взвился...

Бѣлый, какъ лебедушка,
Зоркій, какъ соколъ,
Онъ полки Россійскіе
Въ Персію повелъ.

Первый подвернулся намъ
Самъ Аббасъ-Мирза,
Мы Мирзѣ съ мирзятами
Плюнули въ глаза.

И въ глаза имъ плюнувши
Громовымъ огнемъ,
Къ Эриванской крѣпости
Шли минуту съ днемъ.

А пришедши, начали,
Видя вражью мочь,
Шанцы, батареюшки
Строить день и ночь.

А построивъ, въ нехристя,
Прежде, чѣмъ палить,
Пушечки, мортирочки,
Стали наводить.

А потомъ, ребятушки,
Какъ пришла пора,
Крикнули по нашему —
Русское ура!

Крикнули, ударили,
Понеслись на брань,—
И въ секунду съ четвертью
Взяли Эривань.

Графъ же Иванъ Федоровичъ—
Наша голова—
Тотчасъ въ ней отпраздновалъ
Праздникъ Покрова.

И Мирзѣ Мирзовичу,
Снова давъ трезвонъ,
Царство бусурманское
Захватилъ въ полонъ.

Турецкая война 1828—1829 г.

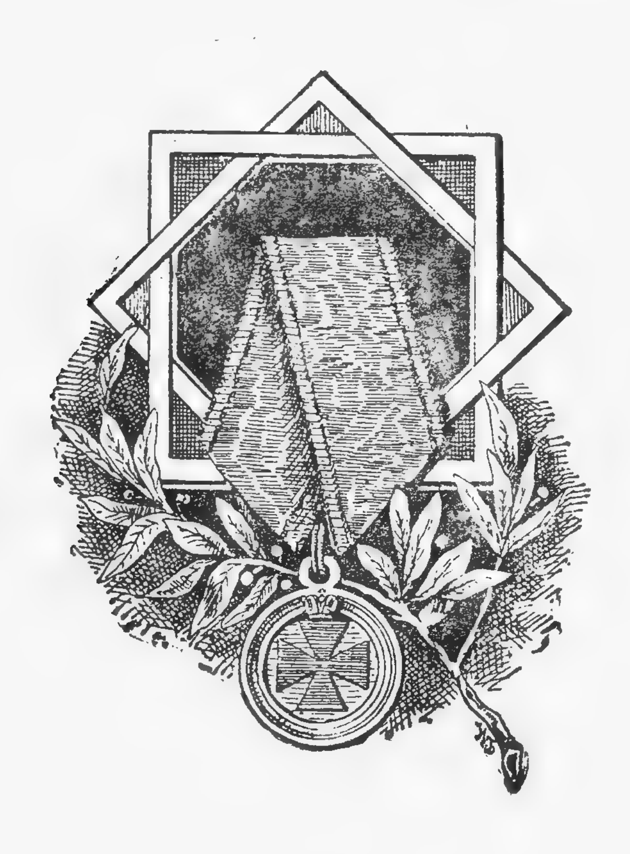
Едва окончилась Персидская война, какъ весной 1828 года вспыхнула война съ Турціей. Вотъ въ этой-то войнѣ особенно полкъ нашъ покрылъ себя славой, которая едва ли когда нибудь умретъ.

Ширванцы выступили въ походъ подъ командой полковника Бородина и, уже въ самомъ началѣ войны,—при штурмѣ крѣпостей Карса и Ахалкалакъ совершили чудеса храбрости. Императоръ Николай I пожаловалъ командиру полка орденъ св. Георгія 3-й степени. Въ то же время Государь писалъ генералу Дибичу: „Нашъ Паскевичъ опять одержалъ блестящіе успѣхи. Ахалкалаки взяты штурмомъ однимъ баталіонъ Ширванскаго полка. Я

даю Ширванскій полкъ Паскевичу—они достойны другъ друга“.—

Какъ увидимъ дальше, Паскевичъ вскорѣ былъ назначенъ шефомъ нашего полка.

Послѣ взятія Карса и Ахалкалакъ, войска наши подступили къ грозной турецкой крѣпости Ахалциху. Штурмъ Ахалциха, который турками всегда считался неприступнымъ, — это гордость всей нашей почти двухвѣковой Царской службы и потому разскажемъ о немъ подробнѣе.

Штурмъ Ахалциха.

Штурмъ Ахалциха былъ назначенъ на 15-е Августа—день Успенія Пресвятой Богородицы. Въ этотъ день ширванцы празднуютъ свой полковой праздникъ, а потому главнокомандующій, графъ Паскевичъ Эриванскій съ утра находился въ нашемъ лагерѣ. Передъ уходомъ графа офицеры и нижніе чины окружили его плотной стѣной, и командиръ полка, полковникъ Бородинъ, обратился къ нему съ просьбой: пустить ширванцевъ первыхъ на штурмъ. Паскевичъ видя, что это искреннее желаніе всѣхъ, обратился къ полку и, указывая на грозный Ахалцихъ, сказалъ: „Дарю, молодцы, вамъ эту крѣпость: идите и берите ее“. Громкое „ура“ покрыло слова графа, и ширванцы стали готовиться къ штурму, назначенному въ 5 часовъ пополудни.—На этотъ разъ день полкового праздника оказался и днемъ новой славы, новыхъ подвиговъ.

Желанный часъ приближался. Ширванцы стали въ ружье; было вызвано по сто человѣкъ застрѣльщиковъ и начальство надъ ними добровольно принялъ на себя маіоръ Рыдзевскій.

Въ четыре часа со всѣхъ батарей грянулъ залпъ и началась сильнѣйшая канонада.

Ровно въ пять часовъ Ширванскій полкъ съ ротой саперъ и двумя орудіями, имѣя во главѣ своего командира полковника Бородина на сѣромъ конѣ, съ распущенными знаменами и музыкой, двинулся на крѣпость.

Все стихло кругомъ. Взоры всѣхъ обратились на грозный Ахалцихъ.

Твердымъ шагомъ колонна подвигалась къ крѣпости. „Пѣсенники впередъ“ скомандовалъ командиръ полка, и подъ звуки развеселой пѣсни: „не буди меня младешеньку, ранымъ-рано по утру“,— ширванцы устремились на приступъ. Крѣпость дрогнула отъ гула: градъ пуль и картечи осыпалъ ширванцевъ, турки открыли адскій огонь. У насъ многіе свалились отъ перваго залпа. Тутъ пали: подпоручикъ Вачнадзе и двадцать застрѣльщиковъ.

На половинной дистанціи полковникъ Бородинъ крикнулъ „ура“ и, подхвативъ этотъ могучій возгласъ, колонна бросилась на турецкую батарею. Расшатанные палисады, какъ по мановенію, свалились. Ширванцы вбѣжали по разсыпавшейся крутости и, встрѣченные въ упоръ выстрѣлами,

саблями и ятаганами, прогнали штыками турокъ внизъ. Схватка на батареѣ длилась не болѣе десяти минутъ, и Георгіевское знамя Ширванскаго полка водружено было на парапетѣ батареи.

Громкое „ура" привѣтствовало первый успѣхъ штурма. Барабанщикъ Головченко, по собственному желанію, находился всегда въ застрѣльщикахъ и, когда ширванцы бросились въ проломъ, онъ первый вскочилъ въ разрушенный непріятельскій бастіонъ и, въ кругу изумленныхъ турокъ ударилъ тревогу. За Головченко ворвались штабсъ-капитанъ Рознатовскій и поручикъ Дикъ. Рознатовскій былъ раненъ въ обѣ ноги на вылетъ; раненаго поручика Дика, окруженнаго непріятелемъ, вынесъ на своихъ плечахъ изъ боя унтеръ-офицеръ Водницкій.

Начало было сдѣлано. Вслѣдъ за этимъ маіоръ Юдинъ съ первымъ баталіономъ и Авечкинъ со вторымъ—начали пробираться вправо и влѣво по оврагу; застрѣльщики остались въ серединѣ, противъ католической церкви, связывая такимъ образомъ оба баталіона. Саперы тотчасъ приступили къ рубкѣ палисада, а орудія, подъ прикрытіемъ поставленныхъ впереди туровъ, перенесли черезъ ровъ на рукахъ. Все это происходило съ неимовѣрной быстротой, и турки, совершенно не ожидавшіе приступа и изумленные вторженіемъ русскихъ въ городъ, сначала ошалѣли; но скоро оправились и, собравшись въ числѣ 4-хъ тысячъ,

съ яростью бросились на нашихъ застрѣльщиковъ. Только дружными усиліями удалось намъ оттѣснить ихъ. Битва была упорная. Турки, видя нашу малочисленность, дрались съ остервененіемъ, надѣясь поколебать стойкость нашихъ молодцовъ, но скоро принуждены были отступить передъ нашими штыками.

Полкъ уже лишился убитыми десяти штабъ и оберъ-офицеровъ, въ числѣ ихъ маіора Рыдзевскаго, начальника застрѣльщиковъ.

Владѣя позиціей впереди католической церкви, на пространствѣ не болѣе тридцати саженей, наши баталіоны были подвержены убійственному огню непріятеля, который, скрываясь въ церкви и домахъ, производилъ безпрерывную ружейную пальбу. Отвага турокъ доходила до того, что они, въ одиночку, бросались на нашихъ застрѣльщиковъ; въ толпѣ ихъ видны были переодѣтыя женщины съ вычерненными лицами.

Ежеминутныя атаки турокъ требовали большой стойкости, и храбрость ширванцевъ, начиная съ неустрашимаго Бородина, который лично распоряжался застрѣльщиками на пистолетный выстрѣлъ отъ непріятеля,—была безпримѣрна.

Чтобы дать понятіе о духѣ Ширванскаго полка, довольно привести отвѣтъ, сдѣланный однимъ изъ солдатъ графу Паскевичу. Замѣтивъ ширванца, бѣжавшаго мимо съ какимъ то приказаніемъ,

Паскевичъ подозвалъ его къ себѣ и спросилъ: „Откуда?“ „Изъ крѣпости, ваше сіятельство!“ бойко отвѣтилъ онъ. „Ну что, каково тамъ?“—„Жарко ваше сіятельство!“—„А что турки?“—„Трудно съ ними справиться—упрямятся, ваше сіятельство!“— „Знаю, они молодцы, не поддавайтесь ребята“.— „Молодцы то молодцы, ваше сіятельство, да изъ чего они бьются то? Вѣдь знаютъ, что мы назадъ не попятимъ“.

Вотъ эта то простая рѣшимость всякаго солдата лечь костьми на своемъ посту и составляла его несокрушимую силу.

Съ большимъ трудомъ удалось наконецъ перенести орудія черезъ брешь и тѣмъ подкрѣпить штурмъ, успѣхъ котораго до сего времени не былъ еще обезпеченъ. Первые выстрѣлы нашихъ орудій, раздавшіеся въ городѣ, оживили штурмующихъ. Полковникъ Бородинъ, надѣясь уже удержаться въ городѣ, послалъ офицера съ донесеніемъ объ этомъ къ Паскевичу, но черезъ нѣсколько минутъ палъ, смертельно пораженный пулею въ животъ; палъ, оплакиваемый всѣми, кто только зналъ этого выдающагося человѣка. Имя его, окруженное славой, не умретъ въ потомствѣ.

Командованіе полкомъ принялъ на себя подполковникъ Авечкинъ. Ширванцы, ожесточенные потерей любимаго командира, дрались, какъ львы, и выбили непріятеля изъ оврага; турки скрылись

въ жилищахъ, ширванцы съ остервѣненіемъ стали выламывать двери сакель. Въ это время подошло подкрѣпленіе. По приказанію Паскевича баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка примкнулъ къ нашему 2-му баталіону, который мужественно отражалъ атаки турокъ около церкви.

Прибытіе херсонцевъ дало возможность пойти въ рѣшительную атаку. Подполковникъ Юдинъ съ первымъ баталіономъ, выбивъ турокъ изъ ближайшихъ домовъ, устремился вверхъ по оврагу, а второй баталіонъ Авечкина, поддержанный херсонцами, двинулся на церковь, откуда непріятель, послѣ упорной защиты, принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Немедленно послѣ этого, на плоскую крышу католической церкви было поставлено орудіе, а на кровли домовъ подняты мортирки.—Подошедшій баталіонъ Эриванскаго полка подкрѣпилъ нашъ лѣвый флангъ и центръ, и бѣшенные натиски турокъ были сломлены. Послѣдніе защитники крѣпости скрылись въ цитадель.

Бой, хотя и не столь ожесточенный, длился всю ночь. Отъ брошенной гранаты вспыхнулъ пожаръ, который при все усиливающемся вѣтрѣ быстро распространился по всему городу, отнявъ у защитниковъ послѣднюю возможность держаться.

На другой день, въ 7 часовъ утра, крѣпость и цитадель пали, и Ахалцыхъ былъ занятъ нашими войсками.

16-го Августа Паскевичъ въѣхалъ въ покоренную крѣпость. Поровнявшись съ Ширванскимъ полкомъ, онъ благодарилъ его за доблестную службу и, между прочимъ, спросилъ: „А много ли васъ, ребята, осталось?“ —„Штурма на два хватитъ, ваше сіятельство!“ бойко отвѣтилъ одинъ изъ ширванцевъ. Онъ не ошибся въ расчетѣ. Штурмъ этотъ стоилъ намъ болѣе трети состава полка; знамена наши были пробиты картечью въ семи мѣстахъ.

Донося Государю о взятіи Ахалциха, Паскевичъ, между прочимъ, писалъ: „Войска Вашего Императорскаго Величества и въ особенности Ширванскій полкъ, первый черезъ проломъ вошедшій въ городъ безъ выстрѣла и потерявшій третью часть людей убитыми и ранеными, сражались истинно геройски и доказали, что для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго“.

Вѣстникомъ славной побѣды посланъ былъ къ Государю нашего полка маіоръ Юдинъ, котораго Государь произвелъ въ подполковники и пожаловалъ орденомъ св. Владимира 3-й степени.

Паскевичъ заканчивалъ свой рапортъ такъ: „Съ симъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ отправляю Ширванскаго пѣхотнаго полка маіора Юдина. Выборъ мой палъ на него сколько потому, что онъ служитъ въ полку, болѣе прочихъ споспѣшествовавшихъ успѣхамъ дня сего, столько и по той причинѣ, что онъ, по испытанной неустрашимости

и примѣрному мужеству, оказанному при взятіи Ахалциха, заслуживаетъ Всемилостивѣйшаго воззрѣнія Вашего Императорскаго Величества“.

Полку были пожалованы за этотъ безпримѣрный штурмъ **двѣ Георгіевскія серебрянныя трубы,** а полковникъ Авечкинъ и штабсъ-капитанъ Розпатовскій награждены орденомъ св. Георгія 4-й степени.

При въѣздѣ въ Ахалцихъ, на почтовой дорогѣ, стоитъ скромный памятникъ съ надписью: „Въ память воинамъ, павшимъ при осадѣ и взятіи войсками въ 1828 году Ахалцихской крѣпости“. – Скромныя, но многоговорящія слова тому, кто знаетъ, сколько невѣроятныхъ трудовъ и жертвъ стоило это кровавое дѣло.

На штурмъ Ахалциха сложена пѣсня рядовымъ Херсонскаго полка Любимовымъ. Херсонцы, какъ мы видѣли, шли на штурмъ рука объ руку съ ширванцами; вотъ почему пѣсня эта принята у насъ и передѣлана для нашего полка.

Ночь ужасна наступала,
Канонада замолчала;
Вдругъ послѣдовалъ приказъ
Всѣмъ войскамъ сниматься въ разъ.

Лагерь быстро мы снимали,
Къ Ахалциху наступали;
Это былъ годъ двадцать восьмой,
Августъ былъ пятнадцатый.

Генералы тутъ спѣшили,
Подчиненнымъ говорили:
Дѣти время турокъ бить,
Время въ городѣ намъ быть.
Пойдемъ драться съ врагомъ гордымъ,
Онъ довольно былъ упорнымъ;
Пора гордость наказать,
Пора городъ штурмомъ взять.
Не далеко войска стали;
Турки все еще молчали;
Ихъ паша не помышлялъ,
Чтобъ Паскевичъ городъ взялъ.
Какъ увидѣли злодѣи
Со высокой батареи,
Громко начали кричать—
Идетъ русскій городъ брать.
Дѣло было на Успенье,
День пришелся въ Воскресенье,
То былъ праздникъ храмовой
Нашъ Ширванскій полковой.
Тутъ Паскевичъ нашъ верхомъ
Поздоровался съ полкомъ;
И поздравивъ насъ ширванцевъ,
Ахалцихъ велѣлъ намъ взять.
Полковой нашъ командиръ
Былъ полковникъ Бородинъ.
Онъ на штурмъ ширванцевъ взялъ,
Тамъ и жизнь свою отдалъ.

Всѣ ширванцы сожалѣли,
И какъ звѣри полетѣли.
Новый командиръ лихой
Былъ Авечкинъ дорогой.
Ширванцы наши были въ славѣ:
Были первыми въ канавѣ;
Влѣзли прежде всѣхъ на валъ,
Какъ врагъ храбро ни стоялъ.
Предводители всѣ смѣло
Исполняли свое дѣло;
Турокъ крѣпко защищался,
Долго въ руки не давался.
Но кто можетъ устоять,
Когда русскій хочетъ взять;
Хоть огонь и былъ жестокъ.
Также ровъ тамъ былъ глубокъ.
Непріятель устрашился,
И отъ валу отступился,
И разсыпался по граду,
Чтобъ сыскать ину ограду.
Трепещите вы Аджарцы,
Не спасли васъ и завалы,
Не защита вамъ и валъ,
Когда русскій прибылъ къ вамъ.
За Ахалцихъ Царь намъ далъ
Двѣ серебрянны трубы,
И Паскевича назвалъ
Шефомъ нашего полка.

Праздникъ Ширванцевъ.

Главнокомандующій Кавказской арміей, Графъ Паскевичъ-Эриванскій, былъ назначенъ шефомъ нашего полка. Гордый своимъ новымъ назначеніемъ, Паскевичъ 10-го Сентября того же года устроилъ своимъ ширванцамъ праздникъ. Обращаясь къ пирующимъ солдатамъ, онъ сказалъ: „Благодарю васъ, друзья мои! Мнѣ пріятно раздѣлить съ Вами радость въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вы пріобрѣли своей храбростью. Я старый воинъ и смѣло могу сказать, что вы, ширванцы, показали рѣдкій примѣръ въ военномъ дѣлѣ: вы хладнокровно, сомкнутыми колоннами, съ пѣснями пошли на приступъ. Турки пустили въ васъ дождь пуль и картечи, знамена ваши пробиты, многіе свалились отъ перваго залпа, другіе замѣнили павшихъ товарищей, и вы, ружье на перевѣсъ,—ворвались въ городъ безъ выстрѣла! Я много служилъ на полѣ чести, но видалъ только два подобныхъ примѣра—оба въ войну 1812-го года".

Съ этихъ поръ, во всю долгую Кавказскую войну, ширванцевъ называютъ „Графцами".

Въ 1831 году Паскевичъ получилъ титулъ Княза Варшавскаго, и полкъ нашъ сталъ именоваться „пѣхотнымъ Ширванскимъ князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полкомъ", а въ перепискѣ его называли полкомъ „Его Свѣтлости".

Дней черезъ пять послѣ праздника Паскевичу случилось быть въ нашемъ лагерѣ, гдѣ у дома командира полка пѣли пѣсенники; и полковой запѣвало поднесъ своему Шефу новую штурмовую пѣсню, сочиненную однимъ солдатомъ—ширванцемъ.

Ой, между горъ,
Ахалцихъ стоитъ,
А вокругъ стѣна,
Ровъ широкъ лежитъ.
Тамъ турецкая рать
Стоитъ, сила грозная,
Несмѣтное числомъ,
Несмѣтное воинство.
Палятъ пушки
Палятъ пушки вражіи,
Блестятъ ножи,
Блестятъ ножи острые.
Свистятъ пули,
Свистятъ пули мѣткія.
Возмутилися,
Возмутилися турки всѣ,
Хотятъ отбить,
Хотятъ отбить русскихъ.
Да нашъ то Графъ
Поди золъ на нихъ,
Не любитъ онъ,
Не любитъ они ихъ баловать.
Какъ взговоритъ онъ

Своимъ громкимъ голосомъ:
Ой храбрый мой,
Мой Ширванскій, полкъ,
Поди возьми,
Поди возьми Ахалцыхъ.
Онъ тронулся
Вотъ пошелъ Ширванскій полкъ.
Онъ шагъ ступилъ,
Шагъ ступилъ — за ровъ махнулъ,
Другой ступилъ—
Свалилъ стѣну крѣпкую;
Рукой махнулъ,
Побилъ силу вражію;
Огнемъ дохнулъ,
И вспылалъ турецкій градъ.
Ой солнышко
За горы, горы спряталось,
И на стѣнѣ
Вѣетъ знамя русское.
А русскій Царь
Хвалитъ храбрыхъ воиновъ;
Ширванскій полкъ
Графу онъ пожаловалъ.
Дай Боже намъ
За Царя костьми лечь,
Служить весъ вѣкъ
Съ нашимъ шефомъ храбрымъ,
Носить его,

Носить имя славное
И покорить Царю
Всю землю турецкую.

Оборона Ахалциха и битва подъ Бейбуртомъ.

Турки, конечно, не могли такъ легко помириться съ потерей этой важной крѣпости и въ слѣдующемъ же 1829 году сдѣлали попытку вернуть ее.

Суровой зимой скопища ихъ, въ числѣ около 20-ти тысячъ, обложили Ахалцихъ, и Ширванскому полку, который съ двумя ротами херсонцевъ составлялъ гарнизонъ крѣпости, пришлось отстаивать то, что было добыто имъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ потоками крови.

Двѣнадцать дней длилась осада и ширванцы доказали, что они умѣютъ такъ же стойко оборонять крѣпости, какъ умѣютъ лихо ихъ брать. По примѣру нашему, турки заняли предмѣстье Ахалциха, и на слѣдующій день блокады всѣми силами пошли на приступъ. Все мусульманское населеніе приняло ихъ сторону, и они, среди глубокаго мрака, отважно начали взбираться на стѣны. Не тутъ то было. Правда, гарнизонъ, не ожидавшій съ этой стороны нападенія, сначала былъ въ опасности; но это длилось не болѣе получаса, и турки были отброшены. Послѣдующіе яростные приступы ихъ были столь же неудачны.

Тѣмъ не менѣе осажденнымъ приходилось много терпѣть отъ стужи и еще больше отъ ужасной чумной заразы, которая унесла не мало жертвъ изъ нашихъ рядовъ.

Но духъ гарнизона былъ бодръ.

И вотъ 4-го Марта Ширванскій полкъ, предводительствуемый самимъ начальникомъ гарнизона княземъ Бебутовымъ, вышелъ изъ крѣпости и бросился на толпы безпечныхъ турокъ. Не ожидавшіе такой дерзости отъ малочисленнаго гарнизона, они были застигнуты врасплохъ; и ширванскій штыкъ поработалъ вволю. Слухи о приближеніи къ намъ помощи, заставили турокъ совсѣмъ бросить осаду и бѣжать.

Участіе свое въ турецкой войнѣ нашъ полкъ заканчиваетъ битвами подъ Хартомъ и Бейбуртомъ. Укомплектованный новыми людьми, полкъ, въ началѣ Іюля, выступилъ изъ Ахалциха въ Эрзерумъ, а оттуда къ крѣпости Бейбурту. 27-го Іюля онъ принимаетъ участіе въ разбитіи скопища лазовъ при сел. Хартъ и занятіи этого селенія.

27-го Сентября, при штурмѣ Бейбурта, полку довелось быть въ резервѣ. По взятіи крѣпости, бой продолжался на улицахъ, но недолго: часть защитниковъ бросилась бѣжать, а другая засѣла въ домахъ. На нашу долю выпало—очистить городъ отъ непріятеля. Пришлось штурмовать каждую саклю.

Здѣсь, въ кровавомъ бою, графцы отняли у турокъ три знамени, а штурмъ домовъ напомнилъ жителямъ всѣ ужасы ахалцихскаго приступа. Наиболѣе неустрашимые изъ нихъ обратились въ бѣгство, охваченные паникой.

На другое утро пріѣхалъ къ Паскевичу курьеръ съ извѣстіемъ о мирѣ. Турецкая война окончилась.

За отличія, оказанныя нами въ сраженіяхъ противъ персіянъ и турокъ въ 1828—1829 г.г. полку пожалованъ **„Гренадерскій бой“.**

По окончаніи войны, полкъ возвратился въ Царскіе-Колодцы—свою штабъ-квартиру, которую первые два баталіона не видѣли около 12-ти лѣтъ, находясь въ постоянныхъ походахъ.

Защита Белоканскаго редута.

Четыре года послѣ турецкой войны проходятъ для графскаго полка вновь въ безпрерывной борьбѣ съ лезгинами и въ защитѣ Кахетіи отъ ихъ набѣговъ.

Какъ на выдающіеся дѣла этого времени нужно указать на защиту Белоканскаго редута и штурмъ Закаталъ.

Въ февралѣ 1830 года, войска, вернувшіеся изъ Турціи, въ томъ числѣ нашъ полкъ, сосредоточились въ долинѣ р. Алазани, въ Джарской области. Въ селеніи Анкратлѣ появился въ это время

фанатикъ Шихъ-Шабанъ, поднявшій возмущеніе среди Джарцевъ.

Отрядъ изъ двухъ ротъ графскаго полка и 1-й роты 41 Егерскаго, подъ начальствомъ нашего же полка маіора Бучкіева, занималъ около аула Белоконы небольшой редутъ, какъ передовой пунктъ у выхода изъ горъ.

Утромъ 27 Іюня часовые въ редутѣ замѣтили приближеніе густыхъ толпъ лезгинъ. Бучкіевъ приказалъ ротамъ, молча, безъ тревоги, стать въ ружье и спокойно выжидать приближеніе противника. Шесть тысячъ лезгинъ развернулись передъ Белоканскимъ редутомъ, впереди всѣхъ, съ зеленымъ значкомъ въ рукахъ, на бѣломъ конѣ, самъ весь въ бѣлой одеждѣ, ѣхалъ Шабанъ. Унылая пѣснь огласила окрестность, за ней послѣдовалъ отчаянный гикъ, и вся масса, съ Шабаномъ во главѣ, ринулась на укрѣпленіе. Тогда, по знаку Бучкіева, съ редута былъ открытъ бѣшенный огонь, укрѣпленіе потонуло въ клубахъ дыма. Тысячи лезгинъ, пораженные внезапностью, повернули назадъ; часть ихъ кинулась на валъ, но, встрѣченные штыками графцевъ и егерей,—они были отброшены въ ровъ. Отбитое съ урономъ, скопище остановилось въ виду укрѣпленія. Всю ночь слышался скрипъ аробъ, тянувшихся въ непріятельскій станъ: это жители свозили бревна, хворостъ, камни для осады редута. За полночь уже, лезгины вновь приблизились. Не-

однократные бѣшенные приступы ихъ были отбиты съ урономъ.

Съ первымъ лучемъ разсвѣта, какъ громовой ударъ грохнулъ и раскатился по горамъ далекій пушечный выстрѣлъ,—то изъ Закаталъ шелъ на помощь генералъ Сергѣевъ съ отрядомъ.

Графцы и егеря, цѣлый день не сходившіе съ вала и дравшіеся съ противникомъ въ десять разъ превосходящимъ, выказали рѣдкую стойкость и присутствіе духа. Бучкіевъ награжденъ былъ за это дѣло орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

На 13-е Ноября былъ назначенъ штурмъ Старыхъ Закаталъ—главнаго селенія Джарской области, гдѣ засѣла другая партія лезгинъ. Штурмующія войска были раздѣлены на три колоны. Изъ нихъ въ лѣвой, графа Симоновича, находился нашъ полкъ. Эта колонна первая, въ упоръ, наткнулась на противника, ворвалась въ селеніе и, по слѣдамъ бѣгущей толпы, захватила Закатальскую башню. Бросившіеся въ горы лезгины наткнулись на слѣдующую колонну и были разсѣяны въ разныя стороны.

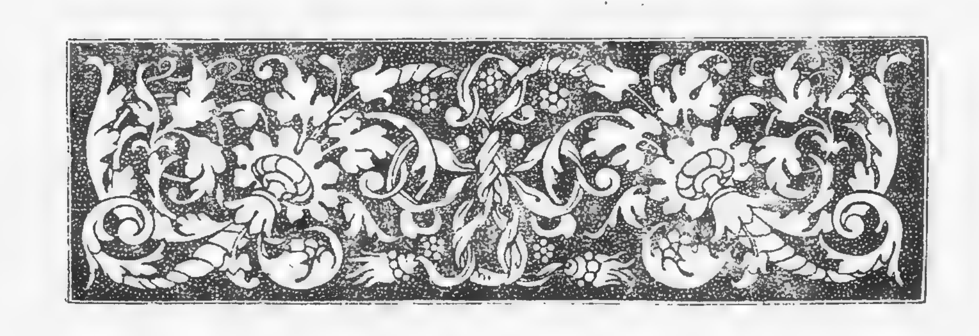
Съ паденіемъ Закаталъ, Джарская область была усмирена.

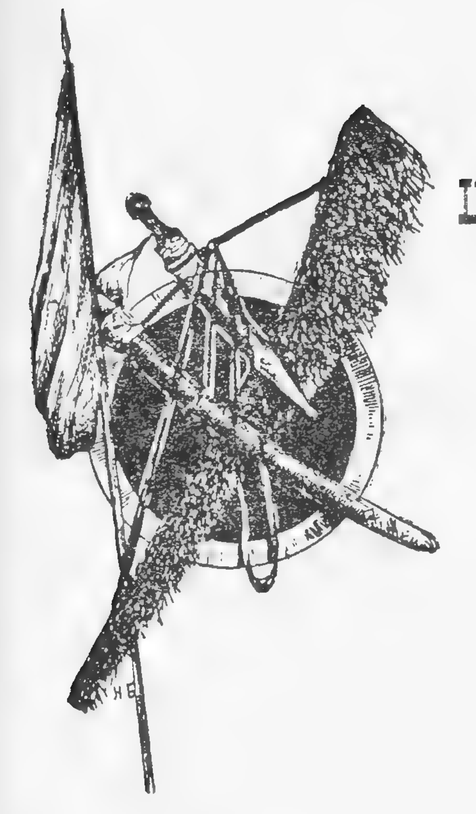
Только 1833 годъ ширванцы простояли спокойно въ штабъ-квартирѣ—Царскихъ Колодцахъ не учавствуя ни въ какихъ походахъ.

Въ 1834 году Ширванскій полкъ какъ и всѣ полки Кавказскаго корпуса, приведенъ въ 5-ти баталіонный составъ; для этого къ 3-мъ прежнимъ баталіонамъ прибавлено еще два; одинъ—Херсонскаго Гренадерскаго, а другой—42 Егерскаго полковъ. Съ этимъ послѣднимъ баталіономъ и перешло къ намъ георгіевское знамя **«За оборону крѣпости Шуши»**. (см. персидская война, стр. 40).

Въ новомъ составѣ полкъ перешелъ изъ Кахетіи сначала въ мѣстечко Джанъ-Этапъ, а потомъ въ городъ Кубу (южный Дагестанъ), гдѣ простоялъ 10 лѣтъ; а затѣмъ въ урочище Кусары. Въ Кубѣ ширванцамъ много пришлось терпѣть отъ болѣзней, такъ какъ, за неимѣніемъ казармъ, люди иногда ютились въ грязныхъ буйволятникахъ.

ШАМИЛЬ.

Штурмъ аула Тилитль 1837 г.

Наступаетъ трудная для насъ пора. Въ Дагестанѣ появляется знаменитый предводитель горцевъ Шамиль. Человѣкъ безусловно умный и даровитый, прекрасно знавшій Кавказъ и его населеніе онъ легко перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто, всюду возмущая противъ насъ горскія племена, и заставляя отложиться отъ Россіи тѣ, которые уже намъ покорились. Больше 20-ти лѣтъ вели мы войну съ Шамилемъ, и за все это время полкъ нашъ не зналъ отдыха, по нѣсколько лѣтъ подъ рядъ не видя своей штабъ-квартиры. Совершая труднѣйшіе походы, перенося всевозможныя лишенія и невзгоды, онъ въ то же время принимаетъ участіе въ самыхъ кровавыхъ битвахъ того времени. Ширванцевъ посылали всюду, гдѣ нужны были мужество, отвага и беззавѣтная преданность долгу. Много славныхъ дѣлъ должно быть занесено въ нашу исторію за это тревожное время;

всѣхъ ихъ не перечесть; остановимся на болѣе крупныхъ.

Въ 1835 и 1836 годахъ, полкъ Его Свѣтлости, въ отрядѣ генерала Клугенау, принимаетъ участіе въ битвахъ у ауловъ Гимры и Гоцатль и истребленіи ихъ, а въ 1837 году 2-й и 3-й баталіоны входятъ въ составъ Аварскаго отряда генерала Фези, сформированнаго для усмиренія горцевъ, поднятыхъ Шамилемъ. Изъ нихъ 3-й баталіонъ участвуетъ въ кровавыхъ бояхъ при сел. Ашильтѣ и Ахульго, а 2-й—подъ командой маіора Дягилева, въ блокадѣ аула Тилитль. Въ замкѣ этого аула заперся самъ Шамиль со своими «мюридами». Въ ночь съ 7-го на 8-е Іюня татары сдѣлали вылазку, обрушившуюся всецѣло на нашъ 2-й батальонъ. Рукопашный бой длился нѣсколько часовъ. Позиція осталась за нами. Графцы преслѣдовали горцевъ до самаго Тилитля и готовы были уже лѣзть на самыя стѣны Тилитлинскаго замка, но были остановлены сигналомъ «отбой». Командиръ баталіона былъ раненъ, а изъ строя выбыло 6 офицеровъ и 275 нижнихъ чиновъ изъ 500. 5-го Іюля, когда весь отрядъ Фези сосредоточился, назначенъ былъ штурмъ Тилитлинскаго замка. Шесть ротъ графцевъ, подъ командой подполковника Бучкіева, составляли правую штурмовую колонну. Едва стало свѣтать—грянула сигнальная пушка и

графцы, стоявшіе до тѣхъ поръ подъ ружьемъ, безъ выстрѣла, съ крикомъ «ура» двинулись на приступъ. Первою ворвалась въ селеніе 5-я рота подпоручика Авалова; начался жестокій бой за обладаніе каждой саклей, каждымъ дворомъ. Вновь повторились всѣ ужасы штурма Ахалциха.

Тутъ пали: капитанъ Чертковъ, прапорщики Борщевъ и Хрущевъ. Въ самый разгаръ битвы, на замкѣ взвился бѣлый флагъ; ударили отбой, и Шамиль, въ знакъ покорности, выдалъ въ аманаты (заложники) своего племянника.

За этотъ штурмъ подпоручикъ князь Аваловъ произведенъ въ поручики и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Съ окончаніемъ Аварской экспедиціи, въ Сентябрѣ того же года, полкъ, по случаю возмущенія жителей Кубинскаго уѣзда, прослѣдовалъ форсированнымъ маршемъ въ Кубу, которая находилась въ блокадѣ. По освобожденіи ея, полкъ расположился на зимнія квартиры.

Въ началѣ Іюня 1838 г. три нашихъ баталіона (1-й, 2-й и 3-й), въ составѣ отряда генерала Фези, двинулись на усмиреніе верхнихъ кубинскихъ магаловъ*). Здѣсь шесть ротъ принимаютъ

*) Магалъ—тоже, что у насъ волость.

участіе въ штурмѣ грозныхъ Аджіахурскихъ высотъ, опрокидываютъ горцевъ и прочно занимаютъ позицію. Непріятель всѣми силами старается взять обратно этотъ важный для себя пунктъ: пять дней онъ дѣлаетъ на насъ отчаянныя нападенія, но всѣ онѣ разбиваются о несокрушимую стойкость ширванскихъ баталіоновъ.

9-го Іюня полкъ вернулся въ Кубу, но не надолго. Уже 3 Іюля онъ вновь былъ вытребованъ черезъ Дербентъ, Шуру въ нагорный Дагестанъ. Поступивъ въ отрядъ генерала Фези, ширванцы принимаютъ участіе въ пораженіи 6 Августа скопищъ лезгинъ, предводительствуемыхъ самимъ Шамилемъ, при урочищѣ Бахули-Сивахъ; а 7-го числа истребляютъ селеніе Энжели съ окрестными хуторами.

На обратномъ пути, не доходя до Кубы, полкъ былъ двинутъ изъ аула Хазры вверхъ по рѣкѣ Самуру для усмиренія вновь возмутившихся кубинскихъ магаловъ. Но уже одно приближеніе полка Его Свѣтлости усмирило мятежъ; горцы хорошо знали, что значитъ „идутъ ширванцы", которыхъ они называли „шайтанъ—солдатъ".

Штурмъ Ахульго 1839 г.

Бывали, конечно, въ жизни полка и трудныя минуты, но Ширванцы изъ самыхъ тяжелыхъ положеній умѣли выходить съ честью и славой.

Кровавыми буквами долженъ быть записанъ въ исторіи нашего полка день 16 Іюля 1839 гога, когда ширванцы доказали, что на полѣ брани они умѣютъ только побѣждать или геройски умирать.

Въ Іюнѣ 1839 года отрядъ генерала Граббе осадилъ укрѣпленный аулъ Ахульго—неприступнѣйшее мѣсто Аваріи,—гдѣ заперся Шамиль со своими приверженцами.

Для усиленія осады были двинуты туда ускореннымъ маршемъ 1-й, 2-й и 4-й баталіоны его свѣтлости полка, во главѣ съ командиромъ - барономъ Врангелемъ.

16-го Іюля былъ назначенъ первый штурмъ новаго Ахульго. Войска раздѣлены на три штурмовыя колонны. Главную изъ нихъ составили наши три баталіона, которымъ предстояло штурмо-

вать Ахульго съ передней его части. Для спуска и перехода черезъ ровъ были захвачены лѣстницы.

Съ утра наша артиллерія открыла сильный огонь по передовымъ укрѣпленіямъ. Въ два часа пополудни колонны начали движеніе къ сборнымъ пунктамъ, откуда онп, по сигналу, одновременно должны были итти на штурмъ. Но только къ пяти часамъ они успѣли собраться, такъ какъ нашимъ батальономъ пришлось пройти большое пространство по ужасной мѣстности.

Подъ страшнымъ огнемъ противника графцы буквально скатываются по лѣстницамъ съ нижняго гребня и исполняютъ это такъ стремительно и смѣло, что въ нѣсколько минутъ они очутились на днѣ рва и взобрались на передовыя укрѣпленія.

Непріятель сбитъ штыками, первый батальонъ кидается на приступъ, два остальные спѣшатъ къ нему на помощь и въ нѣсколько минутъ занимаютъ ровъ и боковыя башни. Но здѣсь, столпившись на тѣсной площадкѣ, полкъ попадаетъ подъ перекрестный огонь. Напрасно ширванцы, увлекаемые примѣромъ своего отважнаго командира, пытаются проложить себѣ дорогу впередъ: предъ ними новой глубокій ровъ, за нимъ двухсаженный валъ, а пули градомъ сыпятся изъ бойницъ и заваловъ.

Это была адская бойня.

Командиръ полка полковникъ Врангель, ране-

ный въ грудь на вылетъ, выносится солдатами на рукахъ подъ убійственнымъ огнемъ. Убиты: подполковникъ Фуксъ, маіоръ Комаровскій, капитаны Милорадовичъ и Тухинъ и поручики Шадиновъ и Соколовъ, пали сотни нижнихъ чиновъ. Но всѣ усилія горцевъ, предводительствуемыхъ самимъ Шамилемъ, заставить наши баталіоны повернуть назадъ, остаются напрасны: ни тучи пуль, ни низвергаемые съ высоты камни, не поколебали полка. Не находишь словъ, чтобы наглядно показать ту степень самоотверженія и храбрости, какія наши славные предки проявили въ эту ужасную минуту. Солдаты, оставшись безъ офицеровъ, безотвѣтно, какъ часовой на посту, гибли на мѣстѣ, не будучи въ состояніи даже поражать невидимаго врага, но не отступали. Только ночью, подъ покровомъ глубокаго мрака, наши храбрецы отошли назадъ, унося раненыхъ.

36 офицеровъ и 800 нижнихъ чиновъ изъ 1500, бывшихъ на штурмѣ, выбыли у насъ въ этотъ день изъ строя.

Велика заслуга полка въ этомъ дѣлѣ: обагривъ своею кровью Ахульгинскія высоты, они проложили путь къ побѣдѣ другимъ войскамъ. и Ахульго черезъ мѣсяцъ былъ взятъ.

И эту заслугу оцѣнилъ Императоръ Николай I, всѣ участники штурма получили серебрянную медаль въ память взятія Ахульго для ношенія на

груди на георгіевской лентѣ; кромѣ того нижніе чины получили по рублю серебромъ.

Паденіе Ахульго, гдѣ Шамиль едва не былъ взятъ въ плѣнъ, произвело сильное впечатлѣніе въ горахъ: большая часть Дагестанскихъ обществъ изъявили намъ свою покорность. Шамиль, опасаясь уже оставаться среди лезгинъ, бѣжалъ въ Чечню. Онъ искусно воспользовался неудовольствіями чеченцевъ, раздулъ среди нихъ мятежъ и вскорѣ оказался во главѣ этого многочисленнаго, способнаго къ упорному сопротивленію, народа.

Въ 1840 году 1-й и 2-й баталіоны графцевъ вновь вытребованы въ Чечню, гдѣ они, въ составѣ отряда генерала Галафѣева, принимаютъ участіе въ битвахъ при Гехѣ и Валерикѣ противъ новыхъ приверженцевъ Шамиля. А самъ Шамиль въ это время вновь перебрался въ Дагестанъ и тамъ возмущалъ койсубулинцевъ. Въ Сентябрѣ того же года генералъ Клугенау съ отрядомъ, въ который вошелъ и нашъ 4-й баталіонъ, разбилъ скопища Шамиля въ Гимринскомъ ущельи, а затѣмъ взялъ и самое селеніе Гимры.

Въ этой битвѣ, впервые, въ рядахъ нашего полка сражался поручикъ Бибановъ, которому су-

ждено было впослѣдствіи занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи полка.

Въ 1841 году 1-й баталіонъ въ составѣ соединеннаго Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ, принимаетъ участіе въ штурмѣ Хубарскихъ высотъ. Многочисленныя толпы горцевъ съ Шамилемъ во главѣ заняли здѣсь очень сильную позицію, укрѣпивъ ее завалами.

Остальное время года проходитъ въ мелкихъ стычкахъ съ партіями Шамиля, а частью въ постройкѣ укрѣпленій въ Дагестанѣ.

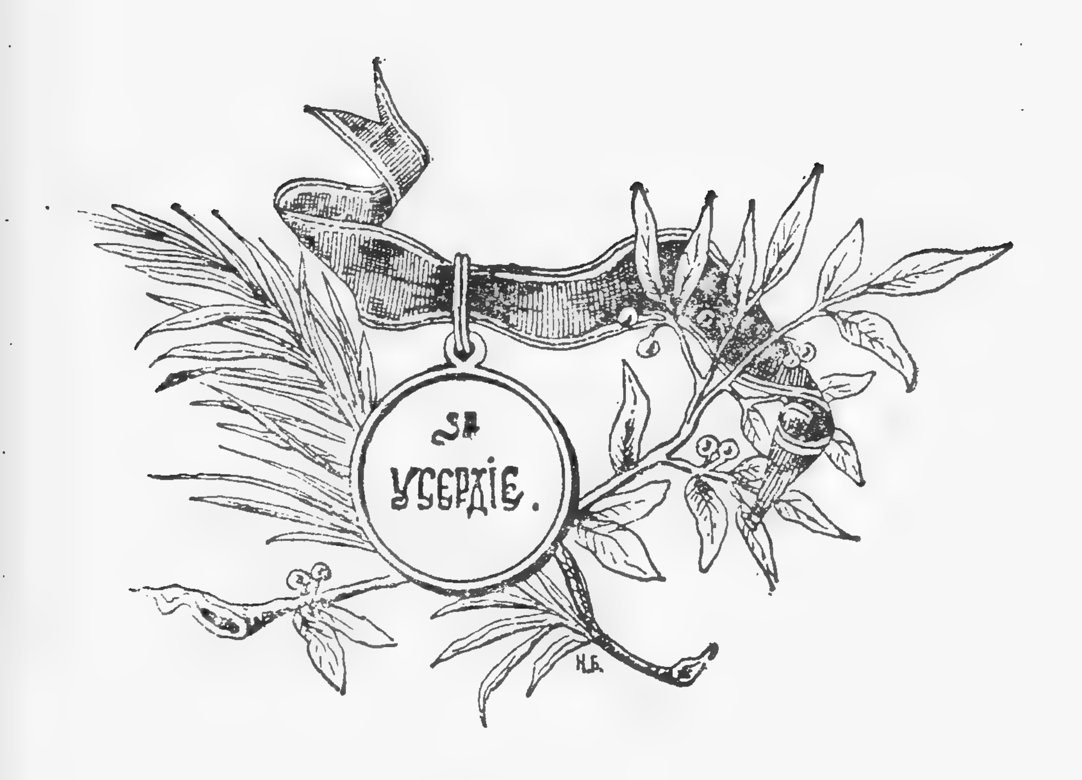
Защита селенія Рича.

Весною 1842 года Шамиль вторгнулся въ Казикумыхское ханство и возмутилъ его. Противъ него былъ сформированъ Самурскій отрядъ, подъ начальствомъ нашего командира полка, полковника Заливкина. Въ него вошли и три роты ширванцевъ; изъ нихъ 4-я мушкетерская стяжала себѣ громкую славу и благодарную память потомства.

27-го Апрѣля эта рота, подъ командой поручика Михайлова, съ ротой сапернаго баталіона и 30-ю донскими казаками, составляя авангардъ Самурскаго отряда, подъ общимъ начальствомъ капитана князя Орбеліани, двинулась къ селенію Рича; туда же направился и Шамиль съ 6-ю тысячами мюри-

довъ. Авангардъ занялъ одну изъ высотъ близъ селенія. 1-го Мая горцы, видя малочисленность русскихъ и увѣренные въ побѣдѣ, окружили со всѣхъ сторонъ занятую нами высоту и, послѣ сильной перестрѣлки, бросились съ обнаженными кинжалами и шашками на приступъ. Опасное положеніе, въ какомъ очутился нашъ слабый авангардъ, отрѣзанный на 25 верстъ труднопроходимой дорогой отъ главныхъ силъ, не устрашило горсти храбрецовъ, и ожесточеннѣйшія атаки мюридовъ одна за другой разбивались о неприступную стѣну нашихъ штыковъ. Такъ длилось съ разсвѣта до 4-хъ часовъ дня, когда графцы, сплотивъ свои, уже порѣдѣвшіе ряды, сами двинулись въ атаку и заставили 6-ти тысячное скопище попятиться назадъ . . . . Не долго продержались горцы и вскорѣ принуждены были покинуть поле сраженія усѣянное ихъ трупами. Пять мюридскихъ значковъ, отнятыхъ во время боя, остались въ рукахъ побѣдителей.

Такъ окончилось это славное дѣло: изъ 130 человѣкъ 4-й мушкетерской роты 50 остались на полѣ битвы. Начальникъ Самурскаго отряда въ приказѣ объ этомъ геройскомъ дѣлѣ писалъ: «Всѣ офицеры и нижніе чины, съ перваго до послѣдняго, оказали въ этомъ дѣлѣ примѣръ незапамятнаго и непостижимаго для горскихъ народовъ мужества и храбрости».

1843 г.

Памятенъ намъ этотъ годъ въ исторіи Кавказской войны своими неудачами. Много невзгодъ и лишеній выпало на долю и нашего полка; но всѣ онѣ въ концѣ концовъ послужили только къ упроченію его боевой славы.

На этотъ разъ Шамиль сосредоточилъ свою дѣятельность въ Аваріи. Намъ нужно было отвлечь оттуда непріятельскія силы, чтобы освободить Дагестанскій отрядъ генерала Клугенау, запертый въ крѣпости Хунзахъ. Съ этой цѣлью Самурскій отрядъ князя Аргутинскаго, въ составъ котораго вошли 1-й, 2-й и 4-й баталіоны и двѣ роты 3-го его свѣтлости полка, 1-го Сентября вы-

ступилъ изъ Кумуха черезъ Чохъ на селеніе Ругуджабъ, которое было взято съ боя.

Но это отвлекло изъ Аваріи только небольшую партію Кибитъ-Магомы. Вся остальная масса непріятеля не покидала своихъ позицій. Тогда Аргутинскій, форсированнымъ маршемъ, направился черезъ Куппу къ Гергебилю, а оттуда къ Чалдамъ. На Гоцатлинскихъ высотахъ, укрѣпленныхъ завалами, его встрѣтила большая непріятельская партія Хаджи-Мурата, котораго Шамиль выслалъ, чтобы преградить дальнѣйшій путь Самурскому отряду. Послѣ непродолжительнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня, молодецкій штыковой ударъ быстро довершилъ дѣло: горцы были разсѣяны и путь въ Хунзахъ открытъ.

Здѣсь 4-я гренадерская рота штабсъ-капитана Бибанова дѣйствовала съ такимъ мужествомъ, стойкостью и хладнокровіемъ, что Аргутинскій, любуясь ею, воскликнулъ: „честью завѣряю, если бы это отъ меня зависѣло, я далъ бы Бибанову два чина“. Эти слова оказались пророческими: не прошло шести недѣль, какъ Бибановъ получилъ эту высокую награду.

Въ концѣ года 1-й и 2-й баталіоны графцевъ вошли въ составъ Аварскаго отряда, стоявшаго въ укр. Хунзахъ, подъ начальствомъ командира Апшеронскаго полка подполковника Пассека. Поло-

женіе этого отряда, въ виду ожидавшагося поголовнаго возстанія горцевъ, сдѣлалось опаснымъ, и ему приказано было отступить въ Шуру.

17-го Ноября Аварскій отрядъ достигъ сел. Зыряны, но дальше двигаться не было возможности, такъ какъ всѣ ущелья были заняты скопищами горцевъ.

И вотъ въ теченіи мѣсяца отряду пришлось выдержать безпримѣрное въ лѣтописяхъ Кавказскихъ войнъ „зырянское сидѣніе“, пока 17-го Декабря онъ не былъ освобожденъ отрядомъ генерала Гурко.

Безъ запасовъ провіанта, фуража, дровъ, окруженные плотнымъ кольцомъ горцевъ, занявшихъ сосѣднія съ селеніемъ высоты, наши были отрѣзаны отъ всего міра.

Двѣнадцать нарочныхъ были отправлены въ Шуру съ донесеніемъ, и ни одинъ изъ нихъ не вернулся; никто не зналъ, въ нашей ли она еще власти.

Былъ съѣденъ весь рогатый скотъ—принялись за конину; вышла соль, замѣнили ее порохомъ; наконецъ остались одни сухари, да и тѣхъ по фунту въ день на человѣка.

Наступили морозы, а у людей не было полушубковъ; многіе не имѣли сапогъ и рубашекъ; стали обворачиваться въ рогожи или въ кожи убитыхъ животныхъ. Ютились въ землянкахъ, такъ

какъ всѣ лучшія зданія были отведены подъ больныхъ.—Чтобы добыть кормъ для оставшихся лошадей, приходилось разрывать снѣгъ руками и срывать остатки травы. И въ такомъ то положеніи приходилось еще днемъ отбиваться отъ постоянныхъ нападеній горцевъ Хаджи-Мурата, а по ночамъ работать по усиленію окоповъ.

Но никому и въ голову не приходила мысль о сдачѣ: духъ войска не угасалъ. Пассекъ зналъ это и былъ увѣренъ, что, когда будетъ съѣденъ послѣдній сухарь, онъ съ остатками своего отряда сумѣетъ или пробиться сквозь густыя толпы горцевъ, или съ честью пасть съ оружіемъ въ рукахъ.

Что пришлось пережить нашимъ героямъ въ этотъ долгій мѣсяцъ, вамъ разскажетъ и безъискусственная солдатская пѣснь, составленная на этотъ случай.

Нука, вспомните ребята,
Какъ стояли въ Зырянахъ,
Какъ не разъ Хаджи-Мурата
Мы пугали на горахъ.

Бусурманинъ врагъ лукавый,
Вздумалъ съ нами пошутить,
Окружили всѣ заставы,
Ну насъ голодомъ морить!

Мы рогатую скотину
Прежде съѣли, ай люли!
А потомъ и лошадину
Заварили, запекли.
Вмѣсто соли мы солили
Изъ патроновъ порошкомъ,
Сѣно въ трубочкахъ курили,
Распрощались съ табачкомъ.
Обносились, оборвались,
Съ плечъ свалилось все долой.
Тогда то мы хлопотъ набрались,
Чтобъ управиться съ зимой.
Мы рогожи подстилали
Вмѣсто бурокъ и плащей;
Ноги въ кожи зашивали
Послѣ съѣденныхъ коней.
Эхъ припомните ребята,
Какъ мы бились въ Зырянахъ.
И Шамиля супостата
Припугнули мы въ горахъ.

Помянемъ здѣсь добрымъ словомъ рядового нашего полка Тильченко.

Осенью 1843 года, когда Аварскій отрядъ Пассека, съ 1-мъ баталіонъ нашего полка находился еще въ Хунзахѣ, другой отрядъ, въ которомъ былъ и 2-ой баталіонъ ширванцевъ, подъ начальствомъ полковника Ясинскаго, находился въ укрѣпленіи

Балаканахъ. Въ ноябрѣ этотъ отрядъ былъ окруженъ многочисленными скопищами Шамиля и нужно было, во что бы то ни стало, доставить извѣстіе объ этомъ Пассеку въ Хунзахъ. Много явилось охотниковъ выполнить это трудное порученіе; жребій выпалъ на сапера Ефина и рядового нашего полка Тильченко.

Передъ отправленіемъ они обмылись и надѣли чистое бѣлье; такъ всегда дѣлали кавказскіе солдаты, готовясь къ жаркому бою, или идя на опасное дѣло: убитыхъ никогда не обмывали и хоронили по большей части въ томъ бѣльѣ, въ какомъ ихъ застала смерть. По понятію, распространенному тогда въ войскахъ, убитый самъ себя обмывалъ своею кровью.—Помолившись Богу, они одѣлись въ бурки и папахи, захватили ружья и отправились въ опасный путь, благословляемые товарищами.

Принимая отъ Ясинскаго пакетъ, они попросили сдѣлать его поменьше: „Не ровенъ часъ, какъ попадешься нехристямъ, то они и узнаютъ, что тамъ Вы изволили написать, а если сдѣлаете поменьше, то какъ нибудь можно и проглотить; а тамъ ищи въ солдатскомъ животѣ, запутаешься.“

Много разъ были они на волосъ отъ смерти, много разъ приходилось имъ быть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятельскаго часового. Въ темнотѣ они наткнулись на стадо барановъ, и это

ихъ чуть не погубило: подойди они близко, собаки сейчасъ выдали бы ихъ. Но они во время замѣтили и обошли его.

Богъ хранилъ ихъ, и они, благополучно пройдя всѣ 40 верстъ до Балакановъ, доставили пакетъ Пассеку. Солдаты въ Хунзахѣ сначала относились къ нимъ очень недовѣрчиво, принимая ихъ за бѣглыхъ; настоящее назначеніе ихъ держалось въ секретѣ. Когда имъ сказали, что это бѣжавшіе изъ плѣна, это не улучшило ихъ отношенія. „Повѣсить бы ихъ, а не хлѣбомъ кормить,“—говорили они;—„плохой тотъ солдатъ, который попадаетъ въ плѣнъ; лучше умереть, чѣмъ отдаться живымъ въ руки; просто бѣжали, а теперь и разсказываютъ, что въ плѣну были.“

Пришелъ дежурный офицеръ и объявилъ, что подполковникъ Пассекъ по бумагамъ убѣдился въ ихъ невиновности и что, кромѣ того, они оказали какую то важную услугу.

Мигомъ все измѣнилось: солдаты бросились къ своимъ новымъ товарищамъ, и всѣ, наперерывъ, старались ихъ угостить, или оказать имъ какую либо услугу.—Такъ крѣпко сидѣло тогда въ каждомъ солдатѣ понятіе о воинской доблести.

Черезъ два дня они отправились съ пакетомъ обратно въ Балаканы.

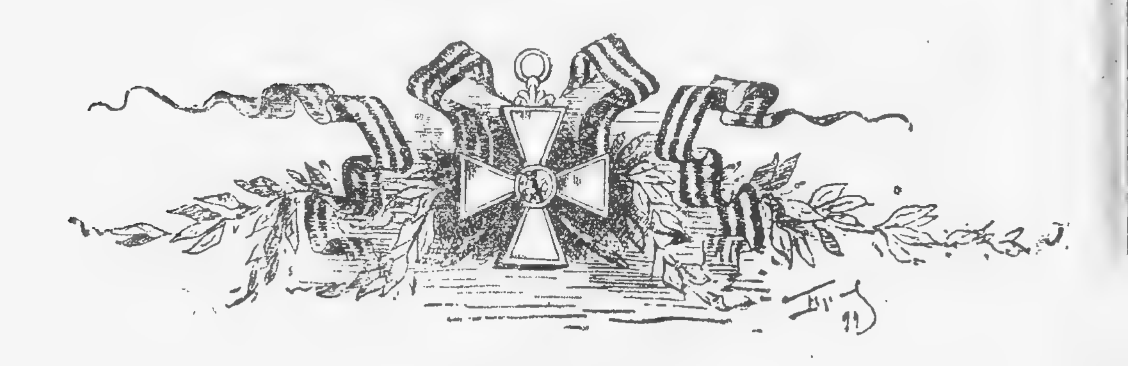
„Если я буду живъ, то узнаетъ объ васъ ба-

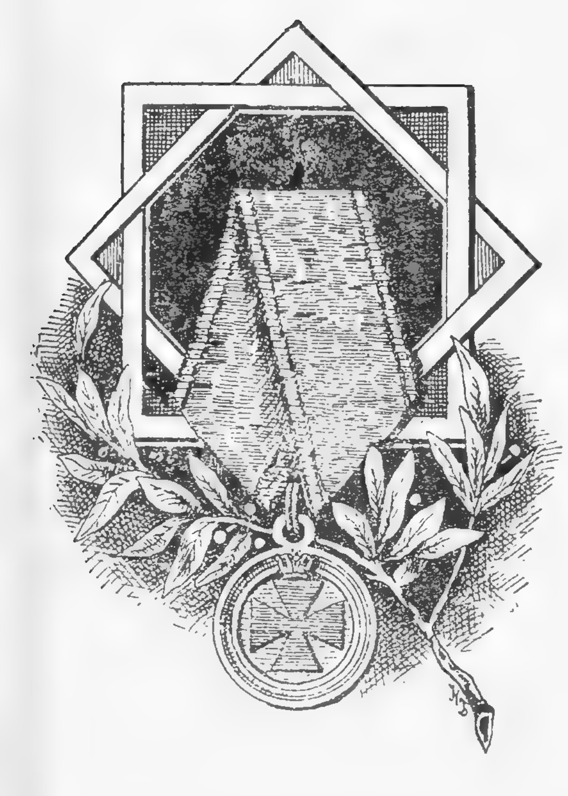
тюшка Царь"—такими словами проводилъ ихъ подполковникъ Пассекъ.

Столь же благополученъ былъ и обратный путь. Только въ 1½ верстахъ отъ укрѣпленія ихъ узнали горцы и стали преслѣдовать. Какъ на грѣхъ, Ефинъ споткнулся, упалъ подъ гору и сильно ударился грудью о камень; не потерявъ присутствія духа, онъ быстро поднялся при помощи Тильченки, и оба пустились бѣжать; вскорѣ они наткнулись на нашъ пикетъ.

Не описать той радости, какая была при встрѣчѣ товарищей. Полковникъ Ясинскій наградилъ обоихъ отъ себя деньгами и представилъ къ вполнѣ заслуженной наградѣ.

Заслуга ихъ была дѣйствительно велика.

Защита укрѣпленія Низового.

Это славное дѣло, доставившее Бибанову безсмертное имя въ лѣтописяхъ кавказской войны, стоитъ того, чтобы остановиться на немъ подробно.

Укрѣпленіе Низовое находилось въ сѣверномъ Дагестанѣ, въ 3½ верстахъ отъ Каспійскаго моря, на равнинѣ подъ горой, на которой раскинутъ былъ городъ Тарки, увѣнчанный упраздненной въ то время крѣпостью Бурной.—Звучное слово „укрѣпленіе" въ сущности, мало подходитъ къ Низовому.

Это былъ небольшой продолговатый четыреугольникъ, съ двумя воротами, обведенный неглубокимъ рвомъ и небольшимъ валомъ съ плетнемъ; около него, для помѣщенія гарнизона, былъ выстроенъ обширный форштадтъ (предмѣстье); онъ также былъ окопанъ рвомъ и обнесенъ валомъ. Самая цитадель имѣла внутри не болѣе 40 квадратныхъ саженъ и была вооружена двумя крѣпост-

ными орудіями.—Вотъ и всѣ оборонительныя средства Низового.—Окрестныя высоты командовали надъ укрѣпленіемъ, и ни въ форштадтѣ, ни въ самой цитадели не было мѣста, гдѣ бы можно было укрыться отъ ружейной пули. Фланговой обороны никакой. Для наблюденія за окрестностью были устроены вышки по угламъ. Въ описываемое время Низовое служило провіантскимъ складомъ для края.

9-го ноября прибылъ туда Бибановъ съ 4-й гренадерской ротой нашего полка; онъ долженъ быть доставить оттуда провіантъ въ Шуру. Выполнить ему этого не удалось, такъ какъ, по прибытіи въ Низовое, онъ узналъ, что Шамиль склонилъ на свою сторону вѣрныхъ намъ до тѣхъ поръ шамхальцевъ и акушинцевъ. Ожидалось поголовное возстаніе окрестныхъ горцевъ; Бибановъ рѣшилъ остаться въ укрѣпленіи и защищать его до послѣдней возможности. Кромѣ нашей роты въ Низовомъ была рота линейнаго баталіона и 100 человѣкъ разныхъ командъ; всего, съ жителями предмѣстья и семействами нижнихъ чиновъ, набралось 11 офицеровъ, 557 нижнихъ чиновъ, 42 молокановъ, 45 червodаровъ, 128 женщинъ и 76 дѣтей. Всѣхъ ихъ пришлось скучить на небольшомъ пространствѣ цитадели.

Съ утра 10-го числа принялись за исправленіе укрѣпленія и переноску въ него дровъ на слу-

чай осады; ровъ очистили, валъ обнесли колючкой; зданія форштадта были приготовлены къ пожару; весь скотъ и лошадей помѣстили на площади предмѣстья, подъ выстрѣлами съ укрѣпленія. 11-го числа, около 8 часовъ утра, показался противникъ; раздался нашъ первый пушечный выстрѣлъ, и съ тѣхъ поръ, до конца осады, перестрѣлка прекращалась только съ наступленіемъ ночи.

За часъ до сумерокъ къ воротамъ подъѣхалъ посланный отъ Магомеда, кадія акушинскаго и сообщилъ Бибанову, что кадій имѣетъ здѣсь 6 тысячъ мюридовъ, завтра привезутъ одно орудіе, а послѣзавтра придутъ еще 6 тысячъ мюридовъ и другое орудіе; защищаться безполезно; кадій, изъ человѣколюбія, предлагаетъ сдаться, въ случаѣ отказа послѣдуетъ жестокое наказаніе. Горцы безмолвно наблюдали, что будетъ. Въ отвѣтъ, Бибановъ приказалъ зажечь форштадтъ; караулы быстро стянулись, парламентеръ введенъ въ цитадель, и мостъ поднятъ. Подъ покровомъ сумерокъ и поднявшагося дыма, горцы хлынули на форштадтъ и бросились на лошадей и скотъ; пламя пожара ярко освѣтило картину грабежа; горцы близко подбѣгали къ укрѣпленію и платились жизнью подъ нашими выстрѣлами.

Только къ разсвѣту все утихло.

12-го утромъ противникъ занялъ ближайшія къ цитадели зданія форштадта, уцѣлѣвшія отъ по-

жара, пробилъ въ нихъ бойницы, частью засѣлъ на крышахъ и открылъ мѣткій огонь, причинявшій намъ большой вредъ, благодаря низкому валу. Другая часть принялась за устройство заваловъ изъ оставшихся дровъ и навезеннаго въ теченіи ночи лѣсу. Подъ прикрытіемъ этихъ заваловъ они постепенно приближались къ укрѣпленію, все время скрытые отъ нашего ружейнаго огня. У насъ ощущался недостатокъ въ готовыхъ патронахъ и артиллерійскихъ зарядахъ. Всѣ патронщики гренадерской роты, дѣти солдатъ и молоканы были посажены дѣлать холостые патроны; пули же были розданы на руки. Солдатскія жены шили изъ мѣшковъ и холста картузы для артиллерійскихъ зарядовъ. По всему валу ночью разставили кули съ мукой, оставивъ только промежутки для бойницъ; валъ отъ этого повысился на три фута.

Къ разсвѣту другого дня, шагахъ въ 300-хъ отъ укрѣпленія оказалась правильная земляная насыпь; оттуда вскорѣ прилетѣло къ намъ первое пушечное ядро, за нимъ другое, третье.... Къ вечеру разыгралась буря, срывавшая крыши со зданій. Горцы воспользовались этимъ и зажгли уцѣлѣвшую часть форштадта и колючку; вѣтеръ рвалъ огонь и бросалъ впередъ цѣлыя головни, которыя падали на бунты съ провіантомъ и пороховой погребъ; всю лѣвую половину цитадели заполнило дымомъ. Положеніе становилось опаснымъ: поту-

шить огонь осталось одно средство—вырубить впереди вала колючку. Подпоручикъ Канцовъ и нѣсколько ширванцевъ взялись это исполнить: они выпрыгнули въ ровъ съ шанцевымъ инструментомъ, и, въ минуту, колючка впереди вала была вырублена и выброшена за ровъ.—Подъ прикрытіемъ дыма и наступавшихъ сумерокъ горцы приблизились къ цитадели; и когда огонь, добѣжавъ до очищеннаго мѣста, погасъ, а дымъ пронесло вѣтромъ, многіе изъ нихъ оказались у самаго рва. Картечный и мѣткій ружейный огонь остановилъ ихъ. Въ этотъ день они понесли большую потерю.

Въ ночь на 14-ое къ непріятелю подвезли другое орудіе, которое поставили сначала въ церкви форштадта, а потомъ на курганѣ, шагахъ въ 70-ти отъ укрѣпленія. Но, послѣ нѣсколькихъ нашихъ удачныхъ выстрѣловъ, орудіе было подбито и больше не появлялось. Въ тотъ же день, пользуясь вѣтромъ съ моря, была сдѣлана попытка вновь зажечь цитадель при помощи стоговъ сѣна, бывшихъ за рвомъ форштадта. Вѣтеръ скоро утихъ и попытка не удалась.

У одного изъ нашихъ орудій треснула цапфа. Между тѣмъ фасамъ цитадели и особенно рву надо было дать хоть какую нибудь фланговую оборону; и вотъ темной ненастной ночью на 16-е Ноября, съ неимовѣрными трудами, удалось втащить и положить на подмостки три запасныхъ орудія,

лежавшихъ у порохового погреба. Въ ту же ночь у противника слышенъ былъ безпрерывный скрипъ аробъ, а на утро у нихъ оказались огромныя кучи заготовленныхъ фашинъ и шесть катковъ, которые медленно подвигались къ укрѣпленію; каждый изъ нихъ былъ въ ростъ человѣка, а въ длину могъ укрыть отъ 8 до 10 горцевъ, поставленныхъ рядомъ. Телѣги нашихъ транспортовъ, бывшихъ въ форштадтѣ, были сбиты съ колесъ и между ихъ ящиками засѣло множество мюридовъ. Наши скоро разогнали ихъ картечью; но катки подвигались впередъ. Первые выстрѣлы были неудачны, и только залпъ изъ трехъ орудій по ближайшему катку разорвалъ его, потомъ были уничтожены еще три; изъ за остальныхъ двухъ мюриды бѣжали. Въ этотъ день ихъ полегло не мало.

Передъ вечеромъ, разговаривая съ солдатами горцы совѣтовали имъ убить офицеровъ и сдаться, обѣщая пощаду; въ противномъ случаѣ грозили мучительной смертью по взятіи укрѣпленія. Солдаты отвѣчали ругательствами.

17-го числа, около 9 ч. утра, со стороны селенія Кумтуръ-кале, показался длинный строй непріятельской кавалеріи; не доѣзжая сажень 100 до форштадта, онъ далъ залпъ всѣмъ фронтомъ. Тутъ была тысяча отборнѣйшихъ мюридовъ, въ бѣлыхъ чалмахъ, которыхъ Шамиль прислалъ въ помощь шамхальцамъ, терявшимъ уже охоту взять Низо-

вое вслѣдствіе ежедневныхъ потерь.—Съ прибытіемъ этой помощи вновь закипѣла работа у непріятеля, не смотря на нашъ мѣткій губительный огонь. Женщины и дѣти въ укрѣпленіи, видя такое упорство съ стороны противника, стали приходить въ отчаяніе.

Подъ вечеръ того же дня фельдфебель роты Бибанова Андрей Грачевъ, просилъ позволенія сдѣлать ночью вылазку съ 50 охотниками съ тѣмъ, чтобы выгнать горцевъ изъ заваловъ и самые завалы зажечь. Согласиться на это, значило послать 50 человѣкъ на вѣрную гибель и лишить укрѣпленіе, въ самую рѣшительную минуту, его лучшихъ защитниковъ. Бибановъ отказалъ.

Всю ночь непріятель строилъ завалы. Бибановъ же, въ ожиданіи на другой день штурма, распорядился такъ: полтораста мѣшковъ пороха положены на валу съ тѣмъ, чтобы, когда горцы полезутъ на брустверъ, бросать мѣшки въ ровъ и взрывать ихъ; для этого въ укрѣпленіи было достаточно невооруженныхъ людей. Въ паркъ было послано приказаніе взорвать порохъ въ то время, когда будетъ видно, что цитадель уже въ рукахъ противника. Раненые положены на крышу порохового погреба; женщинамъ и дѣтямъ приказано придти туда же. Много усилій стоило Бибанову поддержать бодрость духа въ невооруженномъ насе-

леніи укрѣпленія; молокане насадили косы и топоры на древки и расположились между стрѣлками.

Въ ночь на 19-е ноября завалы были уже въ 35 шагахъ; противъ ближайшихъ изъ нихъ удалось построить батарею изъ кулей, пересыпанныхъ землей.

Наконецъ 19-го числа, на зарѣ, завалы были уже въ 20 шагахъ отъ рва. Перестрѣлка, по обыкновенію, началась съ разсвѣтомъ; но около 8 часовъ утра послышался дальній пушечный выстрѣлъ; то шелъ на выручку изъ Шуры генералъ Фрейтагъ съ отрядомъ.

Низовое было спасено.

И спасено благодаря самообладанію Бибанова въ этихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, его разумной распорядительности и умѣнію вселить въ своихъ подчиненныхъ вѣру въ себя и свои силы. Потеряй онъ на одну минуту присутствіе духа, и сотни людей съ женщинами и дѣтьми были бы обречены на гибель.

Государь достойно оцѣнилъ подвигъ славныхъ защитниковъ Низоваго. Бибановъ получилъ чины капитана и маіора и орденъ св. Георгія 4-й степени, нижніе чины получили по три рубля серебромъ каждый.

Три слѣдущіе года—1844-й, 1845-й и 1846-й проходятъ для графцевъ въ постоянныхъ походахъ и стычкахъ съ сподвижниками Шамиля.

2-й баталіонъ, подъ командой капитана Левина покрываетъ себя славой въ блестящемъ штурмѣ Тилитлинскихъ заваловъ, защищаемыхъ Хаджи-Муратомъ. Это было 24-го іюня 1845 года. Левинъ, впереди всѣхъ бросившійся на приступъ, былъ убитъ; но графцы по слѣдамъ его ворвались въ завалъ, штыками отстояли тѣло любимаго начальника и вынесли его изъ боя.

Въ томъ же 1845 году, полкъ переходитъ изъ города Кубы въ урочище Кусары, устраиваетъ тамъ свою штабъ-квартиру, въ которой остается до 1895 года.

Штурмъ Гергебиля.

1847 годъ украсилъ нашу исторію выдающимися эпизодами—это штурмъ Гергебиля и осада Салтовъ.

Гергебиль—одинъ изъ самыхъ большихъ и неприступныхъ ауловъ, гдѣ каждая сакля, каждый заборъ представляли маленькую крѣпость; въ немъ то засѣло огромное количество обрекшихъ себя на смерть, мюридовъ.

Во главѣ штурмующей колонны шли: баталіонъ ширванцевъ и баталіонъ Апшеронцевъ—малыя, но закаленныя въ бояхъ части. Ширванцевъ велъ Бибановъ, апшеронцевъ—Евдокимовъ. Это были два друга, оба украшенные георгіевскими крестами, оба беззавѣтной храбрости.

Въ эту торжественную минуту Бибановъ, думая только о славѣ, кричалъ Евдокимову: „хлѣбъ соль вмѣстѣ, а пушечки врозь“.

Главнокомандующій, князь Воронцовъ, восхищенный стремительностью, съ какой шли баталіоны, хлопалъ имъ въ ладоши. Черезъ продѣланную брешь графцы ворвались въ аулъ, а за ними и остальныя части колонны; но тутъ насъ встрѣтило такое подавляющее множество горцевъ, что проложить дорогу дальше не было въ человѣческихъ силахъ. Ширванцы оказывали чудеса мужества и неустрашимости, свыше которыхъ врядъ ли можетъ проявить человѣкъ.

Самъ Бибановъ былъ раненъ, но остался на конѣ, всѣ офицеры баталіона и третья часть нижнихъ чиновъ выбыли изъ строя убитыми и ранеными.

Сберегая остальныхъ храбрецовъ, князь Воронцовъ далъ сигналъ къ отступленію; какъ только оно началось, горцы въ остервененіи бросились на нашихъ съ обнаженными шашками.

Ширванцы отбивались, какъ львы, неся тяжкія потери: убитъ 1 офицеръ и 57 нижнихъ чиновъ; ранено 130 нижнихъ чиновъ.

Такъ окончился этотъ печальный и навсегда памятный для ширванцевъ день 4-го іюня 1847 года.

Это единственный случай во всей славной, долгой боевой жизни полка, когда ширванцы отступили, не доведя до конца порученнаго имъ дѣла; отступили передъ неодолимой перегradой, сдѣлавъ все доступное человѣческимъ силамъ, а главное— по приказанію главнокомандующаго: не будь сигнала, они легли бы на мѣстѣ, но не сдѣлали шагу назадъ, какъ это было при Ахульго.

Осада Салтовъ.

Осада Гергебиля была снята; войска перешли къ Салтамъ и осадили ихъ. Самымъ выдающимся для полка событіемъ этой осады, длившейся, благодаря хорошимъ укрѣпленіямъ аула, 52 дня, былъ бой за обладаніе салтинскими садами.

Чтобы пресѣчь салтинцамъ сообщеніе съ главными силами Шамиля, расположившагося за рѣкою Кара-койсу, князь Воронцовъ приказалъ 3-му баталіону ширванцевъ подполковника Бибанова съ баталіономъ самурцевъ занять салтинскіе сады. 22-го августа сады были заняты и, сколь возможно, укрѣплены. Сознавая важность для себя

этого пункта, горцы, въ ту же ночь, сдѣлали отчаянную вылазку противъ нашего редута и уже взбирались на батарею, но присутствіе духа подполковника Бибанова, во время воодушевившаго солдатъ, спасло дѣло, и горцы были отброшены, несмотря на превосходство въ силахъ.

Солдаты готовились къ ужину, какъ вдругъ послѣдовало еще болѣе стремительное нападеніе горцевъ: наши едва успѣли схватиться за ружья. Ротные командиры Сокольниковъ и Форбрихеръ были тутъ же изрублены.

Семь разъ въ теченіи ночи горцы возобновляли свои вылазки и каждый разъ были нами отбиты.

Но дорого намъ это стоило: мы лишились нашего незабвеннаго Бибанова. Когда горцы съ бѣшенствомъ бросились не наши орудія, Бибановъ лично защищалъ одно изъ нихъ; каждый ударъ его шашки наносилъ смерть врагу, но.... три вражескихъ пули сразили его, и онъ палъ мертвый на пушку.

Тѣло его похоронено въ укрѣпленіи Кумухѣ. Скромный памятникъ, украшенный однимъ только георгіевскимъ крестомъ, сторожитъ его послѣдній пріютъ. Память объ этомъ, необыкновенномъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкѣ, должна быть священна для каждаго, кто чтитъ доблесть русскаго воина. Вотъ, что говоритъ о немъ, хорошо знавшій

его, ахтинскій герой *) Новоселовъ: „Подобно древнимъ русскимъ богатырямъ, Бибановъ велъ жизнь суровую. Обыкновенное его ложе составляла звѣриная шкура, а изголовье—сѣдло; но очень часто онъ отдыхалъ на голой сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ, припоминая родную пословицу: „въ голову кулакъ, а подъ бокъ и такъ“. Табакъ составлялъ его единственное наслажденіе, и свою маленькую трубку онъ не выпускалъ изо рта. Набожный христіанинъ, вѣрный слуга Государя, горячо привязанный къ родинѣ, истинный отецъ—командиръ подчиненныхъ, безстрашный воинъ, чудный товарищъ, Бибановъ былъ твердъ и терпѣливъ въ нуждѣ, отваженъ и смѣлъ въ минуту опасности, кротокъ и смиренъ духомъ въ годину счастія, безукоризненъ во всѣхъ отношеніяхъ.“ Это былъ настоящій ширванецъ, имя котораго мы будемъ произносить всегда съ благоговѣніемъ.

Салты были взяты штурмомъ.

Пѣсня на штурмъ Салтовъ.

Въ горахъ крутыхъ, въ высотахъ,
Дѣло было во Салтахъ.
Тамъ войска были въ готовѣ
Чтобъ разбить Шамиля вновь!

---

*) См. защита Ахтовъ, стр. 93.

Остановка была съ часъ,
Прибылъ Воронцовъ тотчасъ;
Всѣ войска ура вскричали,
Князя милаго встрѣчали.

Ты гряди нашъ, князь желанный,
Намѣстникъ Бѣлаго Царя,
Орденами весь убранный,
Наша свѣтлая заря.

Улыбнулся добрый князь,
Отдалъ всѣмъ войскамъ приказъ,
Будьте дѣти веселѣе,
Вступимъ въ Салты посмѣлѣе.

Мы, работая траншеи,
Горцевъ чистили по шеѣ;
Темна ночька прилетѣла,
Въ аулъ бомба засвистѣла.

Бомба горцевъ напугала,
Стѣну крѣпости прорвала;
Разорвала и валила.—
Много горцевъ погубила....

Смирись ты, подлая орда,
Знать пришла тебѣ бѣда;
Долго будешь помнить ты,
Какъ забрали мы Салты.

Защита Ахтовъ и штурмъ Мискинджи.

Потерявъ Салты и Гергебиль, (не выдержавшій правильной осады и покинутый жителями), Шамиль всѣми силами обрушился на Самурскій округъ и осенью 1848 года, со скопищемъ въ 12 тысячъ горцевъ, осадилъ укрѣпленіе Ахты.

Нужно замѣтить, что лѣтомъ 1839 года весь нашъ полкъ принималъ участіе въ постройкѣ этого укрѣпленія, едва-ли подозрѣвая, какихъ трудовъ намъ будетъ стоить черезъ 10 лѣтъ отстоять его.

Укрѣпленіе это расположено на правомъ берегу р. Ахты-чая, при впаденіи его въ р. Самуръ, въ виду главнаго селенія горныхъ магаловъ—Ахтовъ. Оно имѣло видъ неправильнаго пятиугольника съ пятью бастіонами; каменныя стѣны имѣли 16 футовъ высоты и 3½ фута толщины; впереди былъ вырытъ ровъ съ валомъ. Въ укрѣпленіи бы-

ло три пороховыхъ погреба. Въ виду малочисленности его гарнизона, состоявшаго изъ 2-хъ слабыхъ ротъ линейнаго баталіона, на помощь ему была отправлена 5-я гренадерская рота нашего полка, въ составѣ 22-хъ унтеръ-офицеровъ и 200 рядовыхъ, подъ командой капитана Тизенгаузена, при офицерахъ: подпоручикѣ Архангельскомъ и прапорщикѣ Семеновѣ; съ ними пришелъ въ качествѣ охотника нашего же полка и капитанъ Новоселовъ.

Молодецкая рота, спѣша на помощь осажденнымъ, сдѣлала въ ночь съ 13-го на 14-е сентября подъ проливнымъ дождемъ 70 верстъ, безъ ночлега. По дорогѣ мирные горцы говорили солдатамъ: „Охъ урусъ! зачѣмъ гайда? Ружье большое іохъ, яманъ будетъ". (т. е. „къ чему итти? орудій нѣтъ, худо будетъ"). Солдаты на это отвѣчали: „Урусъ штыкъ якши, Шамиль гамусомъ пропалъ будетъ". 14-го числа, въ 10 часовъ утра, уже въ пяти верстахъ отъ Ахтовъ, мюриды преградили путь ротѣ, занявъ прилегавшіе къ дорогѣ сады. Послѣ жаркой перестрѣлки, потерявъ убитыми и ранеными одного унтеръ-офицера и 6 рядовыхъ, лихіе гренадеры пробились и съ пѣснями вошли въ крѣпость. Ворота были заперты и завалены изнутри. Это была послѣдняя помощь гарнизону. Всего собралось 500 штыковъ при 2-хъ штабъ и 16 оберъ-офицерахъ.

Въ самомъ началѣ осады, длившейся восемь дней, комендантъ Ахтовъ, полковникъ Ротъ, самъ

наводя мортиру, былъ тяжело раненъ въ шею, и капитанъ Новоселовъ, по единогласному избранію всѣхъ офицеровъ, заступилъ его мѣсто.

Съ 15-го сентября Шамиль повелъ правильную осаду Ахтовъ подвижными завалами.

16-го числа непріятельская граната пробила крышу нашего пороховаго погреба, гдѣ хранилось 400 пудовъ пороха: послѣдствія взрыва были ужасны: часть крѣпостной стѣны разрушена, 4-й баталіонъ, съ двумя орудіями, 44 рядовыхъ взлетѣли на воздухъ. Горцы, не ожидавшіе взрыва, первое время находились въ нерѣшимости, и гарнизонъ успѣлъ исправить кое-какъ крѣпостную ограду. Скоро, однако, они оправились и съ оглушительнымъ воплемъ „Алла“, бросились на штурмъ. Но не дрогнуло сердце храбрецовъ, и гренадеры отбили приступъ штыками. Едва разсѣялся дымъ отъ взрыва, какъ наши пѣсенники уже пѣли: „за Царя, за Русь Святую“.

Не прошло двухъ часовъ послѣ взрыва пороховаго погреба, какъ отъ другой непріятельской гранаты взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ. Эти два взрыва произвели ужасное опустошеніе. Внутренность укрѣпленія представляла собою страшное зрѣлище: трупы людей и лошадей валялись всюду, а убирать ихъ было некогда да и некому. Гарнизонъ не досчитывался въ этотъ день уже 150 нижнихъ чиновъ, но духъ его оставался бодръ.

Много личной храбрости было выказано гренадерами за время осады. Какъ преданные слуги своего царя, готовые каждую минуту сложить свои головы во славу русскаго оружія, они съ улыбкой смотрѣли въ глаза смерти. Особенно отличался унтеръ-офицеръ Руденко; его неустрашимость, веселость и всегдашняя готовность на новые подвиги ободряли роту; молодые солдаты спрашивали его, какъ владѣть оружіемъ. „Коли крѣпко,—да скорѣй выдергивай, а схватитъ за штыкъ—береги голову, вотъ и все"—отвѣчалъ Руденко. Рядового Щелкачева взрывомъ отбросило на шесть сажень. „Эхъ! проклятые, какъ толкаются!"—вскликнулъ онъ, вскочивъ на ноги. Горнистъ Борзовъ, которому взрывомъ сплюснуло рожокъ, бросилъ его, схватилъ ружье и дѣйствовалъ имъ во все время осады; товарищи, шутя съ нимъ, просили его сыграть отступленіе оборванцамъ.

Въ ночь съ 16-го на 17-е изъ укрѣпленія вышелъ штабсъ-капитанъ Бучкіевъ, управлявшій мирными аулами, съ тремя нукерами и однимъ казакомъ; онъ спѣшилъ пробраться, пока обложеніе Ахтовъ еще не было полное, съ цѣлью извѣстить князя Аргутинскаго о необходимости итти на помощь.

Между тѣмъ завалы приближались...

Горцы, увѣренные, что послѣ взрыва у насъ больше нѣтъ пороху, и мы разстрѣливаемъ послѣд-

ніе заряды, кричали: „Сдавайтесь, пороху іохъ".— „Будетъ чѣмъ перебить васъ, нехристей,"—отвѣчали солдаты. На случай взятія укрѣпленія было приготовлено 80 боченковъ пороха, чтобы взорвать его въ послѣднюю минуту. Обходя крѣпость, Новоселовъ спрашивалъ солдатъ: „Сумѣемъ ли мы, ребята, умереть, какъ умерли наши товарищи въ Михайловскомъ укрѣпленіи?" *)—„Да я первый взорву укрѣпленіе",—отвѣтилъ унтеръ-офицеръ Дмитрій Ивановъ: этотъ весельчакъ, какъ и Руденко, былъ душой всей роты; отъ его веселыхъ разсказовъ гренадеры заливались неудержимымъ смѣхомъ. Однако положеніе гарнизона, ежедневно уменьшавшагося въ числѣ, изнуреннаго неимовѣрными трудами въ продолженіи столькихъ дней, дѣлалось все затруднительнѣе.

18-го сентября, подъ утро, когда съ обѣихъ сторонъ перестрѣлка затихла, въ укрѣпленіи можно было ясно слышать подземный стукъ: это горцы, подъ прикрытіемъ заваловъ, вели подземную мину.

Въ этотъ же день у гарнизона на минуту мелькнула надежда на спасеніе: въ горахъ, по дорогѣ изъ Кураха, раздался звукъ нашего рожка и блеснули штыки,—то князь Аргутинскій съ Дагестанскимъ отрядомъ спѣшилъ на выручку Ахтовъ... Все повеселѣло. Капитанъ Тизенгаузенъ съ 40 гре-

*) Подвигъ Архипа Осипова.

надерами сдѣлалъ вылазку и разрушилъ часть непріятельскихъ заваловъ. Но въ это время Аргутинскій, не имѣя возможности перейти разлившуюся рѣку Самуръ, повернулъ назадъ, чтобы найти кружный путь, и скрылся изъ виду... Послѣдняя надежда на спасеніе исчезла. Можно себѣ представить душевное состояніе гарнизона и особенно находившихся въ укрѣпленіи женщинъ. Не мало трудовъ стоило Новоселову унять ихъ плачъ и возстановить прежнюю бодрость въ людяхъ.—Весь день 19-го прошелъ въ безпрерывной перестрѣлкѣ.

20-го сентября противникъ продолжалъ свои работы; въ толпахъ его, на форштадтѣ была замѣтна необыкновенная дѣятельность. Въ полдень прекратилась перестрѣлка и наступила глубокая тишина.

Ровно въ два часа раздался громкій взрывъ: часть 1-го бастіона взлетѣла на воздухъ отъ взорванной непріятелемъ мины, и горцы съ крикомъ „Лаплаиль - алла“, съ обнаженными кинжалами бросились на штурмъ. А на 4-й и 5-й батареяхъ мюриды полѣзли при помощи лѣстницъ. Завязался ожесточенный бой на штыкахъ и кинжалахъ; гдѣ для штыка не было мѣста, тамъ дѣйствовали прикладами. Наконецъ горцы пошатнулись и бросились назадъ.

Штурмъ былъ отбитъ. Капитанъ Новоселовъ раненъ въ лѣвую часть живота съ оставшеюся въ

ранѣ пулей и контуженъ камнемъ въ голову. Отъ взрыва заряднаго ящика на 4-мъ бастіонѣ раненъ и обожженъ капитанъ Тизенгаузенъ. Въ этотъ же день убитъ, уже знакомый намъ, молодецъ—унтеръ-офицеръ Дмитрій Ивановъ; такъ, съ улыбкой на устахъ, онъ и сложилъ свою славную голову впереди всѣхъ товарищей.

Много доблести выказали и на этотъ разъ гренадеры. Подъ градомъ пуль и камней они соорудили новую батарею изъ кулей, на мѣстѣ разрушеннаго 1-го бастіона. Рядового Новичкова лезгинъ схватилъ за штыкъ и шашкой разрубилъ ему ногу; рядовой Ямбуровъ всадилъ лезгину въ грудь штыкъ, съ восклицаніемъ: „ахъ ты донгусъ (свинья)—за казенное ружье хвататься!“.

Когда наступили сумерки, рядовой Печенкинъ снялъ лѣстницы, по которымъ взбирались мюриды; цирульникъ Орефьевъ и рядовой Гродько вытащили изъ рва упавшую туда во время взрыва мортиру.

Послѣ удачно отбитаго штурма всѣ были веселы.

Обходя крѣпость и благодаря солдатъ за храбрость, Новоселовъ встрѣчалъ вездѣ обрызганныя кровью, но довольныя, радостныя лица; люди шутили и смѣялись. „Они дурной день выбрали, вѣдь сегодня понедѣльникъ,“ говорили солдаты Новоселову.

Тѣмъ не менѣе положеніе крѣпости было отчаянное: подъ ружьемъ оставалось всего 250 человѣкъ. Недостатокъ горячей пищи, смрадъ отъ труповъ, томительная неизвѣстность будущаго—все это подтачивало послѣднія силы гарнизона. Зная настроеніе солдатъ, Новоселовъ не сомнѣвался, что въ послѣднюю минуту гарнизонъ сумѣетъ съ честью пасть на развалинахъ Ахтовъ; но нужно было, во что бы то ни стало, отстоять самую крѣпость, съ паденіемъ которой рѣшалась участь края. Шамиль только и ждалъ того впечатлѣнія, которое гибель Ахтовъ должна была произвести на умы горцевъ. И Новоселовъ рѣшилъ еще разъ дать знать о своемъ положеніи князю Аргутинскому. Выполнить это трудное и опасное порученіе взялись два извѣстныхъ храбреца нашей 5-й гренадерской роты: унтеръ-офицеръ Иванъ Меркуловъ и рядовой Андрей Тихановъ.

Обривъ головы, переодѣвшись лезгинами, они, въ сопровожденіи пятерыхъ преданныхъ намъ ахтинцевъ, темною ночью тихо вышли изъ укрѣпленія, напутствуемые благословеніями гарнизона. Имъ предстояло пробиться черезъ огромныя толпы горцевъ; и они съ честью выполнили порученіе.

Люди восьмые сутки не смыкали глазъ...

21-го утромъ пошелъ дождь; все, что можно было, поставили подъ жолоба, и всѣ съ жадностью прильнули къ водѣ; до этихъ поръ ее выдавали по

порціямъ, добывая изъ единственнаго въ укрѣпленіи колодца. За восемь дней впервые сварили кашу.

Непріятель въ этотъ день продолжалъ свои траншейныя работы; и особенно усердно противъ 5-го бастіона, гдѣ былъ зарытъ порохъ для взрыва укрѣпленія въ случаѣ крайности. Новоселова поразила мысль, что его посланные, можетъ быть, пойманы и въ мукахъ признались, гдѣ лежитъ порохъ. Немедленно онъ былъ перенесенъ на другое мѣсто.

Ахты доживали, казалось, послѣднія минуты; потерявъ надежду на спасеніе, всѣ готовились умереть геройскою смертью.

Но вотъ 22-го сентября вдали послышался пушечный выстрѣлъ: то Аргутинскій спѣшилъ на выручку. Прежде чѣмъ подойти къ Ахтамъ, ему пришлось сразиться съ самимъ Шамилемъ, занявшимъ со своими скопищами высоты у Мискинджи. Позиція казалась неприступной, и Аргутинскій, боясь пораженія, въ моментъ штурма, закрылъ глаза. Но съ нимъ были ширванцы, которые рвались въ Ахты выручать своихъ гренадеръ, и препятствій для нихъ не существовало. Три нашихъ баталіона подъ, предводительствомъ самого командира полка полковника Манюкина, по его командѣ: „Впередъ, за мной!“ безъ выстрѣла бросились въ штыки на завалы, гоня передъ собой обезумѣвшихъ отъ страха горцевъ; какъ всѣ кавказскія сраженія,

и это окончилось очень быстро и, когда Аргутинскій открылъ глаза, непріятель былъ въ полномъ бѣгствѣ; на ихъ плечахъ баталіоны вошли въ Ахты, заставивъ осаждавшихъ горцевъ поспѣшить бросить свои работы.

Потерю полка въ отрядѣ Аргутинскаго составляли: 6 офицеровъ ранено; среди нихъ погибъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ полка—всѣми любимый и уважаемый командиръ 2-й роты поручикъ Бухальцевъ. При штурмѣ заваловъ ему камнемъ раздробило ногу отъ колѣна до ступни. Лихіе гренадеры вынесли его изъ огня и, за неимѣніемъ носилокъ, на ружьяхъ донесли до Ахтовъ. Вскорѣ онъ умеръ отъ антонова огня, не смотря на всѣ старанія окружавшихъ спасти ему жизнь.—Нижнихъ чиновъ: 116 ранено, 10 убито, 6 сорвались въ кручу въ р. Самуръ. Противникъ оставилъ на мѣстѣ сраженія 300 труповъ, 70 плѣнныхъ и три значка.

Въ укрѣпленіи въ этотъ день съ утра происходила небольшая перестрѣлка. Непріятель былъ занятъ работами въ аулѣ. Вскорѣ множество горцевъ, конныхъ и пѣшихъ, начали поспѣшно двигаться въ разныя стороны, удаляясь отъ укрѣпленія и потомъ большими массами бросились изъ аула черезъ р. Самуръ. Въ крѣпости не понимали ихъ дѣйствій. Вскорѣ пушечные выстрѣлы со стороны Самура разъяснили осажденнымъ, въ чемъ дѣло.

Трудно описать встрѣчу ширванцевъ со своими товарищами—гренадерами; то былъ свѣтлый праздникъ. Всѣ крестились, плакали слезами радости и цѣловались другъ съ другомъ.

За все время осады гарнизонъ потерялъ убитыми: 2 офицеровъ и 90 нижнихъ чиновъ; ранеными: 9 офицеровъ, 162 нижнихъ чина; въ одной нашей ротѣ убыло 22 нижнихъ чина убитыми и 63 ранеными.

Такова геройская защита Ахтовъ.

На всеподданнѣйшемъ рапортѣ намѣстника князя Воронцова, Государь Императоръ Николай I изволилъ надписать: „**Славно**"—„**капитана Новоселова въ маіоры и подполковники. Всему гарнизону годовое жалованье не въ зачетъ и 40 знаковъ отличія военнаго ордена. Объ семействахъ убитыхъ представить особо**". Кромѣ того Новоселову пожалованъ орденъ Св. Георгія 4-й степени. Такъ щедро награждалъ государь заслуги своихъ вѣрныхъ ширванцевъ.

А вотъ какъ отнеслась къ этому вся Россія: „Во всѣхъ концахъ обширной нашей родины имена и подвиги неустрашимыхъ защитниковъ повторялись съ восторгомъ; народъ русскій всѣхъ сословій съ жадностью слушалъ разсказы объ этомъ дивномъ геройствѣ своихъ братій. На театральной сценѣ въ Петербургѣ была поставлена „Блокада

Ахтовъ" и въ зиму 1849—50 года она давалась безчисленное множество разъ и всегда при удивительномъ стеченiи публики.

Пѣсня на защиту Ахтовъ.

Что не вороны чернѣютъ
На вершинахъ скалъ,
Такъ ахтинцы въ буркахъ черныхъ
Строятъ свой завалъ.
И спѣшатъ они работой,
Гостей къ себѣ ждутъ:
Аргутинскiй князь съ отрядомъ
Въ гости къ намъ идутъ.
Не дошедши до завала
Сдѣлали привалъ.
„Дружно, братцы!" Аргутинскiй
Князь нашъ намъ сказалъ.
Радъ полковникъ съ нами храбрый,
Только взгляда ждетъ
И къ побѣдѣ, или къ смерти
Ширванцевъ ведетъ.
Вотъ милицiя Кубинска:
Шашка—смерть у нихъ.
Грозенъ, грозенъ видъ Ширванцевъ —
Молодцовъ лихихъ.
На горѣ на Шатъ-Чужанской
Самъ султанъ стоитъ;

По бокамъ и по заваламъ
Нехристь все лежитъ.
Горе, горе! вамъ ахтинцы,
Князь ведетъ отрядъ!
Скалы, крѣпости и горы
Васъ не защитятъ.
Онъ васъ въ кручахъ откопаетъ,
Выжметъ изъ щелей,
И въ минуту васъ прогонитъ,
Какъ орелъ гусей.

1849—1853 г.

Въ 1849 году графцы участвуютъ въ осадѣ Чоха, а послѣ роспуска отряда, 2-й и 3-й баталіоны принимаютъ участіе въ жаркомъ бою при отраженіи Шамиля, пытавшагося вторгнуться въ Казикумыкское ханство.

1850-й годъ прошелъ для полка спокойно; баталіоны занимались разработкой дорогъ. —Въ этомъ году, 25-го іюня полку были пожалованы **„Александровскія ленты на знамена за 150-ти-лѣтнюю безпорочную службу“**.

Въ 1851 году два нашихъ баталіона, подъ личнымъ начальствомъ князя Аргутинскаго, много способствовали пораженію Хаджи-Мурата, пытавшагося возмутить Кайтагъ и Табасарань.

1852-й годъ былъ вновь богатъ военными дѣйствіями. Намъ онъ памятенъ кровавымъ штурмомъ аула Шеляги; тамъ засѣлъ съ мюридами Букъ-Магомедъ, которому Шамиль поручилъ взбунтовать окрестныхъ жителей. Шелягинское дѣло единственное, пожалуй, по тому впечатлѣнію, которое оно произвело на горскія племена; и главную роль въ немъ сыграли безспорно графцы.

Селеніе Шеляги было сильно укрѣплено со всѣхъ сторонъ завалами въ нѣсколько ярусовъ, а съ фронта имѣло высокую каменную гору, ниспадавшую къ дорогѣ террасами, на которыхъ также были устроены завалы. Сакли очень крѣпкаго устройства, съ толстыми крышами, мало поддавались дѣйствію артиллерійскаго огня. Аулъ былъ взятъ приступомъ тремя нашими баталіонами и однимъ Самурскимъ, подъ начальствомъ генерала Суслова.

Штурмъ начался въ десять часовъ утра 18-го января и кончился въ 9 часовъ утра другого дня.— Пули, камни, бревна, сыпавшіяся градомъ, не остановили штурмующихъ и, менѣе чѣмъ въ полчаса, первый баталіонъ овладѣлъ горой, командующей

селеніемъ. Четвертый баталіонъ и баталіонъ самурцевъ съ барабаннымъ боемъ пошли съ фронта; несмотря на всѣ преграды, они быстро очутились подъ стѣнами аула и стали разбирать заваленные входы. Много нашихъ тутъ сложили свои головы; остальнымъ пришлось штурмовать саклю за саклей; каждая изъ нихъ представляла крѣпостцу съ бойницами, отчаянно защищаемую 10-ю—20-ю мюридами, которые поклялись умереть, но не сдаваться. Было взято около 50 сакель, когда баталіоны потерпѣли уже большой уронъ въ людяхъ: оставалось еще незанятыхъ саклей до 60. Приказано было зданія поджигать и штурмовать только тѣ, которыя огню не поддавались.

Почти всѣ сподвижники Букъ-Магомеда и большая часть жителей погибли въ этомъ страшномъ побоищѣ, длившемся сутки. Самъ Букъ-Магомедъ, съ нѣсколькими приверженцами заперся въ отдѣльной саклѣ. Нашего полка поручикъ Абазовъ, съ двѣнадцатью охотниками, вызвался взять его. Раненный, окруженный нашими солдатами и пламенемъ горѣвшаго зданія, онъ защищался отчаянно. Съ большимъ трудомъ удалось Абазову вырвать изъ его рукъ кинжалъ.

Селеніе Шеляги обращено въ груду камней. Такова участь почти всѣхъ ауловъ, взятыхъ нами штурмомъ. Кавказскіе, какъ и всѣ восточные на-

роды, признавали только силу суровую, разрушительную.

Въ нашихъ рукахъ осталось много добычи; между прочимъ шесть значковъ, взятыхъ съ боя, и почетная сѣкира Букъ-Магомеда, дарованная ему Шамилемъ. Потери наши были очень чувствительны: у графцевъ только въ 1-мъ и 4-мъ баталіонахъ было ранено 10 офицеровъ, среди нихъ командиръ полка; контужено 6; нижнихъ чиновъ—убито 60, ранено 160. Всего же въ отрядѣ выбыло изъ строя 500 нижнихъ чиновъ.

4-го Февраля полкъ возвратился въ штабъ-квартиру Кусары.

Знаменитый переходъ черезъ Кавказскій хребетъ въ сентябрѣ 1853 года.

Въ концѣ августа 1853 года Шамиль вторгнулся на лезгинскую линію и осадилъ небольшое укрѣпленіе Мессельдигеръ. Войскъ на линіи было немного, такъ какъ всѣ свободныя части стягивались къ турецкой границѣ, и спасти Мессельдигеръ могъ только Аргутинскій со своимъ Дагестанскимъ отрядомъ. Но Аргутинскій былъ далеко—онъ стоялъ съ отрядомъ на высотахъ Турчи-дага; кромѣ того, его отдѣлялъ отъ Мессельдигера грозный Кавказскій хребетъ.

Это не остановило Аргутинскаго. Чтобы поспѣть какъ можно скорѣе на помощь, онъ избралъ кратчайшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый трудный путь черезъ перевалъ Гутуръ-дагъ. Въ отрядѣ князя Аргутинскаго находились 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны нашего полка. 28-го Августа баталіоны

выступили въ походъ. Семь дней пришлось употребить на то, чтобы перебраться черезъ боковые отроги и достигнуть наконецъ подошвы Гутуръ-дага. Предстояло самое трудное—перевалить черезъ хребетъ.... Двадцать четыре часа войска двигались по тропинкамъ, почти непроходимымъ, покрытымъ снѣгомъ и льдомъ; а тамъ пришлось прокладывать дорогу самимъ. По обѣ стороны зіяли пропасти.... Мятель и вьюга увеличивали трудность подъема.... Шагъ за шагомъ, изнемогая подъ тяжелой ношей и, несмотря на сильную стужу, обливаясь потомъ, поднимались ширванцы уже безъ привала и отдыха.

Только беззавѣтная преданность долгу передъ царемъ и родиной и чисто сыновная привязанность къ своему полководцу, давали силы преодолѣвать эти, казалось, недосягаемыя крутизны. Тяжело дышала грудь солдата подъ тяжелой ношей, но ширванцы бодро шли впередъ. На послѣдній подъемъ Аргутинскій не могъ уже ѣхать верхомъ; тогда солдаты связали нѣсколько ружей, наложили на нихъ шинели и на этомъ сидѣньи, на своихъ плечахъ, понесли любимаго вождя....

Былъ уже поздній вечеръ, когда графцы достигли наконецъ вершины Гутуръ-дага и остановились на высотѣ 14000 футовъ (4 версты). Рѣдкій воздухъ затруднялъ дыханіе, морозъ усиливался, вѣтеръ крѣпчалъ..... Спускаться внизъ по

узкому карнизу, въ темную ночь было крайне опасно, и пришлось ночевать на вершинѣ... Положеніе было въ высшей степени опасное: стоило только прилечь и вздремнуть, чтобы заснуть вѣчнымъ сномъ. Поэтому людямъ не позволяли даже садиться; приказано было бѣгать, играть, плясать, пѣть пѣсни. И до утра, голодные, утомленные ширванцы и бѣгали и плясали, и веселая русская пѣсня среди вѣковѣчныхъ снѣговъ Кавказа неумолкала до разсвѣта. Не смотря на принятыя предосторожности, многіе пообморозились, а иныхъ закопали въ снѣгахъ Гутуръ-дага.

Спускъ по крутому острому гребню представлялъ также большія затрудненія: тропа буквально ныряла по крутымъ выступамъ; въ иныхъ мѣстахъ орудія съ ящиками и вьюками нужно было переносить на рукахъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на страшное утомленіе войскъ, Аргутинскій спѣшилъ соединиться съ лезгинскимъ отрядомъ, чтобы немедленно атаковать горцевъ. Шамиль, узнавъ про движеніе Аргутинскаго, бѣжалъ со своими скопищами къ Джормуту.

Намѣстникъ князь Воронцовъ, достойно оцѣнилъ походъ Дагестанскаго отряда, назвавъ его въ приказѣ по войскамъ „историческимъ и безпримѣрнымъ“. Солдаты тогда же сложили про него пѣсню:

Не орелъ подъ облаками
Въ непогодушку леталъ;
То леталъ передъ графцами
Аргутинскій генералъ.
И поздравивъ насъ съ походомъ,
Отдалъ намъ такой приказъ:
Завтра съ солнечнымъ восходомъ
Подниматься на Шатъ-дагъ...
Справа дьявольскія кручи,
Слѣва скалы до небесъ.
Передъ носомъ ходятъ тучи.
За ноги хватаетъ бѣсъ.
Верхъ Кавказа былъ ночлегомъ,
Съ неба сдѣлали шатеръ;
А въ котлахъ крупа со снѣгомъ,
Подъ котлами самодеръ...

Князь Аргутинскій-Долгоруковъ, одинъ изъ видныхъ Кавказскихъ дѣятелей, подобно Ермолову, оцѣнилъ и полюбилъ „славныхъ и отчаянныхъ графцевъ“, какъ онъ ихъ называлъ. Ширванцы, въ свою очередь, отвѣчали ему самой теплой сыновней привязанностью. Всякое выступленіе въ походъ съ Аргутинскимъ было для нихъ праздникомъ. „Этотъ—и солдатскую шкуру бережетъ“,—говорили они про Аргутинскаго. Въ образѣ жизни это былъ суровый человѣкъ, не заботившійся о

себѣ; его обыкновенное ложе въ походѣ состояло изъ бурки и подушки отъ сѣдла,—даже въ только что описанную ужасную ночь на вершинѣ Кутуръ-дага. Обыкновенно Аргутинскій никогда не говорилъ, куда идемъ, зачѣмъ идемъ: подъемъ, сборъ и маршъ впередъ. Такъ что между солдатами вошло въ поговорку: „Куда идемъ, про то трубка Аргутинскаго знаетъ". Да они и не старались узнать; они вѣрили въ своего вождя и знали, что путь, избранный Аргутинскимъ, всегда ведетъ къ славѣ.

Память о немъ живетъ среди ширванцевъ, какъ объ одномъ изъ славныхъ вождей, благороднѣйшемъ и честнѣйшемъ человѣкѣ.

Въ гор. Шурѣ ему воздвигнутъ памятникъ: онъ представленъ во весь ростъ, съ неизмѣнной буркой на плечахъ, стоящимъ на скалѣ.

Битва при Башъ-кадыклярѣ.

Въ сентябрѣ 1853 года, по освобожденіи Мессельдигера, всѣ четыре баталіона графцевъ были отпущены въ штабъ-квартиру, куда и прибыли 24-го сентября.

Въ это время вспыхнула война съ турками, и первые два баталіона нашего полка назначены были въ составъ дѣйствующаго корпуса. 1-го ноября баталіоны прибыли въ городъ Александрополь,

гдѣ формировался корпусъ, а 18-го были двинуты противъ турокъ, расположившихся за рѣкой Башъ-кадыклярь. На другой же день, 19-го ноября, произошла встрѣча съ противникомъ и разыгралась знаменитая битва, гдѣ 10 тысячъ русскихъ разбили 36-ти тысячную турецкую армію.

Ширванцы вмѣстѣ съ баталіономъ куринцевъ и баталіономъ стрѣлковъ, составляли первую линію и должны были атаковать деревню Огузлы.

Въ рѣшительную минуту, когда турки, наступая съ фронта, стали въ то же время обходить нашъ лѣвый флангъ, генералъ Бриммеръ скомандовалъ: „Орудія въ передки! знамена впередъ! Ура!" Только этого призыва и ждали закаленные въ бояхъ баталіоны: раздалось грозное „ура", и они двинулись противъ наступающихъ турокъ. Баталіонамъ этимъ кричали вслѣдъ: „Ну, воронцовцы*), ну графцы посмотримъ, кто кого перещеголяетъ!" Турки не выдержали стремительнаго удара. Баталіоны быстро перешли находившійся на ихъ пути глубокій оврагъ и, на плечахъ бѣгущихъ турокъ, ворвались въ деревню Огузлы. Такой же успѣхъ былъ одержанъ и на нашемъ лѣвомъ флангѣ, гдѣ дрались баталіоны Эриванскаго и Грузинскаго полковъ. Сраженіе начавшееся въ 8 часовъ утра, кончилось въ $2^1/_2$ часа дня; турки бѣжали, оставивъ намъ въ добычу 1 знамя, 24 пушки, 13 зарядныхъ

*) Такъ звали куринцевъ

ящиковъ и 2 лагеря. Ширванцы въ этой битвѣ потеряли: убитыми—36 нижнихъ чиновъ; ранеными: 3-хъ офицеровъ (всѣ трое умерли отъ ранъ) и 102 нижнихъ чина.

Послѣдующіе годы полкъ проводитъ въ Дагестанѣ въ безпрерывныхъ стычкахъ съ горцами и постоянныхъ передвиженіяхъ.

И такъ вплоть до 1859 года.

Въ 1856 году 20-го Января по случаю кончины фельдмаршала князя Паскевича, полку повелѣно именоваться пѣхотнымъ Ширванскимъ полкомъ.

Нельзя не отмѣтить молодецкаго Шеншерикскаго дѣла, бывшаго 30 іюля 1857 года близъ селенія Оглы, въ сѣверномъ Дагестанѣ. Въ немъ участвовали наши 2-я и 3-я роты подъ начальствомъ маіора Зафиропуло.

Послѣ семичасовой перестрѣлки и штыковой схватки съ значительно превосходящимъ въ числѣ противникомъ, у насъ выбыло изъ строя ранеными семь и контуженными десять человѣкъ, тогда какъ горцы оставили въ полѣ 250 труповъ, 80 плѣнныхъ и огромную баранту. Вотъ какъ описываетъ нѣкоторые моменты этого славнаго боя командиръ 2-й роты капитанъ Ловенецкій.

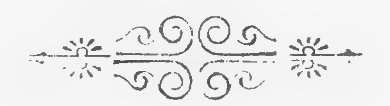
„Въ тотъ моментъ, когда 3-я рота была окружена толпою отчаянныхъ мюридовъ, маіоръ Зафиропуло, находясь въ головѣ колонны, былъ отрѣзанъ отъ роты; нѣсколько выстрѣловъ сдѣлано по немъ и занесено нѣсколько кинжаловъ; но судьба берегла его: рядовой 3-й роты Дмитріевъ бросился къ любимому начальнику, выстрѣломъ положилъ одного изъ горцевъ и, заслонивъ маіора своею грудью, вызвалъ на бой мюридовъ. Одинъ изъ удальцовъ налетѣлъ на него, но былъ въ мгновеніе ока заколотъ; тогда Дмитріевъ, съ крикомъ „держись“ и обернувъ ружье прикладомъ, началъ сыпать удары направо и налѣво. Многочисленность враговъ не пугала храбреца: онъ долго защищался и нападалъ, пока не упалъ, обезсиленный отъ двухъ ранъ, нанесенныхъ ему кинжалами въ плечо и животъ. Дмитріевъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и получилъ Георгіевскій крестъ.

2-й роты рядовой Горященко, выйдя изъ первыхъ, съ командиромъ роты княземъ Вачнадзе на высоту подъема, выстрѣломъ положилъ одного горца и, мужественно бросившись впередъ, примѣромъ своимъ увлекъ за собой товарищей. Заколовъ двоихъ изъ пѣшихъ горцевъ, онъ ласково поглаживалъ свой штыкъ, приговаривая: „не нужно чистить, бусурманская кровь смыла ржавчину съ голубчика“.

Занимательнѣе же всего разсказъ рядового Дудникова, какъ онъ попалъ подъ мюрида. „Видно ли-

нія такая вышла",—говорилъ онъ.—„На меня бросилось двое; на бритой головѣ одного я разрядилъ свое ружье и только хотѣлъ пощекотать другого, да трусливъ вѣрно былъ: увернулся бестія и бухъ на колѣни; я думалъ пардону проситъ, а онъ хвать меня за ноги, да подъ себя, и норовитъ вынуть кинжалъ... Да и я не промахъ: схватилъ его за руки, да и держу; нашихъ по близости никого не было; ну, думаю себѣ, пропалъ я, а онъ, дѣтина здоровый, уже совсѣмъ было дошелъ меня, да благо подвернулся тутъ Александръ Михайловичъ... Какъ дастъ ему штыкомъ подъ ребра, такъ бритоголовый только крикнулъ „Алла!" да и выпучилъ на меня свои зенки".

„По окончаніи дѣла пріятно было видѣть нашихъ солдатъ, когда они, забирая плѣнныхъ, подавали раненымъ воду и перевязывали ихъ раны. Въ числѣ ихъ находился почти ребенокъ, мальчикъ лѣтъ 14—15, красавецъ собою; къ нему подошелъ рядовой Киселенко и, подавая ему сумки, съ найденными въ нихъ яблоками, грушами и чуреками, спросилъ его: „Не твои ли голубчикъ? на возьми, да помяни своихъ покойниковъ то!"

Штурмъ Гуниба.

Наступилъ роковой для Шамиля 1859 г. и однимъ ударомъ положенъ конецъ почти четверть вѣковой борьбѣ его съ русскими. Шамиль со своимъ семействомъ и приближенными укрылся на горѣ Гунибъ. Туда съ разныхъ сторонъ направились наши Дагестанскій, Чеченскій и Лезгинскій отряды. Изъ нихъ въ составъ Дагестанскаго отряда генерала барона Врангеля вошли 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Ширванскаго полка съ командиромъ—полковникомъ Кононовичемъ. Отрядъ этотъ переправившись у Сагрытло черезъ Андійское-койсу, двинулся къ Гунибу.

Гора Гунибъ стоитъ совершенно особнякомъ среди другихъ горъ Дагестана; верхняя часть ея имѣетъ видъ ложки, узкимъ концомъ обращенной на востокъ, къ рѣкѣ Кара-койсу. Скаты Гуниба обрывисты; самая доступная сторона его та, что

обращена къ рѣкѣ; но за то эта сторона была укрѣплена двумя оборонительными стѣнами и завалами въ нѣсколько рядовъ, и тутъ же находилась батарея Шамиля въ три орудія; этотъ скатъ защищался четырьмя стами мюридовъ—это были почти всѣ наличныя силы его.

Въ штурмѣ Гуниба принимали участіе, главнымъ образомъ, полки 21 й пѣхотной дивизіи; при чемъ наибольшая слава выпала на долю нашего и Апшеронскаго полковъ. Изъ Ширванскаго полка 1-й и 2-й баталіоны штурмуютъ восточную, а 3-й и 4-й сѣверо-восточную сторону Гуниба.

Въ ночь съ 24-го по 25-е августа, командиръ 2-го баталіона маіоръ Штанге, находясь съ вечера съ баталіономъ въ цѣпи, замѣтилъ въ непріятельскихъ завалахъ какую то суматоху. Зная, что въ эту ночь должны были проникнуть на Гунибъ охотники Апшеронскаго полка и предполагая, что они уже взобрались туда, онъ крикнулъ: „Ура! на Гунибъ, братцы! Стремительно кинулись ширванцы на приступъ. Горцы, какъ стая испуганныхъ воробьевъ, поднялись изъ за стѣны и заваловъ, бросились бѣжать вверхъ и тѣмъ открыли себя нашимъ выстрѣламъ. Въ минуту, наши были подъ стѣной; но бойницы были слишкомъ высоко, и солдатамъ пришлось становиться другъ другу на плечи, чтобы занять ихъ. Начали ломать ворота. Въ это время горцы, столкнули съ батареи горное

орудіе съ лафетомъ, которое пролетѣло надъ головами штурмующихъ. Ворота не подавались; поэтому прапорщикъ Коргановъ и съ нимъ нѣсколько солдатъ были пересажены черезъ стѣну. Быстро они разобрали дрова и камни, заграждавшіе ворота, такъ что солдаты могли протискиваться туда ползкомъ по одиночкѣ. Едва перелѣзло 100 человѣкъ, командиръ баталіона маіоръ Штанге повелъ ихъ по пятамъ отступающаго противника, чтобы не дать ему запереть вторыя ворота. Многіе горцы, утомленные быстрымъ бѣгомъ, садились у тропинки и надѣвали папахи на ружья, въ знакъ покорности. У вторыхъ воротъ, которыхъ горцы не успѣли запереть, подтянулись остальные люди и дружнымъ залпомъ, а потомъ штыковымъ ударомъ загнали, поджидавшаго насъ за воротами, противника въ лѣсъ. 8-я рота заняла опушку, а пятая побѣжала въ обходъ лѣса, чтобы отрѣзать партію горцевъ отъ аула, лежавшаго въ глубинѣ Гуниба.

Партія мюридовъ человѣкъ въ сто прорвалась изъ лѣсу сквозь цѣпь 8-й роты и бросилась къ воротамъ; имъ загородили дорогу унтеръ-офицеръ съ 10 рядовыми. По трупамъ этихъ храбрецовъ партія прошла за ворота и, лицомъ къ лицу, на горной тропинкѣ, столкнулась съ 1-мъ баталіономъ, спѣшившимъ на помощь 2-му; большая часть ея легла въ рукопашной схваткѣ, остальные сдались

въ плѣнъ. 1-й баталіонъ потерялъ 18 человѣкъ убитыми и ранеными.

Небольшая шайка, человѣкъ въ 20 укрылась въ пещерѣ, на руслѣ рѣки. Деньщикъ маіора Штанге съ его конвойными бросились за ними и окружили пещеру. Къ нимъ присоединились еще нѣсколько, въ одиночку шедшихъ, людей и вся эта толпа, предводительствуемая и воодушевляемая деньщикомъ Григоріемъ Шептуновымъ, бросилась на штурмъ пещеры. Бой былъ лютый. Мюриды всѣ легли на мѣстѣ, но и нашимъ молодцамъ досталось; самъ Шептуновъ получилъ двѣ раны шашкой по головѣ съ разрубомъ черепа, ударъ кинжаломъ по лѣвой рукѣ, послѣ чего онъ не владѣлъ пальцами, и пулю въ правый бокъ, которая, пройдя брюшную полость, раздробила лѣвую берцовую кость. За то и награда за его выдающуюся храбрость была велика: онъ получилъ Георгіевскій крестъ 4-й степени.

Слѣдующій примѣръ показываетъ, съ какими отчаянными людьми намъ приходилось имѣть дѣло. Одинъ мюридъ, имѣя въ себѣ два штыка, одинъ въ груди, другой въ животѣ, успѣлъ схватиться за ружье, которое было въ груди, и, вдвинувъ его глубже въ себя, чтобы достать своего противника кинжаломъ, нанесъ ему два удара по головѣ около челюстей съ такою силой, что брызнулъ мозгъ.

3-й и 4-й баталіоны поднялись правѣе 2-го и

прямо двинулись къ аулу Гунибъ: тамъ Шамиль нашелъ свое послѣднее убѣжище. На долю этихъ двухъ баталіоновъ и особенно 3-го выпало преодолѣть невѣроятныя трудности при подъемѣ: подъ градомъ пуль и камней, сыпавшихся изъ за заваловъ, имъ приходилось взбираться чуть не по отвѣснымъ скаламъ. Командиръ 10-й роты капитанъ фонъ-Гольдманъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что, когда онъ, уже на разсвѣтѣ оглянулся на пройденный за ночь путь, у него впервые въ жизни закружилась голова.

Шамиль, окруженный со всѣхъ сторонъ, видя что всякое сопротивленіе безполезно, вышелъ изъ аула и сдался главнокомандующему князю Барятинскому.

За штурмъ Гуниба командиръ 2-го баталіона маіоръ Штанге награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а 3-му и 4-му баталіонамъ пожалованы Георгіевскія знамена съ надписью **„За штурмъ Гунибъ-дага 25-го Августа 1859 года“**.

Тропа, по которой подымались ширванцы, отмѣчена надписью на камнѣ, и до сихъ поръ составляетъ историческую достопримѣчательность.— Скромный памятникъ изъ бѣлаго камня сторожитъ братскую могилу павшихъ при штурмѣ нашихъ братьевъ.

Окончилось завоеваніе Восточнаго Кавказа и ширванцы, съ высоты Гуниба, съ гордостью мог-

ли оглянуться на пройденный шестидесятилѣтній путь. Положивъ прочное начало завоеванію Кавказа разбитіемъ лезгинъ при рѣкѣ Іорѣ 7-го ноября 1800 года, они окончили его взятіемъ Гуниба. И безъ преувеличенія можно сказать, что нѣтъ на Кавказѣ пяди земли, на которую не ступала бы нога ширванца, и которую онъ не обагрилъ своею кровью.

Россія не забудетъ его заслугъ.

Дочь полка.

Во время штурма Гуниба, въ той самой пещерѣ, куда скрылась послѣдняя партія мюридовъ, фельдфебель Гречко нашелъ покинутую кѣмъ то маленькую дѣвочку татарку. Послѣ боя ее принесли командиру полка. Окрещенная въ православную вѣру именемъ Марія, дѣвочка эта выросла въ семьѣ полковника Кононовича и стала дочерью полка. По особому ходатайству она получила фамилію Кононовичъ-Ширванская.

Дочь нашего полка вышла замужъ за казачьяго офицера, хорунжаго Лѣщинскаго [теперь онъ генералъ-маіоръ], но и до сихъ поръ она не порываетъ связи съ роднымъ полкомъ, замѣнившимъ ей семью. Въ 1899 году, во время лагернаго сбора подъ гор. Пятигорскомъ, она присутствовала на нашемъ полковомъ праздникѣ.

При освященіи Георгіевскихъ знаменъ, пожалованныхъ намъ за взятіе Гуниба, командиръ горной № 6 батареи подполковникъ Домонтовичъ поднесъ полку стихи—привѣтствіе. Эти стихи были положены на музыку въ 1888 году поручикомъ нашего полка Поговскимъ и, съ тѣхъ поръ, составляютъ нашъ полковой гимнъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы имѣли счастіе поднести его нашему **Августѣйшему Шефу**.

Привѣтствуемъ съ благоговѣньемъ
Трофеи славы боевой,
Съ ихъ царственнымъ благословеньемъ
За штурмъ, за подвигъ громовой!

О, полкъ блистательный, не даромъ
Награда царская тебѣ:
Шамиль въ плѣну! однимъ ударомъ
Ты положилъ конецъ борьбѣ.

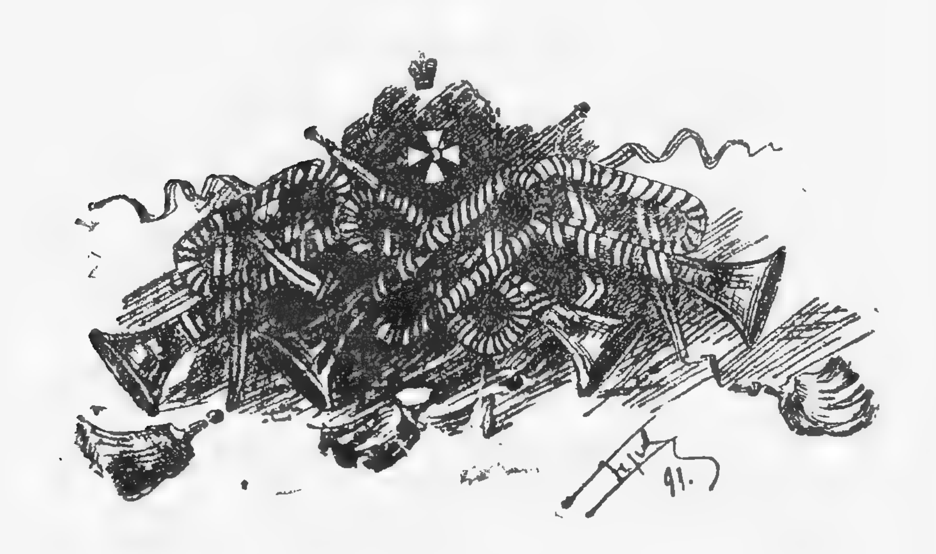
Развѣйтесь надъ полкомъ съ любовью,
Добытыя Ширванской кровью,
Геройствомъ, мужествомъ полка,
На славномъ штурмѣ знамена.

Была пора, на штурмъ кровавый
Стекалися полки Царя;
Ихъ велъ Намѣстникъ величавый,
Отвагой всѣхъ животворя.

Въ Чечнѣ и Салатау грянулъ
Побѣдный непрерывный громъ;

Отъ Евдокимова отпрянулъ
Шамиль охваченный кругомъ.
Ужъ палъ отъ громовой осады
Его Ведень, и часъ насталъ:
Къ Гунибу двинулись отряды
Отъ Каспія и Закаталъ.
Ужъ врагъ отъ Сагрытло отброшенъ,
Сдались Улму-кале, Ирибъ;
Цвѣтъ лучшій мюридизма скошенъ;
Но старецъ мощный не погибъ.
Съ Гуниба онъ перуны мечетъ
И нашъ воинственный Кавказъ
Ему съ восторгомъ рукоплещетъ...
Грохочетъ онъ въ послѣдній разъ.
Съ полуночи орелъ державный
Подымется подъ облака..
Заутра штурмъ. О, подвигъ славный
Побѣдоноснаго полка!
Раздайся нашъ привѣтъ священный,
Чтобъ дрогнула Гунибъ-гора.
Да здравствуетъ благословенный
Ширванскій полкъ! Ура! Ура!
Маститый полкъ, тебѣ и слава,
Твой трудъ и кровь не лились зря,
И впредь Ширванецъ будетъ свято
Служить, чтобъ радовать Царя!
Прошла война, и все забыто,
Вся тяжесть жизни боевой;

Ширванецъ ждетъ призыва снова
Пустить свой штыкъ могучій въ бой!
Петромъ былъ созданъ полкъ Ширванскій,
Его исторія громка.
Онъ службой вѣрной и безстрашной
Упрочилъ славу навсегда!

Покореніе Западнаго Кавказа въ 1860—1864 г.г.

Покореніемъ Восточнаго Кавказа въ сущности оканчивается Кавказская война. Дальнѣйшія дѣйствія войскъ сводятся къ водворенію и упроченію власти въ уже завоеванномъ краѣ.

Стрѣлковый баталіонъ Ширванскаго полка переходитъ на правый флангъ и съ 1860 по 1864-й годъ принимаетъ участіе въ покореніи Западнаго Кавказа.

Тутъ уже не встрѣчается ни тѣхъ славныхъ штурмовъ, ни тѣхъ геройскихъ подвиговъ, которыми такъ богата исторія покоренія Восточнаго Кавказа; здѣсь ширванецъ несетъ другую, не менѣе трудную службу: съ ружьемъ въ одной рукѣ и топоромъ въ другой,—тихо, незамѣтно, но упорно,

въ продолженіи четырехъ лѣтъ совершаетъ онъ свое трудный подвигъ: валитъ вѣковые чинары, вырубаетъ просѣки, прокладываетъ дороги, строитъ укрѣпленія и станицы и этимъ постепенно водворяетъ русское владычество въ краѣ.

Памятникомъ этой четырехлѣтней дѣятельности полка служатъ пожалованные стрѣлковымъ ротамъ георгіевскіе сигнальные серебрянные рожки съ надписью: **„За покореніе Западнаго Кавказа въ 1860—1864 годахъ“.**

Кавказскій солдатъ.

Шестидесятилѣтняя война за обладаніе Кавказомъ выработала и особый типъ солдата, боевыя качества котораго прославили его надолго и доставили ему первое мѣсто въ рядахъ русской арміи.

Служба солдата въ то время длилась 25 лѣтъ, поступалъ онъ въ полкъ 25-ти, иногда 30 лѣтъ отъ роду, а уходилъ изъ него 50-ти, а то и 60-тилѣтнимъ старикомъ, Къ концу службы онъ нерѣдко забывалъ все, что у него оставалось дома; и для большинства полкъ, въ которомъ они служили, дѣлался ихъ семьей, родиной; такіе охотно оставались поселенцами въ слободахъ при штабъ-квартирахъ, продолжая жить радостями и печалями полка. Почти все русское населеніе урочища Кусары, ко-

торое 50 лѣтъ служило штабъ-квартирой нашему полку, состоитъ изъ потомства ширванцевъ.

Проходить полный курсъ воинской науки, какъ это мы дѣлаемъ теперь, въ то время не было возможности; война велась безпрерывно и многому приходилось учиться въ самомъ бою. Не легко давалась эта школа.—Прослужа лѣтъ десять въ полку, солдатъ считался еще мальчишкой и называлъ своего сѣдого собрата дядькой.

Много лишеній и невзгодъ надо было вынести прежде чѣмъ солдатъ обстрѣляется совсѣмъ. Людей оцѣнивали только по поведенію ихъ въ бою; кто первый въ бою—тотъ первый во всемъ и вездѣ, тому честь и слава.

Вести войну приходилось почти все время въ горахъ, а горная война—самая трудная, потому что приходится бороться одновременно съ двумя врагами—съ природой и людьми; и первый врагъ много страшнѣе второго: противникъ—если и побьетъ когда, такъ вѣдь не всѣхъ, а то и очень немногихъ.

А борьба съ природой подрываетъ силы сразу тысячи людей, ложится тяжестью на цѣлые отряды, подтачиваетъ здоровье человѣка иногда на всю жизнь.

Да и непріятелю легче въ горахъ: онъ дома, мѣстность знаетъ хорошо, и можетъ устроить намъ

засаду за каждымъ камнемъ. А наступитъ передышка въ бояхъ—работы и хлопотъ не оберешься: надо устраивать свое хозяйство,—вѣдь у враждебнаго населенія ничего не достанешь; строить крѣпости, проводить дороги, прорубать просѣки, да и себя оберегать; горецъ сторожилъ насъ за каждымъ кустомъ и не упускалъ случая напасть на солдата.

Нужно нарубить дровъ въ лѣсу—снаряжай, кромѣ рабочихъ, вооруженную команду въ прикрытіе, а перевезти транспортъ,—такъ и цѣлый отрядъ съ артиллеріей.

Вотъ въ этихъ то суровыхъ условіяхъ и выработался нашъ Кавказскій чудо-богатырь. Строго дисциплинированный, выносливый, умѣющій довольствоваться малымъ, онъ выше всего ставилъ свою воинскую честь и боевую славу. Приказаніе начальника для него было свято и, чтобы выполнить его, онъ преодолѣваетъ всѣ преграды. Вотъ характерный разговоръ, происходившій между двумя солдатами передъ штурмомъ Гуниба.

— „Ишь, гдѣ аулъ-то построили, проклятые! Да еще башни тамъ какія у нихъ! Одно слово, гнѣздо орлиное. Какъ ты думаешь, вѣдь туда влѣзть нельзя?

— Знамо нельзи.

— Никоимъ образомъ?

— Нельзи.

— Стало и взять то нельзя?

— Нельзи.

Солдатъ призадумался, все глядя на аулъ, лепившійся на вершинѣ скалы. Не нравилось ему слово „нельзи"· Вдругъ блеснула у него въ головѣ мысль.

— А коли прикажутъ?

Тотъ усмѣхнулся.

— Чаво тутъ спрашивать то? Дуракъ ты, братецъ, Прикажутъ: возьмемъ"!

И взяли,—даже не дождавшись приказанія, взяли...

Вотъ какъ отзывается о старомъ Кавказскомъ солдатѣ, одинъ изъ участниковъ долгой Кавказской войны.

„Вижу тебя—сухого, морщинистаго, но гордаго и величественнаго. Очаровываетъ сердце, бодритъ душу мою геройскій видъ твой. Помню твою службу безъ устали и конца, лишенья—безъ мѣры и числа.

Нѣтъ дома, нѣтъ семьи—прикормишь или голубка, собачку или котика, и на нихъ изольешь свою естественную потребность ласкать и любить. Нѣтъ труда, отъ котораго бы ты отказался, нѣтъ дѣла, котораго ты не съумѣешь. Израненными морщинистыми руками ты сворачивалъ гордыя скалы Кавказа, ими же ты и косынку вымоешь и выгладишь для своей матушки командирши... На могучихъ рукахъ вынесъ ты изъ боя своего ране-

наго отца-командира, на нихъ же выняньчаешь и его ребенка, нѣжно убаюкивая и припѣвая, словно любящая, хорошая няня.

Коли нужно, безъ устали отмахаешь ты двѣсти—триста верстъ въ 5—6 сутокъ, и потомъ еще попляшешь своего разудалого солдатскаго трепака..

Руку оторвутъ—другой сдачи дашь, ногу вылущили—заковылялъ ты черезъ высокія горы въ родныя мѣста на деревяшкѣ-самодѣлкѣ... Ни передъ какимъ затрудненіемъ не задумаешься, ни въ какой опасности не потеряешься. Пришелъ къ овражку—моста нѣтъ: станемъ пушки перевозить, лафеты, пожалуй, поломаемъ... Ну такъ что же?... Какъ быть?... Подставили плечи и спины солдатики, заслали ихъ ружьями, покрыли шинелями для мягкости—и готовъ живой мостъ изъ чувствующаго страждущаго, но не стонущаго, не охающаго тѣла солдатскаго...

Не сдается Кавказскій солдатъ никому и никогда, а коли выйдетъ такой случай, что некуда дѣться, силушки не хватаетъ,—взорвалъ онъ себя и товарищей на воздухъ, и бреннымъ тѣломъ своимъ вмѣстѣ съ камнями и бревнами придавилъ врага Царя своего.

Сказалъ Царь-батюшка и сослужилъ солдатъ свою вѣрную, шестидесятилѣтнюю службу нашей родинѣ, грудью отстоялъ, защитилъ, охранилъ, дороги проложилъ, города построилъ, черезъ бездны

мосты перекинулъ, поля кровью и костьми удобрилъ, да ихъ же картошкой и капустой засадилъ, пѣсенку сложилъ, да еще самъ и выводилъ ее...

Вѣчная память, громкая слава тебѣ, самоотверженный, герой, честный Кавказскій солдатъ“!

Хивинскій походъ 1873 г.

Кавказъ завоеванъ. Но ширванцы не долго остаются безъ дѣла. Они переправляются по ту сторону Каспійскаго моря, чтобы принять участіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года.

Характеръ военныхъ дѣйствій здѣсь нѣсколько иной, главнымъ образомъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Приходилось совершать переходы подъ палящимъ солнцемъ, часто безъ воды, по песчанымъ, безводнымъ степямъ, съ цѣлыми караванами верблюдовъ, которыхъ нерѣдко удавалось добывать только съ бою.

Это была уже 3-я попытка завоевать Хивинское ханство. Первыя двѣ, изъ которыхъ одна была еще при Петрѣ Великомъ, окончились полной неудачей, благодаря незнакомству съ мѣстностью и ея малодоступности. Хивинцы и киргизы ежегодно совершали нападенія на наши поселенія на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря и нерѣдко брали въ плѣнъ нашихъ рыболововъ и промышленниковъ.—Только въ этомъ 1873-мъ году почув-

ствовали они всю силу русскаго оружія. Испытанные ветераны Кавказской войны—ширванцы преодолѣвали всѣ трудности похода съ такимъ же упорствомъ, съ какимъ они взбирались передъ тѣмъ на заоблачныя вершины Кавказа.

Наши 1-я, 2-я и 3-я стрѣлковыя роты, въ составѣ колонны генерала Ламакина достигли Хивы и взяли городъ штурмомъ, во время котораго 2-я рота отняла у противника одно орудіе.

Въ награду за проявленную при этомъ храбрость всѣ три роты получили по сигнальному Георгіевскому серебряному рожку съ надписью: „**За отличіе въ Хивинскомъ походѣ 1873 года**".

Походъ этотъ памятенъ полку еще и тѣмъ, что наша 1-я стрѣлковая рота впервые принимала участіе въ дѣйствіяхъ авангарда подъ начальствомъ подполковника Скобелева. Этому имени суждено было вскорѣ прославится на весь міръ.

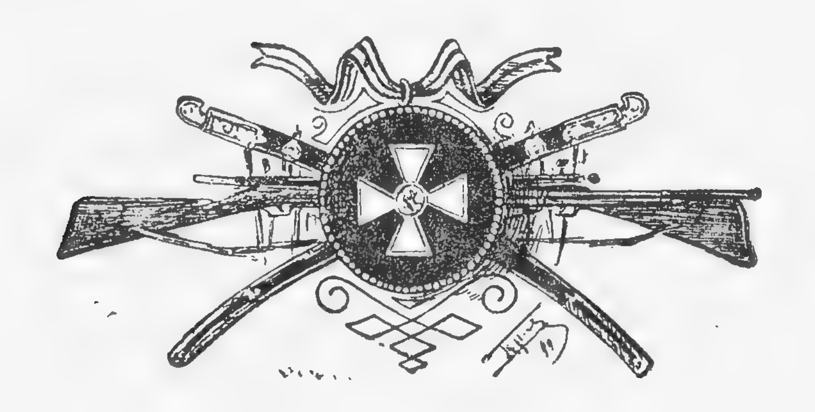
1874—1875 г.г.

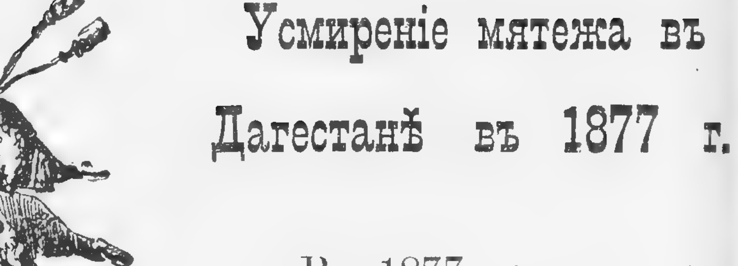
По окончаніи Хивинскаго похода 1-й баталіонъ остался въ Красноводскѣ. Въ Августѣ 1874 года туда же былъ направленъ изъ штабъ-квартиры и 2-й баталіонъ. Изъ ротъ этихъ двухъ баталіоновъ съ частями Дагестанскаго полка былъ составленъ отрядъ, который, подъ начальствомъ генерала Ламакина, совершалъ рекогносцировочныя и карательныя экспедиціи вглубь страны.

Такія экспедиціи были предприняты къ укрѣпленіямъ Чатъ и Мулла-Кары, къ колодцамъ Игды и вверхъ по рѣкѣ Атреку. Особенно памятенъ былъ второму баталіону переходъ отъ Михайловскаго залива къ укрѣпленію Мулла-Кары, который впервые совершалъ его по безводнымъ сыпучимъ пескамъ, при жарѣ въ 42°. Взятая съ собой вода, конечно, скоро изсякла, и, только благодаря своевременному подвозу ее русскими поселенцами, дѣло обошлось безъ смертныхъ случаевъ. Очень плохой оказалась трехнедѣльная стоянка въ среднихъ Игдахъ: воды мало, и та горько-соленая; появилась дезинтерія со смертными исходами; фаланги и скорпіоны, очень ядовитые, дополняли непривлядную картину.—Въ результатѣ этихъ экспедицій, нѣсколько текинскихъ племенъ изъявили намъ свою покорность.

Это былъ одинъ изъ этаповъ къ окончательному покоренію Ахалтекинскаго оазиса.

Въ Ноябрѣ 1875 года 2-й баталіонъ вернулся въ Кусары.

Усмиреніе мятежа въ Дагестанѣ въ 1877 г.

Въ 1877 году, въ самый разгаръ Русско-Турецкой войны, вспыхнулъ мятежъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

При усмиреніи этого мятежа, два нашихъ баталіона 1-й и 4-й охраняютъ Алазанскую долину, 3-й дѣйствуетъ въ нагорномъ Дагестанѣ, а 2-й баталіонъ, оставшійся въ штабъ-квартирѣ Кусарахъ выдерживаетъ блокаду горцевъ.

Самыя выдающіяся дѣла выпадаютъ на долю 3-го баталіона. Онъ принимаетъ участіе въ штурмахъ ауловъ Цудахара и Согратля.

19-го Октября, въ 5 часовъ утра, Дагестанскій отрядъ двинулся на штурмъ Цудахара. Нашъ 3-й баталіонъ былъ направленъ противъ лѣваго фланга непріятельской позиціи, которая опиралась на два крѣпкіе завала. За ними засѣло шестьсотъ мюридовъ. Мѣстность, по которой баталіону пред-

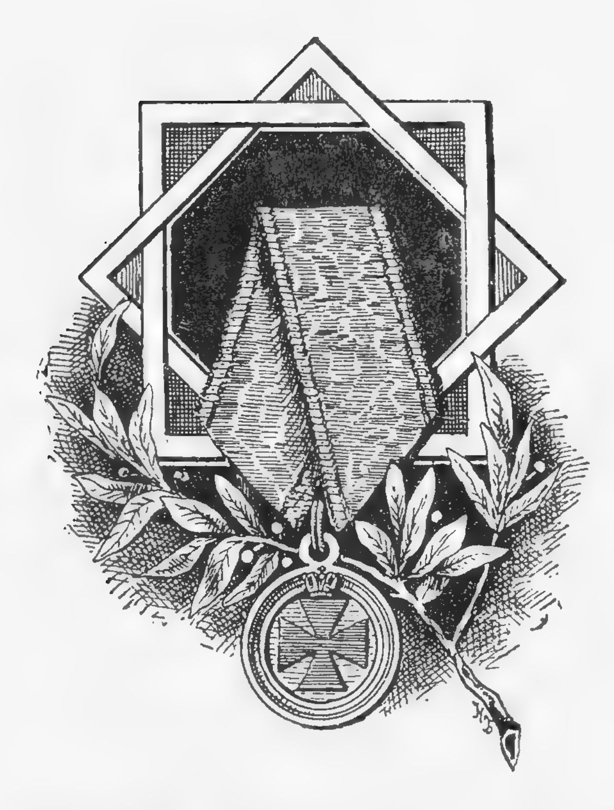
стояло итти, перерѣзывалась четырьмя оврагами и дважды приходилось переходить рѣку въ бродъ подъ огнемъ. Въ первой линіи наступали 9-я и 12-я, во второй 10-я и 11-я роты. 10-я составила прикрытіе артиллеріи, 11-я была направлена прямо на аулъ. 9-я и 12-я роты штабсъ-капитановъ Касюры и Ягубова, пройдя около полуверсты, наткнулись на глубокіе овраги, перешли ихъ и вышли на высоту, отдѣленную отъ заваловъ еще однимъ оврагомъ. Противникъ открылъ сильнѣйшій огонь,—до заваловъ было не болѣе двухсотъ шаговъ; минута была рѣшительная; штабсъ-капитанъ Ягубовъ, подъ убійственнымъ огнемъ, перешелъ съ шестью взводами черезъ послѣдній оврагъ и двинулся на штурмъ заваловъ. Мюриды бросились на него съ кинжалами. Ягубовъ тутъ же изрубилъ двухъ; въ это время у него сломалась шашка, и одинъ изъ вновь наскочившихъ горцевъ, ранилъ его кинжаломъ въ правую руку. Ягубовъ бросилъ ему въ лицо свою изломанную шашку и, когда горецъ пригнулся, чтобы избѣгнуть удара, онъ, выхвативъ револьверъ, выстрѣломъ уложилъ его на мѣстѣ. Самъ же Ягубовъ, обезсиленный потерей крови, упалъ, когда вновь наскочившій мюридъ уже занесъ надъ нимъ свой кинжалъ; но тутъ подскочилъ унтеръ-офицеръ Маркелъ Елисѣевъ, принялъ мюрида на штыкъ и тѣмъ спасъ жизнь своему ротному командиру.

Воодушевленные примѣромъ своего доблестнаго начальника, нижніе чины со всѣхъ сторонъ ворвались въ завалы. Послѣ короткой, но отчаянной рукопашной схватки, горцы дрогнули и бросились бѣжать по склонамъ горы, провожаемые ружейнымъ огнемъ. Въ то же время и другія части ворвались въ аулъ. Цудахаръ былъ взятъ и зажженъ со всѣхъ сторонъ. Нижніе чины за это славное дѣло получили 20 георгіевскихъ крестовъ. Потери наши простирались до 19 человѣкъ убитыми и ранеными.

1-го Ноября отрядъ подступилъ къ селенію Согратль. По дорогѣ шелъ снѣгъ и стоялъ густой туманъ и, когда онъ разсѣялся, взору представился громадный оврагъ, за нимъ каменная башня, крѣпостца, а далѣе грозно высился большой укрѣпленный аулъ. Башня и укрѣпленіе, послѣ артиллерійскаго огня, были взяты штурмомъ и, съ паденіемъ ихъ, Согратль изъявилъ покорность. Возстаніе было подавлено, и отрядъ распущенъ по квартирамъ.

За усмиреніе мятежа въ Дагестанѣ Ширванскій полкъ удостоился большой награды: Штабъ и оберъ-офицеры получили **золотыя шитыя петлицы** на воротники и обшлага мундировъ.

Штурмъ Геокъ-Тепе 1879 г.

Первая Ахалтекинская экспедиція окончилась для насъ полной неудачей: мы начали ее безъ достаточной подготовки и съ слишкомъ малымъ количествомъ войскъ. За то на долю нашего 4-го баталіона выпала блестящая роль спасти отрядъ при отступленіи отъ полнаго разгрома текинцами.

Въ серединѣ Іюля 1878 года 3-й и 4-й баталіоны нашего полка прибыли въ Чикишляръ. За неимѣніемъ тамъ пристани и вслѣдствіе крайняго мелководья, прибывающія шхуны останавливались верстахъ въ двухъ отъ берега; туркменскія лодки къ берегу тоже не приставали; приходилось доходить въ бродъ, а вещи перетаскивать на спинахъ

солдатъ. Не сосчитать трудовъ и невзгодъ, выпавшихъ на ихъ долю. Отъ постояннаго погруженія въ соленую морскую воду, явилось воспалительное состояніе кожи; продѣлывалось все это въ одеждѣ и сапогахъ, чтобы хоть нѣсколько укрыть себя отъ палящихъ лучей солнца и обвѣтриванія. За то черезъ двѣ недѣли люди остались безъ одежды и обуви.—Въ теченіи почти всего слѣдующаго года 3-й баталіонъ вынесъ на своихъ плечахъ работы по разгрузкѣ судовъ и сопровожденію транспортовъ къ укрѣпленію Чать, гдѣ предполагалось устроить главный складочный пунктъ. Приходилось иногда на привалѣ разгружать, пасти и вновь нагружать до 2-хъ тысячъ верблюдовъ.

Благодаря постояннымъ передвиженіямъ по безводнымъ, знойнымъ пескамъ, ширванцы настолько втянулись, что стали совершать эти переходы легко и прослыли въ отрядѣ лучшими ходоками. Трудами этого же баталіона была построена пристань и лавки въ Чикишлярѣ, благодаря чему онъ принялъ сколько нибудь приглядный видъ.

Съ 1-го Апрѣля 1879 года сталъ собираться экспедиціонный отрядъ. 30-го Іюля выступилъ изъ Чикишляра первый эшелонъ, на другой день—второй, а 1-го Августа—3-й. Въ 1-мъ и 3-мъ эшелонахъ состояли наши 4-й и 3-й баталіоны. Путь къ Геокъ-Тепе шелъ черезъ естественные этапы, обус-

доливаемые нахожденіемъ въ нихъ воды; изъ нихъ главные: Чатъ, Хаджамъ-Кала, Бендесенъ и Бали.

Въ Бендесенѣ былъ оставленъ нашъ 3-й баталіонъ, подъ командой Капитана Моравскаго, для разработки спуска перевала, а также постройки окоповъ для складочнаго мѣста, и фуражировокъ. 28-го Августа, въ 3 часа утра, отрядъ съ послѣдней остановки въ Яганджи выступилъ къ Геокъ-Тепе двумя колоннами; третью составлялъ обозъ. Во второй колоннѣ, подъ начальствомъ графа Борха, состоялъ нашъ 4-й баталіонъ.

Въ три съ половиной часа дня колонна прибыла къ Геокъ-Тепе; изъ нея были выдвинуты баталіоны Эриванскаго и Грузинскаго полковъ, а нашъ оставленъ въ прикрытіе обоза.—Всѣ офицеры баталіона, опечаленные такимъ назначеніемъ, громко высказывали свое неудовольствіе командиру баталіона Маіору Шауфусу; послѣдній вынужденъ былъ обратиться съ просьбой къ командиру полка полковнику Шкуринскому; но и онъ, конечно, не могъ измѣнить диспозиціи.

Войска были расположены такъ: противъ сѣвернаго фаса Куринскій и Кабардинскій баталіоны и шесть орудій; противъ западнаго—баталіоны Эриванскій, Грузинскій и сводный стрѣлковый и два орудія; въ промежуткѣ между этими фасами — саперная рота; кавалерія—въ тылу; резерва ника-

кого, за исключеніемъ нашего баталіона, находившагося у вагенбурга.

Началась непрерывная стрѣльба изъ крѣпости и со стороны отряда. Ровно въ 5 часовъ,*) по залпу орудій, былъ назваченъ штурмъ крѣпости. Въ это время у вагенбурга командиръ полка полковникъ Шкуринскій, окруженный нижними чинами четвертаго баталіона, говорилъ имъ о долгѣ солдата въ бою. Въ отвѣтъ на слова любимаго командира, нижніе чины отвѣтили: „не безпокойтесь, ваше высокоблагородіе, не посрамимъ имени своего полка". Полковникъ Шкуринскій подозвалъ къ себѣ браваго фельдфебеля 13-й роты Овчинникова, лично ему извѣстнаго, и пожелалъ отличій. Овчинниковъ, глубоко тронутый лестнымъ вниманіемъ отца-командира, какъ называли полковника Шкуринскаго солдаты, отвѣтилъ: „если придется постоять, ширванцы сумѣютъ показать себя".— Какъ увидимъ, это были не пустыя слова.

Послѣдовалъ залпъ изъ орудій, и баталіоны одновременно двинулись на штурмъ Геокъ-Тепе.... Войска шли безъ выстрѣла, ускореннымъ шагомъ, наконецъ побѣжали. Едва они приблизились къ валу, какъ текинцы ринулись на нихъ страшной, подавляющей массой. Баталіоны дрогнули, и стали отступать безпорядочно, безъ выстрѣла; текинцы

*) 5 часовъ—это фатальный часъ для Ширванцевъ: штурмы Ахалцыха и Ахульго происходили въ это же время.

преслѣдовали ихъ по пятамъ. Общая паника... Раненые бѣгутъ съ перевязочнаго пункта съ криками о спасеніи...

Въ это время на нашъ баталіонъ буквально налетѣли три адъютанта, и подскакалъ полковникъ Гродековъ.—Но ширванцы дѣлали уже свое дѣло: Маіоръ Шауфусъ быстро выдвинулъ свой баталіонъ за мостъ, распустилъ знамя, развернулъ фронтъ, далъ три залпа и, подъ звуки полковой музыки, двинулся на текинцевъ. Зрѣлище было потрясающее: текинцы невольно остановились; видя наступленіе свѣжаго баталіона, который шелъ въ полномъ порядкѣ, грозно подвигаясь впередъ, готовый до послѣдняго лечь на мѣстѣ, но не посрамить имени славнаго полка,—текинцы остановили преслѣдованіе, все еще отступавшихъ войскъ и попятились къ крѣпости.

Баталіонъ въ это время далъ еще нѣсколько залповъ. Командиръ 13-й роты, штабсъ-капитанъ Яковлевъ, принялъ съ ротой слишкомъ много вправо и, отдѣлившись отъ баталіона, пошелъ въ атаку. Въ началѣ этого движенія роты, прапорщикъ Мардановъ контуженъ въ голову, фельдфебель Овчинниковъ раненъ въ ногу и плечо, штабсъ-капитанъ Яковлевъ смертельно раненъ пулей въ животъ; всѣ взводные унтеръ-офицеры выбиты изъ строя; остались только рядовые и тѣхъ немногимъ болѣе половины. И эта молодецкая рота, одна, вда-

ли отъ баталіона, держалась близъ стѣнъ Геокъ Тепе, поражая текинцевъ огнемъ и оставила свое мѣсто, только получивъ приказаніе отступить.

Остальныя три роты, послѣ залповъ, двинулись впередъ, имѣя маіора Шауфуса во главѣ. Полковникъ Шкуринскій, стоя на курганѣ, осыпаемый градомъ пуль, лично руководилъ дѣйствіями баталіона; а главное, будучи любимъ солдатами, онъ ободрялъ ихъ своимъ присутствіемъ и рѣдкимъ хладнокровіемъ. Въ началѣ движенія ротъ ранены: командиръ 15-й роты штабсъ-капитанъ Семеновъ, контуженъ прапорщикъ Васильевъ; ранено много нижнихъ чиновъ и знаменщикъ. Маіоръ Шауфусъ взялъ знамя и со словами „гдѣ знамя, тамъ и солдатъ“,—двинулся впередъ, роты плотной стѣной шли за нимъ. Не доходя до укрѣпленія шаговъ 60, полковникъ Шкуринскій приказалъ дальше въ атаку не ходить; роты залегли и открыли огонь. Тутъ былъ раненъ въ плечо на вылетъ всѣми любимый маіоръ Шауфусъ, котораго сейчасъ же отнесли на перевязочный пунктъ. Командованіе баталіономъ принялъ командиръ 14-ой роты Поручикъ Чепурынъ.

Отступившіе баталіоны успѣли оправиться. Начало уже темнѣть, почему полковникъ Шкуринскій приказалъ отступить. Поручикъ Чепуринъ произвелъ отступленіе по-ротно, съ лѣваго фланга; 13-я рота также отступила. Текинцы осыпали насъ

градомъ пуль; мы едва могли отвѣчать, за неимѣніемъ патроновъ; ихъ подвезли только, когда баталіонъ отступилъ уже на вторую позицію. Когда совсѣмъ смеркалось, баталіонъ подошелъ къ обозу и построился вокругъ него въ каре. Ночью текинцы стрѣляли и съ гикомъ бросались въ атаку, но цѣпь нашего баталіона, заставляла ихъ отступить.

Убыль въ нашемъ баталіонѣ: ранены одинъ штабъ и четыре оберъ-офицера, нижнихъ чиновъ ранено триддать три, убито двадцать; подъ Полковникомъ Шкуринскимъ убита лошадь.

На другой день, 29-го Августа, съ разсвѣтомъ, началось отступленіе отряда.

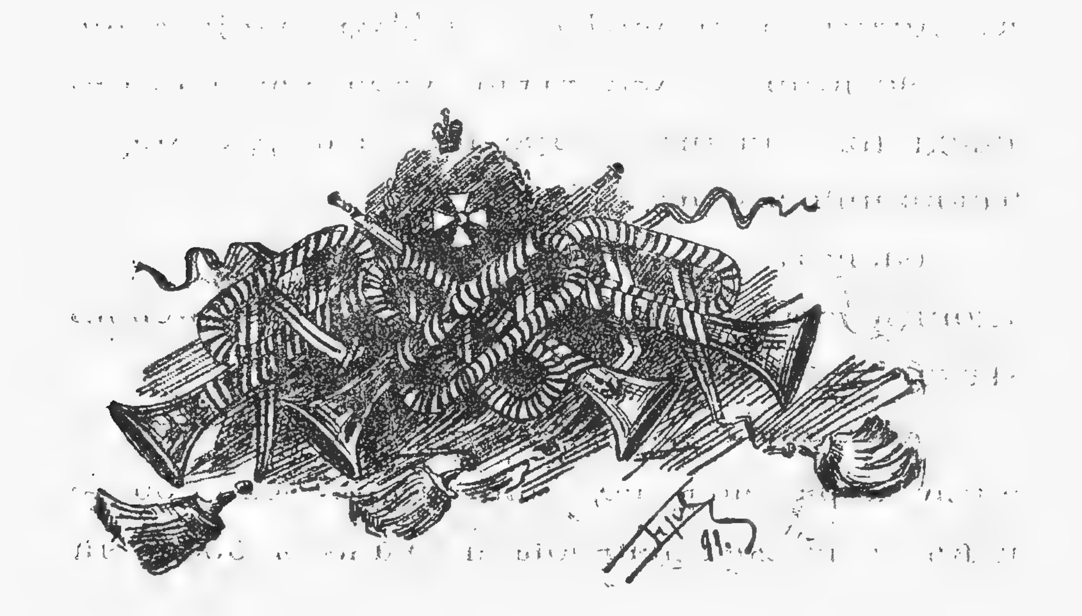
2-го Сентября, въ селеніи Дурунъ, въ пять часовъ утра, умеръ отъ ранъ командиръ 13 роты штабсъ-капитанъ Яковлевъ. Въ 5½ часовъ отрядъ выступилъ. Пройдя одну версту, онъ остановился, была вырыта могила, отрядной священникъ отслужилъ панихиду въ присутствіи всѣхъ офицеровъ отряда, и тѣло похоронено въ мертвой пустынѣ. Войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, чтобы затоптать могилу и тѣмъ не дать возможность текинцамъ найти трупъ и надругаться надъ нимъ.

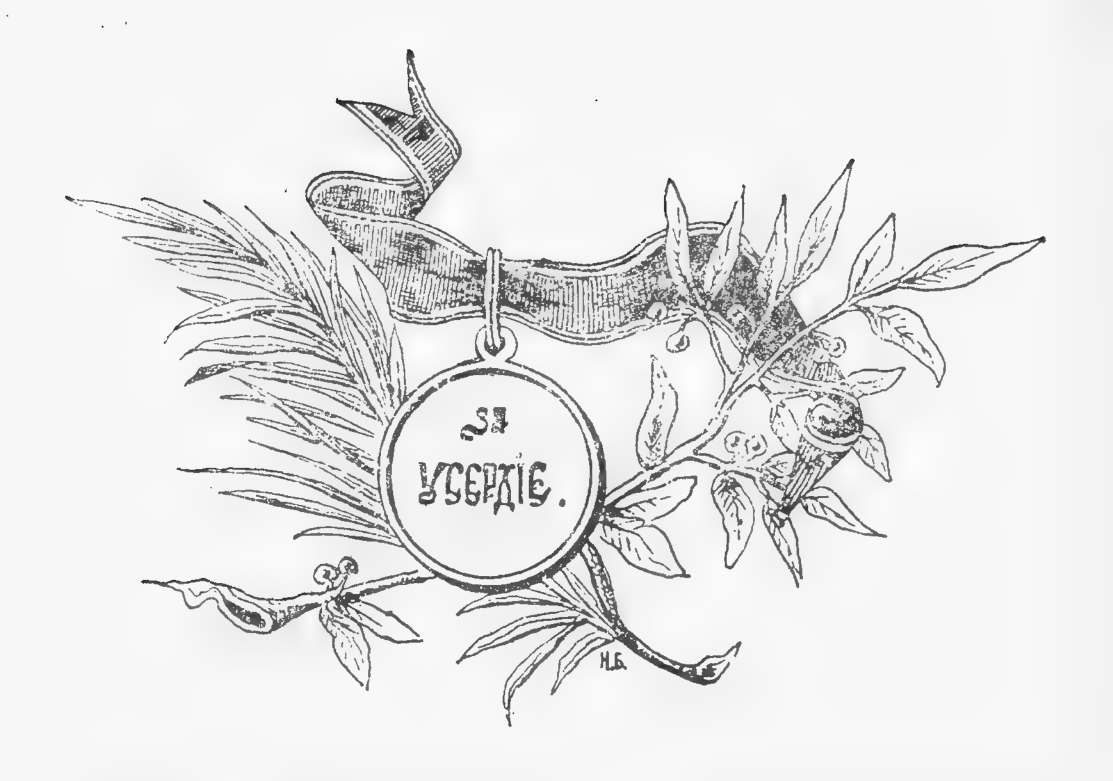
Отрядъ двинулся дальше, и 25-го Сентября 4-й баталіонъ ширванцевъ вступилъ въ Чикишляръ для отправленія на западный берегъ въ свою штабъ-квартиру.

Походъ къ границѣ текинскихъ земель.

Что ни соколы крылаты,
Чуя солнечный восходъ,
Царя Бѣлаго солдаты
Собирались во походъ.
Царя Бѣлаго солдаты
Собирались во походъ.
По линеечкѣ текинской
Не сизой орелъ леталъ—
Нашъ Ламакинъ генералъ
Вдоль по войску проѣзжалъ,
Вдоль по войску проѣзжалъ,
Рѣчь хорошую держалъ.
Рѣчь хорошу говорилъ
Ружья новыя дарилъ,
Ружья новыя Берданы,
Штыки вострые у насъ.
Намъ и нечего боятся
Мы поважены сражаться.
Ночь не спать, не дремать,
За текинскою ордой.
Тихо строятъ тамъ завалы,
Строятъ башни до небесъ.
Подъ ракитою зеленой
Солдатъ голову склонилъ,
Солдатъ голову склонилъ,
На грудь ручки положилъ.

Бѣлый крестикъ къ сердцу жметъ,
А изъ раны кровь течетъ.
Вы слетайтеся вороны
Тѣло бѣлое клевать.
Вы летите всѣ вороны,
На родную сторону.
Отнесите, вы вороны,
Отцу, матери поклонъ.
Отцу, матери поклонъ,
Еще женѣ молодой.
Раскажите вы, вороны,
Что женился на другой.
Что женился на другой
На винтовочкѣ стальной.
На винтовочкѣ стальной
И на сабелькѣ вострой,
Что на себелькѣ вострой
И на пулѣ свинцовой.

Походъ въ Ахалъ-Теке и штурмъ крѣпости Геокъ-Тепе

12-го января 1881 года.

Послѣднюю свою боевую награду ширванцы заслужили во второй Ахалъ-Текинской экспедиціи.

Экспедиція эта была предпринята для обузданія разбойничьяго народа, населявшаго Ахалъ-Текинскій оазисъ.

Въ концѣ 1880 года русскія войска двинулись въ Ахалъ-Теке, подъ начальствомъ прославившагося генерала Скобелева.

20-го декабря войска подошли къ крѣпости Геокъ-Тепе, и въ тотъ же день были начаты осадныя работы, продолжавшіяся до 12-го января 1881 г.

Во время осадныхъ работъ явилась надобность занять плотину, находившуюся шагахъ въ ста тридцати пяти отъ стѣнъ Геокъ-Тепе. Сдѣлать это вызвался поручикъ Лемкуль. Съ двадцатью пятью охотниками онъ ползкомъ подобрался съ ними и, неожиданно бросившись на плотину, выбилъ изъ нея текинцевъ, занялъ ее, быстро приспособилъ насыпь къ оборонѣ и держался въ ней до сумерокъ.

Крѣпость Геокъ-Тепе имѣла видъ четыреугольника и была окружена со всѣхъ сторонъ толстой глиняной стѣной. Чтобы облегчить штурмъ крѣпости, Скобелевъ приказалъ сдѣлать въ стѣнѣ два пролома: одинъ помощью пушечныхъ выстрѣловъ, другой—взрывомъ мины. Къ 12-му января пушечный проломъ былъ готовъ и къ этому же времени подведена подъ самую стѣну мина, въ которую заложено было 70 пудовъ пороху.

12-го января 1881 года, въ 11 час. 20 мин. утра эта мина была взорвана и по этому сигналу три штурмовыхъ колонны съ разныхъ сторонъ двинулись на приступъ. 2 роты 1-го и весь 3-й баталіонъ Ширванскаго полка находились въ колоннѣ полковника Куропаткина, и должны были идти на штурмъ обвала, образовавшагося послѣ взрыва мины. Лихо двинулись ширванцы на приступъ. Текинцы вначалѣ были потрясены страшнымъ взрывомъ, но вскорѣ опомнились, заняли

обвалъ и схватились грудь съ грудью съ ширванцами. Закипѣлъ жестокій рукопашный бой. Но что могло устоять противъ испытаннаго ширванскаго штыка? Текинцы были сбиты и бѣжали къ крѣпостнымъ воротамъ.

3-й баталіонъ, собравшись вмѣстѣ, по-ротно въ оду линію, съ музыкой двинулся на штурмъ холма Денгиль-Тепе и кибитокъ; послѣ нѣсколькихъ залповъ роты бросились на „ура", и въ часъ дня наше знамя развѣвалось на холмѣ.

Во время рукопашной схватки рядовой 9-й роты Котельниковъ ворвался въ толпу текинцевъ и началъ работать штыкомъ. Не сдобровать бы этому молодцу, но его выручилъ командиръ роты, тотъ же поручикъ Лемкуль: съ нѣсколько нижними чинами онъ буквально вырвалъ его изъ рукъ текинцевъ. Одновременно съ 3-мъ баталіономъ на стѣну вошла 1-я полурота 2-й роты съ поручикомъ Булыгинымъ; ему поручено было штурмовать траверсъ, откуда непріятель поражалъ наши войска во флангъ. Выбивъ штыками текинцевъ изъ за траверса и не давъ имъ опомниться, поручикъ Булыгинъ овладѣлъ крѣпостной стѣной и расположился по ней, вправо отъ траверса. Сомкнувъ полуроту, насколько позволяло мѣсто, онъ открылъ усиленную пальбу залпами по многочисленному, упорно державшемуся на восточной крѣпостной стѣнѣ, противнику; этимъ онъ заставилъ текин-

цевъ оставить занятую ими позицію и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно обезпечилъ отъ продольныхъ выстрѣловъ правый флангъ колонны маіора Сивинса, чѣмъ помогъ ей окончательно овладѣть обваломъ.

При дальнѣйшемъ наступленіи, 2-я рота, совмѣстно съ охотниками Апшеронскаго полка, исторгнула изъ рукъ непріятеля знамя, отбитое текинцами у апшеронцевъ 28-го декабря 1880 года. Рядовой 2-й роты Илья Кутуковъ, первый схватившій знамя, былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ.—На другой день, при торжественной обстановкѣ, знамя было передано, по принадлежности, 4-му баталіону Апшеронскаго полка.

Не менѣе успѣшенъ былъ штурмъ и въ другихъ колоннахъ, и къ 2-мъ часамъ дня крѣпость была въ нашихъ рукахъ. Въ 2-хъ баталіонахъ выбыло у насъ въ этотъ день изъ строя 60 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

За штурмъ Геокъ-Тепе командиръ 3-го баталіона маіоръ Сивинсъ и поручикъ Лемкуль награждены орденами св. Георгія 4-й степени, поручикъ Булыгинъ орденомъ св. Владиміра; подполковникъ Гогоберидзе, капитаны Канделаки 1-й, Сенелевичъ и Халычъ получили золотое оружіе; а 1-му и 3-му баталіонамъ пожалованы добавочныя надписи на шапкахъ: **„и за штурмъ Геокъ-Тепе 12-го января 1881 г.“**

И этотъ послѣдній походъ нашъ нашелъ себѣ откликъ въ солдатской пѣснѣ.

Штурмъ крѣпости Геокъ-Тепе.

Чрезъ Каспійско бурно море
Пролетѣлъ орелъ сизой,
Будетъ вамъ текинцы горе—
Прибылъ Скобелевъ второй.

Мы полгода обождали
И за нимъ пошли въ походъ,
На текинцевъ страхъ нагнали,
Имъ надѣлали хлопотъ.

Январь мѣсяцъ наступаетъ
Завязался страшный бой,
И текинцы издыхаютъ,
Подняли волчиный вой.

Пули носятся какъ тучи,
Ядра сыплятся какъ градъ,
Вы не думайте, текинцы,
Не стращайте этимъ насъ.

Скобелевъ непобѣдимый
Свое войско подбодрилъ
И въ текинскія долины
Глубоко траншеи рылъ.

Мы немного обождали,
Подъ нихъ мины подвели,

И на воздухъ полетѣли,
Жены, дѣти, всѣ они.

Жены, дѣти, ребятишки
Бѣгутъ съ крикомъ всѣ „Алла",
Наши храбрые ширванцы
Со штыками на „ура".

Вы текинцы, быстроглазы,
Слушай, сказочку скажу,
Про турецкія проказы
Про Мухтарушку пашу.

Коль хотите вы мириться,
Просимъ милости къ себѣ,
И на жительство селиться
Въ крѣпости Геокъ-Тепе.

Пожалованіе шефа.

Награды, полученныя полкомъ за боевыя отличія, не исчерпываютъ еще царскую милость къ намъ.

Громкая слава Ширванскаго полка волной докатилась до царскаго трона, и полкъ удостоился рѣдкой награды—имѣть своимъ шефомъ самаго Государя Императора.

Вотъ какъ это было.

Въ 1888 году Императоръ Александръ III объѣзжая Кавказъ, посѣтилъ городъ Баку, гдѣ къ тому времени были собраны полки 21-ой пѣхотной дивизіи.

9-го октября состоялся царскій смотръ. И вотъ, когда всѣ полки прошли церемоніальнымъ маршемъ, Государь приказалъ вернуть ширванскій полкъ. Когда ширванцы были выстроены передъ Его Величествомъ, Государь вызвалъ впередъ гг. офицеровъ и изволилъ сказать: **„Въ ознаменова-**

ніе нашего пребыванія на Кавказѣ и въ воздаяніе прежнихъ славныхъ заслугъ жалуемъ мы полку Шефа своего Наслѣдника.“

Слова Государя Императора были покрыты громкимъ, долго несмолкаемымъ „ура“! затѣмъ Государь приблизился къ командиру полка полковнику Бушъ, подалъ ему руку и изволилъ сказалъ: **„пріятно, что имѣлъ возможность порадовать столь славный боевыми заслугами полкъ“.**

Съ восшествіемъ на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II, полку повелѣно именоваться Ширванскимъ Его Величества полкомъ.

Будемъ же достойны этой великой чести. Когда настанетъ счастливый день, что мы вновь будемъ вызваны на боевую линію,—былые Ермоловскіе орлы расправятъ свои крылья, чтобы летѣть туда, куда призоветъ ихъ царь. Вновь докажемъ мы, какъ нѣкогда Паскевичу подъ Ахалцыхомъ, что для ширванцевъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Въ 1895 году полкъ переходитъ изъ Кусаровъ въ новую штабъ-квартиру слободу Хасавъ-юртъ гдѣ и остается по сей день.

Когда въ 1904 году возгорѣлась русско-японская война, ширванцамъ не выпало счастли-

вой доли потягаться съ врагомъ на поляхъ Маньчжуріи. Царю угодно было вручить намъ охрану Кавказа—лучшей жемчужины своей короны. За то большая половина офицеровъ полка побывала въ рядахъ дѣйствующей арміи. Сражаясь въ составѣ другихъ частей, они высоко держали знамя родного полка, помня его боевыя традиціи.

Всѣ они вернулись съ войны награжденные орденами, многіе ранены. Подполковникъ баронъ Боде удостоился высшей боевой награды—ордена Св. Георгія 4-й степени и золотого оружія.

Незаменимую утрату понесъ полкъ въ лицѣ штабсъ-капитана Фигельзона. Этотъ выдающійся, образцовый во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ, чудный товарищъ, былъ сраженъ японской пулей въ то время, когда онъ блистательно завершилъ порученное ему дѣло, отбивъ нѣсколько яростныхъ атакъ японцевъ. По словамъ очевидцевъ, при жизни онъ былъ бы удостоенъ Георгіевскаго креста. Да будетъ земля ему пухомъ!..

Одновременно съ внѣшней войной развивалась у насъ еще худшая война — внутренняя. Грознымъ ураганомъ пронеслась по Руси смута. Она сумѣла проникнуть даже въ нѣкоторыя войсковыя части. Непоколебимъ остался, конечно, Ширванскій Его Величества полкъ.

Въ теченіи 1904 и 1905 годовъ части полка нѣсколько разъ побывали въ Баку, Грозномъ, Новороссійскѣ для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Особенно много пришлось поработать 1-му баталіону при прекращеніи армяно-татарской рѣзни въ Балаханахъ, въ августѣ 1905 года. Въ перестрѣлкѣ съ татарами во 2-ой ротѣ были ранены два нижнихъ чина—Макаровъ и Страховъ, изъ которыхъ первый отъ полученной раны скончался; все имущество роты уничтожено пожаромъ.

Въ томъ же 1905 году, во время желѣзнодорожной забастовки, 13-я и 16-я роты нашего полка принимали дѣятельное участіе въ прекращеніи ея на станціяхъ Незлобной и Минераловодской, и въ отстаиваніи Георгіевскаго артиллерійскаго склада отъ посягательства революціонеровъ.

Вслѣдъ затѣмъ роты эти вошли въ составъ отряда, сформированнаго для усмиренія Осетіи, гдѣ, пользуясь внутренней смутой, туземцы принялись вырубать казенные лѣса, грабить и жечь казенное и частное имущество.

Чтобы судить о дѣятельности полка въ эту смутную пору, достаточно привести слова приказа главнокомандующаго по войскамъ Кавказскаго военнаго округа о дѣйствіяхъ осетинскаго отряда: „Радъ слышать о доблестномъ поведеніи 13-й и 16-й ротъ Ширванскаго полка; слабые по составу, но сильные духомъ, онѣ вмѣстѣ съ казаками служили главнымъ оплотомъ всего отряда.

Какъ при защитѣ Георгіевскаго склада, такъ и теперь, равно какъ и во всѣхъ другихъ тяжелыхъ условіяхъ настоящаго времени, ширванцы **Его Величества** высоко держатъ знамя и незапятненную честь доблестнаго полка, имѣющаго Августѣйшимъ Шефомъ своимъ **„Его Императорское Величество Государя Императора“**.

Столь же тревоженъ былъ и 1906 годъ. Смута не утихала. Терская область была объявлена на военномъ положеніи. Мѣстный генералъ-губернаторъ, хорошо узнавшій службу ширванцевъ въ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ, вызывалъ ихъ всюду, гдѣ возникали безпорядки, или смута пыталась подточить устои дисциплины въ войсковыхъ частяхъ.

Такимъ образомъ, роты полка въ теченіи года побывали въ укрѣпленіи Ведено, въ городахъ Владикавказѣ, Грозномъ, Пятигорскѣ, Ессентукахъ, Кисловодскѣ, Георгіевскѣ, на станціи Минеральныя-Воды, въ уроч. Дешлагарѣ...

И порядокъ былъ всюду возстановляемъ безъ пролитія крови. Ширванцы не разстрѣляли при этомъ ни одного патрона.

Нерушимая вѣрность присягѣ и долгу службы, твердость и настойчивость въ исполненіи служебныхъ обязаностей—вотъ то оружіе, которымъ мы побивали и побиваемъ враговъ порядка и законности.

Особенно много труда досталось на долю роты Его Величества, которая пять мѣсяцевъ провела на станціи Минеральныя-Воды. Находясь въ одномъ изъ центровъ революціоннаго движенія, окруженные желѣзнодорожными рабочими, среди которыхъ пропаганда пустила глубокіе корни, нижніе чины роты **Его Величества** съ честью вышли изъ испытанія, не поддавшись никакимъ соблазнамъ.

Служба этой славной роты отмѣчена приказомъ по Кавказскому военному округу отъ 9-го января 1907 г.

„Въ іюнѣ прошлаго 1906 года рота **Его Величества** 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка, подъ командой капитана Чижевскаго, была командирована на станцію Минеральныя-Воды. Здѣсь, въ тяжелое время безпорядковъ, не мало трудовъ переносила эта доблестная рота“.

„Всѣ усилія злоумышленниковъ развратить нижнихъ чиновъ, попытки передавать имъ прокламаціи съ самыми соблазнительными обѣщаніями и деньги, не могли пошатнуть въ нижнихъ чинахъ преданность Царю и Родинѣ, сознанія долга и святости присяги.“

„Въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать ротѣ, каждый нижній чинъ исполнялъ возложенныя на него обязанности безъ колебанія, самоотверженно и вполнѣ разумно“.

„Вѣрю, что ширванцы всегда и вездѣ будутъ дорожить своей доброй славой, и славныя преданія и духъ полка всегда будутъ отличать его въ рядахъ Кавказской арміи.“

Осенью 1906 года полкъ удостоился получить благодарность за безукоризненную службу въ борьбѣ съ внутренними врагами отъ лица главнокомандующаго черезъ корпуснаго командира, генералъ-адъютанта Мищенко.

Прославленный герой Русско-Японской войны, генералъ-адъютантъ Мищенко получилъ отъ Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ порученіе—при объѣздѣ войскъ корпуса передать ширванцамъ исключительную благодарность Его Сіятельства.

2-го ноября 1906 года генералъ-адъютантъ Мищенко передалъ эту благодарность полку въ штабъ-квартирѣ въ сл. Хасавъ-юртъ. То же повторялъ генералъ-адъютантъ Мищенко, посѣщая роты полка въ Грозномъ, Георгіевскѣ и на станціи Минеральныя-Воды.

24-го февраля 1907 года Ширванцы пережили радостное событіе: штабъ-квартиру полка посѣтилъ главнокомандующій войсками округа, генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Ширванцы предстали на смотръ Намѣстника Царя и услышали его слова благодарности за доблестную службу.

Его Сіятельство сказалъ:

„Вижу могучую силу въ Ширванскомъ полку; ширванцы не только въ военное время отличались, но и теперь, въ мирное время, въ періодъ революціи, сослужили службу. Этимъ я обязанъ командиру полка, штабъ и оберъ - офицерамъ и нижнимъ чинамъ“.

26-го февраля командиръ полка удостоился по-

лучить слѣдующую телеграмму отъ Намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ:

Хасавъ-Юртъ,

Командиру Ширванскаго полка.

„Счастливъ передать доблестному полку телеграмму Державнаго Шефа: „Ширванцы всегда выдѣлялись своею безграничною преданностью долгу и завѣтамъ своихъ героевъ предковъ. Радуюсь, что Вы нашли мой деблестный полкъ въ блестящемъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи. Передайте ширванцамъ мое спасибо".

Графъ Воронцовъ-Дашковъ".

О благосостояніи полка генералъ-адъютантомъ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ было донесено Его Императорскому Величеству въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Царское Село"

Его Императорскому Величеству. 24-го февраля, въ штабъ-квартирѣ Хасавъ-юртъ, я осмотрѣлъ Имени Вашего Императорскаго Величества Ширванскій полкъ. Найдя полкъ въ блестящемъ состояніи какъ въ строевомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, такъ еще болѣе въ отношеніи безграничной преданности долгу и завѣтамъ своихъ предковъ—ширванцевъ служить Государямъ своимъ вѣрой и правдой до послѣдняго вздоха, я беру на себя радостную обязанность

Всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству о выдающейся службѣ Ширванскаго полка и отъ лица полка повергнуть передъ Вашимъ Величествомъ чувство восторженной и безграничной любви къ своему Державному Шефу.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ."

Будемъ же работать съ усиленной энергіей, дабы удержаться на той отвѣтственной высотѣ, вершина коей озарена яркимъ свѣтомъ Высочайшаго удостоенія:

„Мой доблестный полкъ."

Такъ счастливо начался для насъ 1907 годъ.

Годъ этотъ принесъ съ собой успокоеніе,—революція стихла, и полкъ получилъ возможность собраться въ своей штабъ-квартирѣ. А въ Августѣ всѣ полки 21-й пѣхотной дивизіи, послѣ 3-хъ лѣтняго промежутка, вновь сошлись въ лагерномъ сборѣ подъ Владикавказомъ.

Работы было не мало: надо было усвоить себѣ многое изъ того, чему насъ научилъ опытъ русско-японской войны.

1909 годъ отмѣченъ торжественнымъ юбилейнымъ празднествомъ, на которое откликнулась вся Россія и Кавказъ особенно.

25-го Августа этого года исполнилось 50 лѣтъ со дня взятія штурмомъ Гунибъ-дага и плѣненія Шамиля, т. е. со времени покоренія Восточнаго Кавказа. Полки 21-й пѣхотной дивизіи въ началѣ Августа собрались подъ городомъ Темиръ-Ханъ-Шурой и, отбывъ тамъ общій лагерный сборъ, двумя колоннами двинулись къ Гунибу.

23-го Августа прибылъ туда Главнокомандующій войсками округа графъ Воронцовъ-Дашковъ. Къ этому времени туда же собрались и депутаціи тѣхъ частей, которыя принимали участіе въ штурмѣ, но теперь не могли прибыть вслѣдствіе отдаленности своихъ штабъ-квартиръ.

Къ ночи на 24-е Августа полки заняли свои историческія мѣста, а утромъ 24-го былъ произведенъ штурмъ Гуниба въ томъ видѣ, какъ онъ на самомъ дѣлѣ происходилъ 50 лѣтъ тому назадъ. Съ чувствомъ благоговѣнія взбирались ширванцы по своей знаменитой тропѣ, обагренной полвѣка тому назадъ обильной кровью своихъ предковъ. Одновременно съ апшеронцами, дагестанцами и самурцами они подошли къ развалинамъ стараго аула, гдѣ Шамиль нашелъ свое послѣднее убѣжище. Послѣ отбоя была отслужена панихида по воинамъ, павшимъ при штурмѣ Гуниба.

Величественную картину представлялъ Гунибъ утромъ 25-го Августа, когда войска и депутаціи, въ ожиданіи объѣзда Намѣстника Его Величества.

выстроились уступами, въ нѣсколько линій, передъ развалинами аула.—Послѣ объѣзда былъ отслуженъ торжественный молебенъ съ Императорскимъ салютомъ во время многолѣтія Государю. Парадъ закончился церемоніаломъ. Весь день шелъ праздникъ въ разукрашенныхъ лагеряхъ полковъ; вечеромъ была зажжена иллюминація и сожженъ фейерверкъ.

Неизгладимое впечатлѣніе въ памяти каждаго ширванца оставилъ день 26-го Августа.

Еще въ 1905 году наши офицеры, движимые чувствомъ благоговѣйной любви къ своему родному полку, возбудили черезъ своего командира ходатайство о разрѣшеніи увѣковѣчить память героевъ, павшихъ при штурмѣ Гуниба, постановкой памятника на самомъ Гунибѣ, около братской могилы ширванцевъ. Государь Императоръ, разрѣшивъ постановку памятника, даровалъ и средства на его сооруженіе. Освѣщеніе его было пріурочено къ юбилею.

Утромъ 26-го Августа полкъ выстроился вокругъ братской могилы и вновь сооруженнаго памятника на небольшой площадкѣ, тамъ, гдѣ начинается самая крутая часть ширванской тропы.

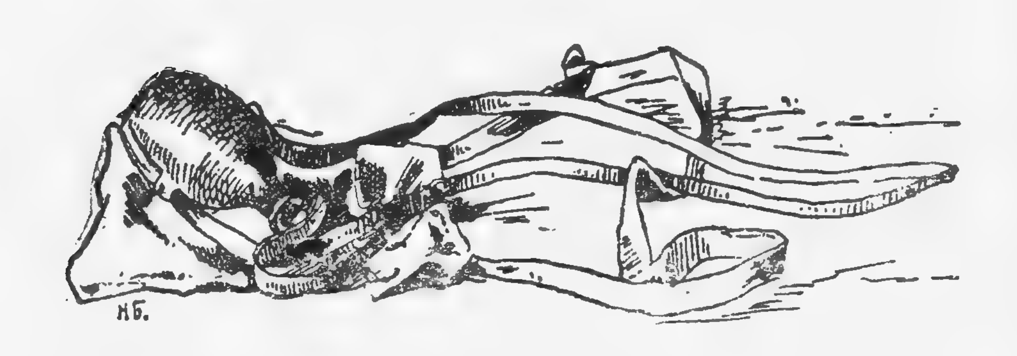
По окропленіи памятниковъ святой водой, полковымъ священникомъ была отслужена панихида по павшимъ воинамъ.

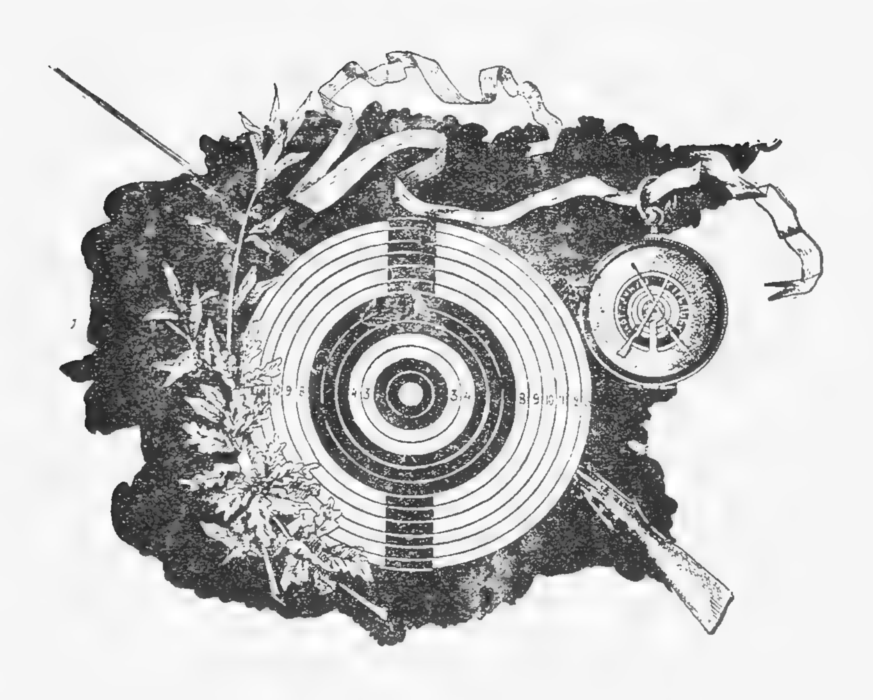
Раздалась „вѣчная память“; ширванцы пре-

клонили колѣна, творя молитву объ упокоеніи души усопшихъ.—Была незабвенная минута. . . При видѣ этихъ, казалось, недоступныхъ скалъ, въ душѣ каждаго невольно зарождалось чувство глубокой благодарности незабвеннымъ героямъ, которые, 50 лѣтъ тому назадъ сложивъ на этихъ скалахъ свои головы за Царя и Отечество,—тѣмъ самымъ стяжали полку неувядаемую славу; въ каждомъ крѣпло чувство любви къ родному полку и его боевому прошлому; приходили на память слова нашего полкового гимна:

„ . . . Твой трудъ и кровь не лились зря,
И впредь Ширванецъ будетъ свято
Служить, чтобъ радовать Царя!“

На памятникѣ сдѣланы двѣ надписи. Съ одной стороны: „Ширванцы Его Величества предкамъ, павшимъ 25-го августа 1859 года при штурмѣ Гуниба“; съ другой стороны: „Сооруженъ на средства Августѣйшаго шефа“.

Такова краткая повѣсть о почти двухвѣковой Царской службѣ ширванца.—Одинъ изъ военныхъ писателей, авторъ описанія знаменитой обороны Ахтовъ, восклицаетъ: „Какъ не преклоняться передъ такими людьми, какъ Новоселовъ, какъ ихъ не прославлять! -Откуда же нарождались такіе люди, откуда вырабатывались такіе гиганты и почему именно они—эти Волжинскіе, Юдины, Бибановы, Новоселовы, Меркуловы, Тихановы и многіе другіе, совершали подвиги, изумлявшіе современниковъ, а не кто либо другой!—Да нарождались и нарождаемся мы всѣ одинаковыми, а вырабатывались гиганты—Кавказомъ: этой чудной, грандіозной и страшной твердыней, съ ея недосягаемыми вершинами, съ ея бездонными пропастями; съ ея рѣками, срывающими и несущими вѣковые дубы

и громады камня; съ ея дикой и величественной природой и непроходимыми лѣсами; съ ея дикимъ, изступленнымъ и отчаянно храбрымъ народомъ;— гдѣ, какъ офицеру, такъ и солдату приходилось ежедневно все это преодолѣвать, переносить; гдѣ на каждомъ шагу, каждый день офицеръ и солдатъ ожидалъ смерти; гдѣ, наконецъ, никто не зналъ мирной жизни, находясь постоянно въ походахъ, дѣлахъ, схваткахъ. Все это закаляло, сближало.

А такая жизнь для ширванца на Кавказѣ началась съ 1800 года—съ знаменитаго сраженія на рѣкѣ Іорѣ. Вотъ начало „славнаго духа“, „кавказскихъ орловъ“, „10-го легіона“—Ермолова, „звѣрей“ —Паскевича, „отчаянныхъ“ ширванцевъ—Аргутинскаго.—Закаленность, товарищество, горячая привязанность къ своимъ начальникамъ, святое береженіе чести и славы полка,—вотъ слѣдствіемъ чего являлись невѣроятные, сказочные подвиги; такая жизнь вырабатывала служакъ простыхъ, скромныхъ, честныхъ и на все готовыхъ за царя и отечество. Всѣхъ прибывающихъ въ полкъ, поражаетъ эта простота. Будь на мѣстѣ хотя бы Бибанова, Новоселова кто либо другіе, смѣемъ думать, что и они исполнили бы свой долгъ также свято, скромно и беззавѣтно.“—

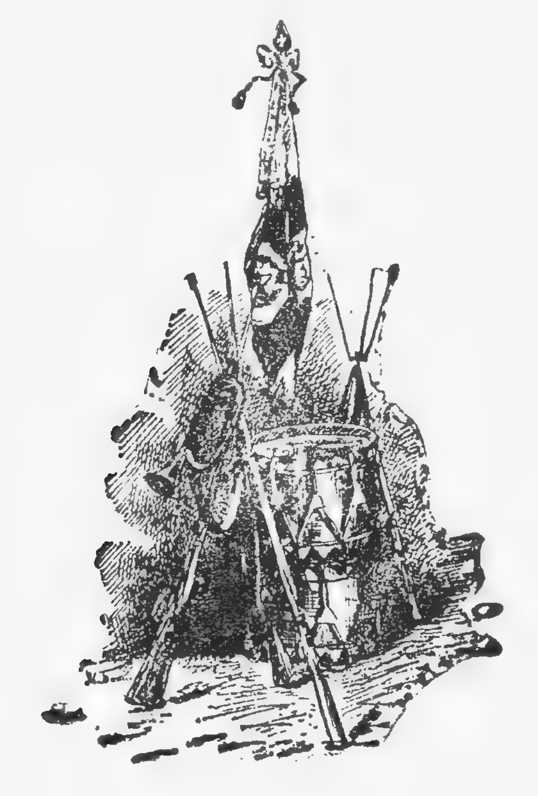
Да, такъ и будетъ, отвѣтимъ мы просто, но увѣренно, на этотъ полувопросъ. Остальное доскажутъ слова изъ пѣсни, составленной нашимъ быв-

шимъ командиромъ полка полковникомъ Шарнгорстомъ.

Много времени прошло,
Много крови пролито,
Но Ширванецъ и теперь
Храбръ въ бою какъ лютый звѣрь.

Всѣ Царя полки лихіе,
Не даромъ слава ихъ громка,
Но нѣтъ нигдѣ, во всей Россіи
Страшнѣй Ширванскго полка.

И эту славу, нашу гордость,
Наслѣдье нашихъ стариковъ
Мы сохранимъ, какъ святость, доблесть
Для нашихъ внуковъ молодцовъ.

Боевыя отличія полка.

1, Всѣ баталіоны имѣютъ **Георгіевскія** знамена; изъ нихъ 1-й, 2-й и 3-й баталіоны получили за сраженіе съ французами близъ мѣстечка **Краона** 23-го Февраля 1814 года, а 4-й баталіонъ получилъ **Георгіевское** знамя, за оборону крѣпости **Шуши**, противъ Персидской арміи въ 1826 году. Въ послѣдствіи этому баталіону прибавили на знамя надпись: „**За штурмъ Гуниба** въ 1859 году“.

2, **Гренадерскій бой**—за отличіе въ войну съ **Персіей** въ 1826 и 1827 годахъ и за войну съ **Турціей** въ 1828 и 1829 годахъ.

3, Надпись на шапкахъ: „**За отличіе**“, пожалованную полку за сраженіе съ **персіанами** 13-го Октября 1826 года.

4, 1-й и 3-й батальоны имѣютъ добавочную надпись на шапкахъ: „**За штурмъ Геокъ-Тепе**“ 12-го Января 1881 года.

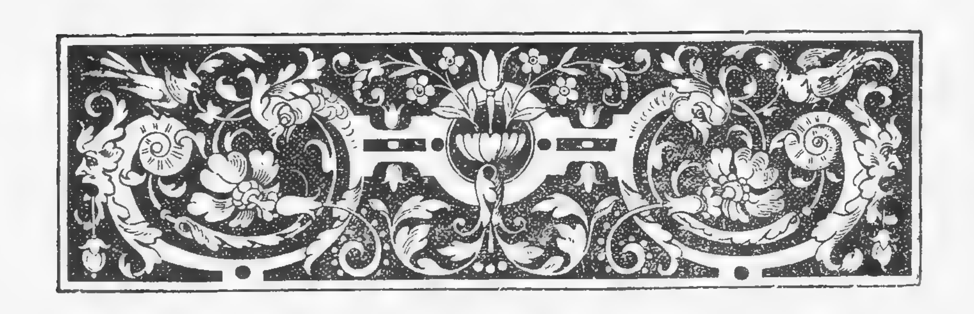
5, Двѣ серебрянныя **Георгіевскія трубы**, пожалованныя полку за штурмъ **Ахалциха** 15-го Августа 1829 года.

6, 4-й баталіонъ имѣетъ **Георгіевскій** серебрянный сигнальный рожокъ, за покореніе **Западнаго Кавказа** въ 1864 году.

7, 13-я, 14-я и 15-я роты имѣютъ каждая по **Георгіевскому** серебрянному сигнальному рожку за **Хивинскій** походъ 1873 года.

8, Офицеры полка имѣютъ на воротникахъ и обшлагахъ мундировъ **золотыя петлицы** пожалованныя полку за усмиреніе мятежа въ **Дагестанѣ** въ 1877 году.

На знаменахъ полкъ имѣетъ **Александровскія ленты** за **столѣтнюю безпорочную службу**.

Шефы полка.

Арсеньевъ, Алексѣй Димитріевичъ, ген.-маіоръ,
съ 28 Января 1798 г. по 17 Декабря 1799 г.

Кохіусъ, Петръ Ивановичъ, ген.-маіоръ.
съ 17 Декабря 1799 г. по 29 Января 1800 г.

Гуляковъ, Василій Семеновичъ, ген.-маіоръ,
съ 29 Января 1800 г по 3 Марта 1804 г

кн. Орбеліанъ, Димитрій Захаровичъ, ген.-маіоръ,
съ 3 Марта 1804 г. по 24 Августа 1811 г.

Емельяновъ, Полковникъ.
съ 24 Августа 1811 г. по 10 Ноября 1812 г.

Пятериковъ, Полковникъ
съ 10 Ноября 1811 г. по 17 Февраля 1812 г.

Тихановскій, Полковникъ.
съ 17 Февраля 1812 г. по 1 Сентября 1814 г.

Князь Варшавскій Графъ **Паскевичъ-Эриванскій**, Его Императорскаго Величества Генералъ-Адъютантъ, впослѣдствіи Генералъ-Фельдмаршалъ.
съ 17 Января 1828 г. по 20 Января 1856 г.

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай II Александровичъ.
съ 9 Октября 1888 г.

Списокъ

Командировъ полка отъ его основанія.

№№ по порядку	ЧИНЪ и ФАМИЛІЯ.		ВРЕМЯ КОМАНДОВАНІЯ.
1	Фонъ-Девицъ, Полковникъ	съ	1726 -
2	Фонъ-Феникъ-Бирь, Полковн.	„	неизвѣстно
3	Корсаковъ, Бригадиръ	„	. . — 4 Декабря 1796 г.
4	Князь Ураковъ, Полковникъ	„	4 Дек. 1796—10 Декабря 1797 „
5	Вышславцовъ, Маіоръ	„	23 Авг. 1798 – 9 Ноября 1799 „
6	Лыковъ, Маіоръ	„	29 Авг. 1800— 8 Октября 1800 „
7	Алексѣевъ, Маіоръ	„	3 Мар. 1804—20 Января 1808 „
8	Князь Эристовъ, Полковникъ	„	11 Сен. 1809—12 Апрѣля 1810 „
9	Ковалевъ, Подполковникъ	„	22 Іюня 1810—24 Августа 1811 „
10	Степановъ, Подполковникъ	„	24 Авг. 1811 — 2 Октября 1814 „
11	Графъ Гудовичъ, Полковникъ	„	1 Янв. 1816 – 28 Января 1817 „
12	Князь Орбеліанъ Подполковн.	„	28 Янв. 1817— 4 Марта 1821 „
13	Ковалевъ, Подполковникъ	„	4 Мар. 1821 – 24 Сентяб. 1827 „
14	Бородинъ, Подполковникъ	„	24 Сен. 1827—20 Октября 1828 „
15	Кошкаревъ, Полковникъ	„	22 Окт. 1828— 5 Іюня 1831 „
16	Авечкинъ, Подполковникъ	„	5 Іюня 1831 – 9 Декабря 1833 „
17	Клугенъ, Подполковникъ	„	9 Дек. 1833 - 30 Марта 1834 „
18	Пацовскій, Полковникъ	„	30 Мар. 1834—10 Января 1835 „
19	Клугенъ, Подполковникъ	„	10 Янв. 1835—30 Октября 1837 „
20	Ясинскій, Подполковникъ	„	1838—24 Мая 1838 „
21	Баронъ Врангель, Полковникъ	„	24 Мая 1838 – 4 Января 1841 „
22	Заливкинъ. Полковникъ	„	. 1842 – 23 Іюля 1845 „
23	Копушъ, Полковникъ	„	23 Іюля 1845 · 1 Января 1847 „
24	Манюкинъ, Полковникъ	„	1848 – 25 Февраля 1853 „
25	Васильчиковъ, Полковникъ	„	25 Фев. 1853 – 2 Января 1858 „
26	Кононовичъ, Полковникъ	„	2 Янв. 1858 18 Сентяб. 1865 „
27	Гунинъ, Полковникъ	„	18 Сен. 1865 22 Іюля 1866 „
28	Брусиловъ, Полковникъ	„	22 Іюля 1866 – 23 Сентяб. 1873 „
29	Шарнгорстъ, Полковникъ	„	23 Сен. 1873—13 Октября 1876 „
30	Шкуринскій, Полковникъ	„	13 Окт. 1876— 1 Января 1880 „
31	Линевичъ, Полковникъ	„	1 Янв. 1880 – 1 Января 1886 „

32	Бушъ, Полковникъ	съ	1	Янв.	1886—25	Іюля	1890 г.
33	Васильевъ, Полковникъ	„	25	Іюля	1890—17	Октября	1891 „
34	Флигель-Адъют. Гераковъ, Полков.	„	17	Окт	1891—12	Марта	1893 „
35	Фрезеръ, Полковникъ	„	14	Іюня	1893 - 15	Февраля	1900 „
36	Ерофѣевъ, Полковникъ	„	15	Фев.	1900 - 10	Марта	1903 „
37	Дановскій, Полковникъ	„	19	Мар.	1903—12	Августа	1907 „
38	Гурскій, Полковникъ	„	21	Авг.	1907.		